

Западные книги и фильмы 15К+; количество слов: 42513
автор: [eva_s](#)

Два солнца, пять лун

саммари: Войны Клонов. Энакина, еще не до конца оправившегося после тяжелого ранения, отправляют на, казалось бы, простую миссию — сопровождать сенатора Органу на мирных переговорах о заключении союза с Аранией, богатой сырьевой системой. Однако и миссия, и сенатор Органа преподносят ему сюрпризы.

примечания: AU, в котором Падме отказала Энакину еще в самом начале. Образ Бейла Органы взят из фильмов, а не из сериала «Войны клонов». Арания — полностью вымышленная автором система. Могут встречаться расхождения с каноном. Иллюстрация — Adell Moretti
предупреждения: UST, Canon Divergence AU, Age Difference

[фэндом: Star Wars](#)

[Бейл Органа / Анакин Скайуокер](#)

[slash NC-17 Детектив Романс Экшн](#)

(1)

Знакомый аромат духов коснулся его ноздрей, легкий, едва уловимый — конечно же, это была Падме. Цветы и медовые травы. Энакин на ходу оглянулся — та шла по коридору, втолковывая что-то Бинксу, и свет заливал ее всю. По-видимому, заседание Сената закончилось, мимо Энакина кто-то проходил, но он видел лишь ее, лишь Падме —

— Осторо...

Он во что-то врезался — в кого-то — отступил и пошатнулся; сильная рука подхватила за локоть, помогая устоять.

— Генерал Скайуокер?..

— Сенатор Органа?.. — почти в один голос удивленно произнесли они. Органа усмехнулся и выпустил локоть Энакина; наклонился, чтобы поднять свой выпавший в столкновении датапад. Энакин наклонился было тоже, но не успел помочь и ощутил, как щеки начинают гореть от неловкости.

— Впервые вижу джедая, который на кого-то налетел, — в голосе

Органы прозвучала дружеская подколка; они никогда не были близко знакомы, но сейчас Энакин почувствовал благодарность за эту попытку разрядить обстановку.

— Прошу прощения, сенатор.

— Ничего страшного, генерал. Возможно, вам стоило побыть в Залах исцеления еще пару дней, а не сбегать при первой возможности, — Органа улыбнулся.

Энакин посмотрел на него удивленно — он и правда был тяжело ранен в последнем бою, и именно поэтому находился сейчас на Корусанте — в разгар войны, пока Оби-Ван и Асока сражались без него в самой гуще событий, — но не думал, что сенатору Органе об этом известно. Впрочем, его имя последнее время было достаточно на слуху; ему даже придумали кличку — «Герой без страха». Энакину это одновременно льстило и раздражало.

Как бы там ни было, сейчас дело было, конечно же, не в ранении. Взгляд Энакина неосознанно метнулся к удаляющейся по коридору Падме, и Органа невольно проследил за ним. Его брови слегка сошлись у переносицы.

— Вы правы, сенатор, — Энакин покаянно склонил голову, отвлекая его — и сразу же добавил с усмешкой: — Но таковы уж мои привычки.

Органа улыбнулся — рассеянно, словно уже думал о другом.

— И все же некоторым ранам и правда требуется время на исцеление, — сказал он мягко и, кивнув на прощание, пошел по своим делам.

Энакин обескураженно посмотрел ему вслед и невольно потер локоть там, где Органа сжал пальцы, поддерживая его; ощущение было непривычным. Он действительно никогда прежде не налетал на людей, чувства его не подводили, да и истории с Падме было почти два года, все уже было в прошлом — и как они снова встретились через десять лет после Татуина, когда на нее было совершено покушение, и как он

пытался очаровать ее. И как она, поняв это, мягко, но безапелляционно дала понять, что между ними ничего не может быть — и попросила другого джедая себе в охрану. На Набу с ней тогда отправилась мастер Андули, и все мечты Энакина о том, как они с Падме будут гулять по зеленым лугам и любоваться синими озерами, и может быть, однажды он притянет ее к себе и коснется губами сладких губ, так и остались мечтами.

Тогда, два года назад, ее отказ смертельно обидел его; сейчас, будучи уже рыцарем-джедаем, он понимал, что Падме поступила правильно — и ради него, и ради себя. Однако видеть ее все равно отчего-то было мучительно, словно бы в сердце шевелилась призрачная игла. Энакин предпочитал не встречаться с сенатором Амидалой — и не появился бы в Сенате сегодня, если бы канцлер лично не пригласил его. Время шло к встрече, и Энакин прибавил шагу — стоило поторопиться.

Гвардейцы, охраняющие огромный офис канцлера на верхнем этаже здания Сената, расступились, и двери перед Энакином разошлись в стороны. Он прошел по длинному коридору и оказался в знакомом кабинете.

— Верховный канцлер, — Энакин склонил голову, приветствуя Палпатина.

— Генерал Скайуокер, — тот поднялся и, радушно улыбаясь, вышел из-за стола ему навстречу. Привычно приобняв за плечо, он подвел Энакина к диванчикам. Похоже, беседа предполагалась неофициальной — как и многие другие беседы, которые канцлер вел с ним, начиная с его тринадцати, но так, как будто Энакин уже тогда был взрослым, как будто ему суждено было рано или поздно стать политиком. Энакин знал, что Палпатин молчаливо жалеет о его тогдашнем отказе покинуть Орден. И что, возможно, еще не утратил надежду, что когда-нибудь Энакин к этому его желанию прислушается.

— Спасибо, что пришел, Энакин, — усевшись напротив, Палпатин перешел на неформальный тон и одарил его ласковой улыбкой. — Как твои раны?

— Уже лучше, канцлер, благодарю, — Энакин улыбнулся в ответ. В отличие от джедаев, Палпатин выражал заботу как-то... по-домашнему, и в его присутствии Энакин всегда расслаблялся, хотя дистанцию они все равно сохраняли — все же пропасть между молодым рыцарем-джедаем и Верховным канцлером Республики была огромной.

Когда Энакин был помладше, иногда он предавался мечтам — что, если бы Палпатин был его отцом? Он даже сочинил целую фантазию о том, как Палпатин, подающий надежды политик с Набу, полюбил его мать, и они летели на ее родную планету, чтобы заключить брак — но на корабль напали пираты, с ее спасательной капсулой случились неполадки, и Палпатин потерял возлюбленную. Он не знал, что она была беременна. И все эти годы он продолжал ее искать. И однажды нашел бы их, и выкупил из рабства и забрал на Набу, и Энакин рос бы в любви и богатстве...

Энакин знал, как это глупо, но так уж было с ним с детства: он часто задумывался, что, если бы тот или иной человек оказался его отцом? На Татуине он высматривал претендентов в отцы в лавке и в кантине, думал — может быть, вот этот, высокий, в доспехе из яркого металла? Или тот контрабандист с ухмылкой и бластером за поясом? Он подумал об этом, когда впервые увидел Квай-Гона; так же взглянул на Палпатина, когда тот взял его с собой на тайную прогулку на нижний уровень, и общался с ним так, словно они и правда были отец и сын.

И лишь на Оби-Вана Энакин не мог смотреть так — хорошо помнил его совсем юношей, чуть старше его самого сейчас; помнил, как Оби-Ван вырослел вместе с ним, как начал отращивать дурацкую бороду, как пытался быть строгим и справедливым, как все чаще сдавался и отступал в споре, когда Энакин вырос. Как смотрел снизу вверх, и в светло-зеленых глазах светилась любовь и словно бы всегда легкое удивление: как это — этот высоченный парень мой ученик? Энакин улыбнулся воспоминанию. Он любил Оби-Вана как брата и был благодарен ему за все годы своего обучения.

— Я рад, что ты чувствуешь себя лучше, мой мальчик, — мягко сказал

Палпатин, возвращая его в здесь и сейчас. — Надеюсь, уже скоро ты сможешь вернуться в строй — нашей армии не хватает ее Героя без страха, — он усмехнулся, слегка подтрунивая, и Энакин смутился — но одновременно и обрадовался. Он и сам был не прочь вернуться к 501-му, к Оби-Вану и Асоке как можно скорее.

— Думаю, целители в ближайшие дни дадут добро, и я вернусь в строй, — сказал он. Хотя, по правде, рана все еще его беспокоила — пострадало слишком много внутренних органов, и это не то, с чем могла полностью справиться бакта. Работа хирурга и послеоперационное восстановление тоже имели большое значение. По-хорошему, Энакину следовало все свое время сейчас проводить в медитации, помогая организму с регенерацией. Однако скучать он всегда начинал раньше, чем проходили повреждения, и совершенно не мог усидеть на месте.

Палпатин длинно вздохнул, покачав головой, и на мгновение показался Энакину очень старым и очень уставшим.

— Эта война требует многого от всех нас, — сказал Палпатин. — И от тебя тоже, мой мальчик. Жаль, что не все так самоотверженны, не все понимают всю глубину проблемы и всю поджидающую нас опасность...

— Что вы имеете в виду? — Энакин нахмурился. Ему стало жаль канцлера — тот, считай, в одиночку нес ответственность за огромную Республику, за великое множество миров и всех их жителей. Нужно было и правда скорее возвращаться в строй, чтобы сделать все возможное для завершения войны.

— Сейчас нам как никогда важны ресурсы, однако многие системы сохраняют нейтралитет или переходят на сторону сепаратистов, — Палпатин устало откинулся на спинку дивана. — До меня донесся слух, что Аранийская система подумывает ответить на посулы графа Дуку — а они главные поставщики топлива для Республики. Без их сырья у нас не будет энергии для новых кораблей, а Дуку наоборот получит новые преимущества. На фронте станет еще тяжелее, мой

мальчик, — канцлер поднял на него взгляд, полный сожаления.

Энакин потянулся через стол и накрыл его руку своей.

— Мы не подведем Республику, канцлер, я обещаю. Но разве аранийцев нельзя переубедить?

— Надеюсь, можно. Я отправлю туда кого-нибудь на переговоры, — Палпатин кивнул. — Жаль, что я не могу размножить себя самого и быть везде сразу. Мне так пригодился бы молодой и сильный помощник, умный и талантливый, хорошо понимающий цели и нужды Республики... Но полно, не буду тебя больше задерживать. Спасибо, что зашел, Энакин, — он поднялся, и Энакин поднялся тоже, одновременно польщенный и ощущающий вину за то, что не стал Палпатину таким помощником.

Палпатин проводил его до дверей и на прощание положил руки ему на плечи, глядя снизу вверх:

— Как бы там ни было, когда я смотрю на тебя, я чувствую, что у меня еще есть надежда, — он сжал плечи Энакина и улыбнулся. — У меня и у этого мира.

И Энакин повторил со всей искренностью:

— Обещаю, канцлер, я вас не подведу.

Вернувшись в Храм, он не пошел ни к целителям, ни в свои комнаты. Продолав длинный неспешный путь по залитым солнцем коридорам, Энакин вошел в Зал Тысячи Фонтанов.

Близился закат, и огромная оранжерея наполнилась теплым светом; Энакин окунулся в него, словно в воду, глубоко вдохнул запах зелени и влажной земли. Мягкий шепот воды ласкал слух; Энакин углубился в зеленые заросли и вскоре вышел к небольшой мраморной чаше фонтана. На дне его стояли, подрагивая плавниками, две рыбки:

золотая и белая. Когда-то давно Оби-Ван сказал ему, что это было любимое место Квай-Гона для медитаций. С тех пор Энакин приходил сюда всякий раз, когда нужно было разобраться в своих мятущихся мыслях.

Он присел у бортика и прикрыл глаза. Ноздри снова уловили фантомный аромат духов Падме. Встреча с ней в Сенате выбила Энакина из колеи, а ведь Падме даже не обратила на него внимания — не заметила, слишком увлеченная разговором. Как и он сам не заметил сенатора Органу.

Энакин дернул уголком губ, вспоминая, как взгляд сенатора метнулся к Падме. Органа догадался о его чувствах; а возможно, Падме ему о них рассказала. Возможно, обсуждала с другом глупого влюбленного джедая.

Ну нет. Энакин сделал медленный вдох и выдох и отмел гневные мысли. Он знал, что Падме и Органа — соратники по фракции и друзья, но Падме вряд ли стала бы с кем-то обсуждать его. И уж точно не стала бы насмехаться. Она просто сделала свой выбор — разумный и правильный, и вряд ли эта история ее вообще с тех пор тревожила. А Органа... Что ж, не умеет тот читать людей, ему нечего было бы делать в политике.

Энакин не понимал, сердится на него или нет. С одной стороны, Органа продемонстрировал ему слишком много унижительного понимания. С другой — в нем на самом деле не было ничего унижительного. Оно было словно поддерживавшая его крепкая рука. Энакин невольно снова потер плечо, где к нему прикоснулись чужие пальцы. Он никогда раньше не думал об Органе, но теперь его мысли раз за разом возвращались к сенатору. К его низкому голосу и мягкой улыбке.

Привычное «а что, если» всплыло из глубины, и Энакин поперхнулся. Ну нет уж. Хотя Органа, судя по всему, по возрасту действительно годится ему в отцы, это попросту смешно, и думать о подобном нелепо. С некоторым усилием очистив разум, Энакин погрузился в

медитацию.

Наутро его вызвали в Залы исцеления на обследование. Сначала все шло хорошо, но потом твердые пальцы Вокары Че вонзились под ребра — и Энакин едва сдержался, чтобы не ахнуть от боли. Та хмыкнула и оцупала его уже с меньшим нажимом, однако все равно чувство было такое, что она наживую режет.

— Ладно, Скайуокер, — закончив, сказала она, по одной снимая перчатки. — С тобой все ясно.

— В плохом смысле или в хорошем? — Энакин, слегка бледный от боли, глянул на целительницу исподлобья и принялся одеваться. Вокара Че издала смешок:

— Так уж и быть, в хорошем. Я дам тебе разрешение вернуться к миссиям... — у Энакина радостно подскочило сердце, — ...но пока не боевым.

— Что?

Вокара Че сверкнула глазами:

— Радуйся, что хотя бы так! Не будь войны, я бы тебя еще две недели отсюда не выпустила. У тебя заштопана половина внутренних органов, Скайуокер. Тебе противопоказаны перегрузки и физическое напряжение, а достаточно сильный удар в корпус моментально выведет тебя из строя, ты же только что сам почувствовал. Дай себе немного времени, — она похлопала его по уже прикрытому туникой животу. — Уверена, у Совета найдется, чем тебя занять. А на фронте пока и без тебя справятся.

Энакин поморщился, но не стал спорить — знал, что это бесполезно.

Совет действительно вызвал его пару часов спустя. Присутствовали только Йода и Ки-Ади-Мунди; части магистров не было вообще, часть

помаргивала голограммой. Энакин увидел Оби-Вана в запыленных доспехах, привычно сложившего на груди руки, и на сердце потеплело — он был рад увидеть, что Кеноби в порядке. А еще он знал, что где-то там за пределами голограммы, скорее всего, стоит Асока. Оби-Ван, увидев его улыбку, улыбнулся и слегка кивнул ему в ответ.

— Получили отчет Вокары Че мы, — без долгих предисловий сказал Йода. — Миссия подходящая как раз есть для тебя у нас, юный Скайуокер.

— Полетишь на Аранию сопровождать сенатора на переговорах, — пояснил Винду. — Система мирная, а сенатор очень опытный, так что все должно пройти без осложнений, и напрягаться тебе не понадобится. Вместе с дорогой займет пару недель — так что как раз оклемаешься.

— Которого сенатора? — спросил Энакин, сердце заколотилось у него где-то в горле. А вдруг Падме?..

Винду заметил его волнение и поморщился, а Йода печально покачал головой. В Храме его сердечная драма тоже, похоже, не была ни для кого секретом, но сейчас Энакину было наплевать. Пусть думают, что хотят, лишь бы назначили!

— Сенатора Органу будешь сопровождать, юный Скайуокер, — сказал Йода. — Вылетаете через два часа вы.

Разочарование было острым — но одновременно приправленным каким-то другим чувством. Энакин прислушался к себе и понял, что, пожалуй, рад назначению на миссию с сенатором Органой.

(2)

Альдераанский корабль поражал воображение. Энакин запрокинул голову и посмотрел вверх на плавные серебристые обводы бортов. Корабль напоминал огромного вальяжного ската. Красиво, но бессмысленно: десять дефлекторных щитов и две жалкие пушки. Не

отстреливаться всерьез — так, попугать.

— Добро пожаловать на «Транту», генерал Скайуокер, — в открытой рампе показался протокольный дроид новой модели, тоже серебристый и совсем не похожий на Трипио — у этого движения были плавными, а речь казалась почти по-человечески модулированной. Ну да, конечно же, сенатор Органа ведь не просто сенатор — он вице-король Альдераана. Было бы странно ожидать, что он будет летать на таких же жестянках, как все.

— Мое имя — Ф-6-НТ, — представился дроид. — Его Светлость еще не прибыл, он попросил меня встретить вас и помочь разместиться. Прошу за мной.

Энакин с накатившей неловкостью поправил на плече потрепанный мешок с вещами и вслед за дроидом поднялся по рампе.

Внутри оказалось еще богаче, чем снаружи. При общей минималистичности интерьер корабля смотрелся красивым и гармоничным и явно был призван создать впечатление жилого, а не утилитарного помещения. С входной палубы они прошли в главный отсек. Светло-серые стены здесь были прорезаны плавными линиями скрытой подсветки, а воздух казался свежим и слегка пах хвоей — в отличие от сухого кондиционированного воздуха боевых кораблей, к которому привык Энакин. По обе стороны коридора было четыре двери в каюты; дроид открыл одну из них.

— Ваша каюта, генерал Скайуокер. Желаете отдохнуть или сначала осмотреть другие помещения?

Энакин молча остановился на пороге. Каюта была больше его комнаты в Храме: здесь в нише располагалась полноценных размеров кровать, рабочий стол был встроен у длинного панорамного иллюминатора; в стене прятались шкаф и вход в фрешер. На оставшемся свободном пространстве можно было, не напрягаясь, тренировать Атару.

Энакин бросил мешок в ногах постели и повернулся к дроиду.

— Пожалуй, я осмотрю корабль.

Теперь ему было любопытно, как выглядит все остальное.

За следующим шлюзом оказалась кают-компания. Энакин покачал головой — если его каюта показалась ему огромной, то эта кают-компания была просто стадионом. Две стены от пола до потолка были транспаристилловыми; сейчас за ними виднелся только ангар, но в космосе вид, должно быть, был прекрасным. На двух других стенах, по бокам от дверей, светились огромные движущиеся картины — горы в мягкой вате плывущих облаков и искрящиеся водопады.

Энакин обошел кают-компанию по кругу, провел рукой по широкой стойке кухонного синтезатора, коснулся замшевой спинки дивана напротив панорамного иллюминатора. Места тут было столько, что ему даже сделалось как-то неуютно.

Ему было любопытно, почему задерживается Органа — отчего-то казалось, что хозяин подобного корабля должен быть ему под стать, спокойным и обстоятельным, все делающим вовремя и никогда не опаздывающим. Однако что было, то было. Он повернулся к дроиду:

— Могу я осмотреть рубку?

— Если желаете, Его Светлость выдал вам полный допуск. Однако у «Транты» укомплектованный экипаж, и в самостоятельном пилотировании необходимости нет, — дROID открыл очередной шлюз в противоположном торце кают-компания, и, преодолев еще один коридор, они оказались в рубке.

Из пилотских кресел навстречу Энакину поднялись двое альдераанцев в серой форме.

— Генерал Скайуокер, — они козырнули, глядя с уважением; похоже, его сомнительная слава докатилась и до Альдераана. — Желаете ознакомиться с системами корабля?

— С удовольствием, — Энакин улыбнулся.

Несмотря на слабую боевую мощь, двигатели у «Транты» были превосходные. Маневровая система так увлекла Энакина, что он даже не сразу повернулся, услышав:

— Генерал Скайуокер. Прошу прощения за задержку. Впрочем, я вижу, вы нашли себе занятие по вкусу, — Органа стоял в дверях рубки и улыбался.

— Сенатор Органа, — Энакин встал из пилотского кресла и кивком поблагодарил альдераанцев. — Ваш корабль великолепен!

— Если хотите, можете потом попилотировать его, — Органа усмехнулся. Энакин снова ощутил себя слегка не в своей тарелке — еще одно подтверждение, что сенатору известно о нем больше, чем ему о сенаторе. В том числе, и о его страсти к полетам и кораблям. — Но сейчас нам пора вылетать. Оставим это пока моим пилотам.

Энакин в последний раз оглянулся на приборные панели, вздохнул — и пошел за ним.

Летала «Транта» мягко, приятно. Энакин вслушивался работу маневровых двигателей и наслаждался — такого идеального хода он не чувствовал уже давно. А когда атмосфера Корусанта осталась далеко внизу, и их обступил космос, в едва слышный шум движков включился низкий гул разогревающегося гипердрайва. Энакин улыбнулся, наслаждаясь этим глубоким и ритмичным звуком.

— Я вижу, вам очень нравится мой корабль, генерал, — Органа усмехнулся, вырывая Энакина из блаженного транса. Эластичные ремни безопасности охватывали крест-накрест его широкую грудь. Приятный голос по громкой связи сообщил:

— До гиперпрыжка три... два... один.

Переход был таким плавным, что Энакин его почти не почувствовал — лишь увидел, как размываются в панорамном иллюминаторе звезды. Ремни с тихим жужжанием отстегнулись и исчезли под обивкой диванчика; Органа сразу же сел удобнее, подвернув под себя ногу, и достал из-за пазухи небольшой датапад.

— Ваш корабль — совершенство, — честно сказал Энакин и мечтательно улыбнулся. — На таких я еще никогда не летал.

— Вы влюбились? Разве джедаям не запрещены привязанности, генерал? — Органа рассмеялся.

— Всем известно, что я нарушитель правил, сенатор, — Энакин ответил ему смешком. — Прошу вас, просто Энакин.

— Что же, в таком случае — Бейл, — Органа протянул ему руку, и Энакин пожал крупную горячую ладонь. — Рад знакомству, Энакин.

— Рад знакомству, Бейл.

— К Его Светлости вице-королю Альдераана подобает обращаться «Ваша Светлость», — голос дроида заставил Энакина вздрогнуть. Ф-6-НТ обошел диванчик и поставил на низкий столик кувшин и бокалы.

— Не занудствуй, Энти, — Органа рассмеялся. — Ты прекрасно знаешь, что я не любитель титулов.

— И не одобряю этого, — откликнулся дроид, разливая по стаканам воду. Закончив с этим, он отошел и скрылся за дверью снова.

— Все протокольные дроиды — зануды, — Энакин засмеялся. И взглянул на Органу искоса: — Ваша Светлость.

— Не могу не согласиться, генерал-джедай, — в тон откликнулся Органа. И отложил датапад. — Ладно, Энакин, перейдем к делу. В первую очередь я хочу знать, насколько ты правда здоров, — он акцентировал слово «правда», испытующе глядя на Энакина; Энакин

встретил взгляд его темных глаз с желанием отмахнуться, но почему-то сказал вместо этого:

— Ну, в ближайшие дни мне следует избегать отчаянных финтов за штурвалом истребителя и ударов в живот. В остальном я здоров как банта.

Органа удовлетворенно кивнул:

— Что ж, ни то, ни другое тебе пока и не светит. Ну разве что у тебя особые пристрастия, — он усмехнулся. Энакин постарался сохранить нейтральное выражение лица. О каких это еще пристрастиях идет речь?.. — На Арании нас вряд ли ждут приключения, так что тебе ничего не угрожает. Все будет спокойно и мирно. Я вообще отказывался от сопровождения, и Верховный канцлер был со мной согласен, но Совет джедаев почему-то настоял на своем.

— Они просто хотели от меня избавиться, — пробормотал Энакин. — Опасались, что за две недели ничегонеделанья я сожгу Храм.

— А ты сжег бы? — с интересом спросил Органа.

— Некоторая вероятность есть, — ответил Энакин, и они засмеялись.

— Перейдем ко второму важному вопросу, — отсмеявшись, Органа сделался чрезвычайно серьезен. Пристально глядя на Энакина, он суровым тоном спросил: — Что бы ты хотел на ужин?

Энакин растерялся.

— Э-э?..

— Ужин, — повторил Органа, словно маленькому. В глубине его глаз прятался смех. — Нужно сообщить Энти, как запрограммировать синтезатор. В исходном сырье есть почти все для корусантского и альдераанского универсального меню, так что у тебя есть выбор.

— Я съем все, что хоть немного съедобнее подметки сапога, — отмахнулся Энакин. В армии его рацион обычно составляли питательные энергетические батончики, да и в Храме деликатесами не баловали.

— Значит, питательные батончики исключаем — они явно несъедобнее, — сделал вывод Органа. Энакин прыснул.

— Я правда неприхотлив, — со смехом сказал он. — Выбирайте на свой вкус.

— Ты не знаешь, о чем просишь, — наигранно суровым тоном сказал Органа. — Но хорошо же.

— Не пугайте меня, сенатор, а то я вообще есть не смогу.

— Как легко, оказывается, лишить джедая аппетита, — Органа покачал головой и отметил что-то в датападе. — Буду знать.

Энакин отчего-то смутился. Органа оказался совсем не таким, каким можно было себе представить сенатора его возраста, и Энакину неожиданно приятно было такое общение — полное шуток и легкости, и одновременно негласной, но явственной заботы.

Все это немного выбивало из равновесия. Впервые за многие годы кому-то постороннему — не Оби-Вану — было дело до того, что он ест. Энакин не знал, что об этом думать.

Следующие несколько часов они провели каждый за своим — Органа работал, а Энакин медитировал, концентрируясь на регенерации. В себя его привело прикосновение к плечу. Он открыл глаза и запрокинул голову — Органа возвышался над ним во весь свой немалый рост.

— Извини, я не мог тебя дозваться, — сказал тот, убирая руку. — Ужин. Раз ты заставил меня выбирать, ты обязан попробовать. Особых

деликатесов даже у вице-короля Альдераана нет, все же идет война, и не время для роскоши, но, думаю, тебе понравится.

Еда и правда оказалась хороша — и в тот день, и на следующий. Органа предпочитал завтракать, обедать и ужинать по корусантскому времени, непременно за столом; говорил, что поесть на ходу у них будет еще тысяча возможностей, а таким шансом, как прием пищи в нормальной обстановке, просто грех не воспользоваться, пока они в гиперпространстве. Энакину нравилось. Он и сам в последний раз вот так, почти по-домашнему, ел крифф знает когда.

В остальное время он медитировал или читал материалы по Аранийской системе, которые ему сбросил Органа. Арания-Прайм, пустынная засушливая планета, по имени которой был назван сектор, вращалась вокруг двойной звезды в компании нескольких почти близнецов — таких же мертвых выжженных солнцами планет, и нескольких лун. Место было бы просто ужасным, если бы не огромные залежи райдония, что таились в недрах планет и многочисленных астероидов, по-видимому, осколков взорвавшихся планет — энергетический потенциал у райдония, редкого газообразного топлива, был огромный. Именно на райдонии разбогатели хозяева системы — давным-давно колонизировавшие этот сектор гуманоиды с металлически блестящей кожей и третьим глазом во лбу. Они основали на Арании халифат, сохранившийся в первоизданном виде до сих дней — больше богатства аранийцы чтили лишь традиции.

— Они серьезно принимают послов только после трех омовений? И пира с обязательным рассказыванием легенд своей родины? — Энакин неверяще поглядел в датапад и поднял глаза на Органу. Шел третий и последний вечер в пути, уже завтра ранним утром по столичному времени Арании-Прайм они окажутся на месте.

Органа поднял глаза от своего датапада и ответил не сразу, его взгляд был далеким, словно ему требовалось время вернуться в реальность.

— Легенд?.. Ах да. Честно говоря, не знаю, Энакин, возможно по

случаю войны протокол будет сокращен, но судя по тому, что я помню об аранийцах, я бы не надеялся, — он отложил датапад, выпрямился и потер шею, морщась. — Впрочем, лично я не имею ничего против трех омовений. Ионный душ все же не то.

Он продолжил рассеянно разминать шею, и Энакин не сдержался:

— Болит?

Органа усмехнулся:

— В моем возрасте уже всегда что-нибудь болит, — пошутил он. — Стоило размяться, а не сидеть весь день над этими отчетами.

Энакин фыркнул.

— В каком еще вашем возрасте? — он немного поколебался, но потом все же придвинулся под дивану ближе к нему и сказал: — Снимите рубашку и повернитесь.

Органа приподнял бровь:

— Я вижу, разница в, сколько там, двадцать шесть лет тебя не смущает? — он ухмыльнулся; Энакин не сразу понял шутку, а когда понял — покраснел. Органа этого, слава Силе, не увидел — он раздевался, как Энакин и сказал. Вскоре его широкая спина оказалась у Энакина перед глазами.

Он помедлил, невольно изучая шрамы на смуглой коже, несколько относительно свежих — от бластерных ожогов, и три длинные светлые полосы на боку, бледные и явно старые. Энакин потянулся уже коснуться их, но вовремя одумался и отдернул руку. Вместо этого он положил ладони на плечи Органы.

Еще один повод для сожалений, что он лишился правой руки — протезом, пусть и таким чувствительным и идеально управляемым, как у Энакина, массаж выходил не так хорошо, как должен был. Но все

же был лучше, чем ничего. Энакин прикрыл глаза и пробежался пальцами, прощупывая мощные трапецевидные мышцы; нажал в нескольких местах, и Органа издал сдавленный звук — да, вот они, зажимы. Энакин положил ладони плашмя и принялся разминать мышцы, постепенно усиливая воздействие; Органа глубоко дышал, Энакин чувствовал, как его тело постепенно расслабляется под прикосновениями.

Закончив с основным разогревом, Энакин принялся за особые точки на шее — и вот уже Органа издал удивленный, но полный удовольствия краткий стон. Энакин усмехнулся.

— Ох... Кто научил тебя этому? — пробормотал Органа. — Это какие-то особые джедайские техники? Если так, то я понимаю, почему джедаи не занимаются сексом. Зачем секс, когда есть такой массаж?..

— Еще как занимаются, — возмущенно откликнулся Энакин, скрывая за экспрессией смущение. Для Органы, кажется, эта манера в шутку говорить непристойные вещи была естественной; так же вел себя иногда Оби-Ван в последний год, по-видимому, сочтя, что бывший падаван уже достаточно вырос, чтобы он мог дать свободу своей натуре. Довольно, как оказалось, игривой.

— О-о-о?.. — простонал Органа в ответ. Энакин подбирался все выше к затылку.

— А массажу меня научила мать, — Энакин предпочел соскользнуть с опасной темы. — От работы у нее часто болела шея, и она научила меня, как разминать ее. Говорила, что у меня хорошо получается.

— У тебя правда прекрасно получается, — совершенно серьезным на этот раз тоном сказал Органа. По-видимому, она знала историю Энакина; или это тепло и принятие в голосе ему почудились? Энакин не слишком хотел думать об этом. Сделав несколько завершающих движений раскрытыми ладонями по плечам и спине вниз, он отстранился и накинул на Органу рубашку.

— Спасибо, — тот обернулся, и в его глазах, прищуренных от удовольствия, Энакин и правда увидел тепло. Он улыбнулся в ответ:

— Не за что. Теперь сможете дожить до омовений.

— Жду не дождусь, — ответил Органа, и в его взгляде что-то на мгновение сверкнуло, но что, Энакин не понял.

(3)

Поначалу Арания-Прайм неприятно напомнила Энакину Татуин — заводя «Транту» на посадку, он пролетел над бескрайними песчаными дюнами и выветренными желтыми скалами. Даже каньоны были похожи на те, в которых он гонял на подах в детстве. Однако затем на горизонте показался город, и у Энакина перехватило дыхание. Пять аранийских лун, полупрозрачных в дневном свете, выстроились в правильную диагональ над огромным силовым куполом; сквозь едва заметное голубоватое поле проступали приземистые силуэты богатых дворцов. В беспощадном свете двух солнц луковицы крыш и тянущиеся ввысь тонкие башни отблескивали золотом.

За главным куполом виднелись еще несколько — поменьше и пониже, по-видимому, скрывавшие под собой районы попроще; Энакин прикинул, сколько энергии потребляет все это великолепие, и невольно присвистнул. Аранийская система и правда была очень богатой.

Подчиняясь указаниям диспетчера, он изящно сманеврировал над главным куполом и влетел в посадочный шлюз. «Транта» подчинялась ему идеально, и это было очень приятное ощущение — Энакин давно не летал на кораблях столь высокого класса. В военных моделях удобство было далеко не первым в списке необходимого. Посадка вышла такой мягкой, что Бейл — он сидел рядом в кресле второго пилота — недоверчиво посмотрел на приборы:

— Я даже не почувствовал, что мы приземлились, — сказал он удивленно. — А ты и правда хорош.

Энакин усмехнулся.

— Вы сомневались?

У рампы их уже ждала делегация. Трое высоких аранийцев с бронзовой, металлически поблескивающей кожей как один поклонились, когда Органа и Энакин сошли с трапа. Энакин облизнул вмиг пересохшие на горячем воздухе губы — похоже, купола фильтровали свет, отсеивая вредный спектр, но в остальном никак не регулировали климат. Было очень сухо и оглушительно жарко.

— Мы рады приветствовать послов Республики на Арании-Прайм, — низким и звучным голосом сказал тот араниец, что стоял впереди. Все трое были с голыми торсами, лишь худая длинная грудь прикрыта широкими воротниками; у того, кто заговорил, на воротнике поблескивала золотом замысловатая вышивка. Она означала какой-то высокий ранг придворного, но Энакин не смог сходу вспомнить, какой. Когда он оторвался от созерцания вышивки и поднял взгляд, араниец как раз смотрел на него всеми тремя глазами — третий, посаженный над переносицей, выглядел совершенно как человеческий, и был таким же темным, как обычные два — радужка почти сливалась со зрачком. Энакин поежился — общее впечатление отчего-то было малоприятное.

Органа ответил на приветствие, Энакин тоже поклонился — и ощутил, что на спине уже выступила испарина. Он отвык от изматывающего жара, слишком похожего на татуинский. Органе, кажется, тоже было нелегко в плотном альдераанском костюме, но виду он не подавал.

Араниец с богатым воротником, назвавшийся Имраном, действительно оказался придворным одного из наивысших рангов — распорядителем двора халифа. Он пригласил их на изящную гравиплатформу и повез к центру купола, во дворец.

Город под куполом оказался светлым, аккуратным и низеньким — к размытому силовым полем небу тянулись лишь дворцовые башни. Энакин с интересом смотрел на проплывающие мимо здания из материала, напоминающего песчаник, но наверняка искусственного; на аранийцев на пешеходных лентах — бронзовокожих мужчин с голыми

торсами, в воротниках и цветных шароварах; на водителей и пассажиров других гравиплатформ. В отличие от Корусанта, над головами здесь не носились спидеры и аэроциклы — весь транспорт ездил по обычным дорогам. Скорее всего, это тоже объяснялось какой-нибудь традицией. Как и то, что Энакин все еще не увидел ни одной женщины.

Однако обсудить это с Органой он не успел — дома вдруг расступились, и они въехали на широкую поросшую изумрудной травой аллею. Впереди, словно мираж в дымке силового поля, реял дворец халифа; в длинном бассейне со спокойной водой отражались сверкающие башни. Издали дворцовый комплекс казался приземистым, но Энакин понимал, что на самом деле эти украшенные голубой с золотом мозаикой стены уходят на приличную высоту. По бокам от центрального дворца тянулись длинные светлые галереи — по-видимому, комплекс представлял собой ровный прямоугольник. Въехав в главные ворота, гравиплатформа повернула направо и вскоре остановилась перед большим и богато отделанным флигелем.

— Похоже, посла сепаратистов поселили в таком же дворце, но восточном, — шепнул Энакину Органа. — Не лучший признак, восток у аранийцев предпочтительнее запада.

Энакин только закатил глаза. Дуку и его прихвостни умели быть проницательными.

Распорядитель Имран провел их в богатые покои, занимавшие весь второй этаж флигеля.

— Его Величество ожидает уважаемых послов к ужину. Подготовиться вам помогут слуги западного дворца — он хлопнул в ладоши, и в гостиную вошли несколько аранийцев. Их воротники были совсем небольшими и скорее напоминали ошейники, а третий глаз прикрывала плотная налобная лента.

Последовала суэта: вносили и раскладывали вещи, подавали закуски, показывали комнаты. От огромной гостиной налево и направо уходили

две идентичные анфилады: кабинет, за ним огромный зал, по недоразумению названный спальней, с широким ложем за шелковыми занавесями.

Когда знакомство с дворцом и обустройство наконец были закончены, и они остались одни в огромной гостиной, первое, что сделал Органа — с явным облегчением снял мундир и сразу же закатал рукава рубашки.

— Невыносимо жарко, — посетовал он. Покрутив головой, он расстегнул еще и две верхние пуговицы. Энакин с легкой завистью посмотрел на его обнаженные руки, смуглые и крепкие, кое-где перечеркнутые светлыми полосками шрамов.

— Аранийцам все же стоило бы встраивать в свои дворцы климат-контроль — хоть им самим и по вкусу жара, могли бы позаботиться хотя бы о бедных инопланетных сенаторах! — Органа со смешком опустил на диван и окинул Энакина вопросительным взглядом: — Ты еще не перегрелся?

— Немного.

Энакин прошелся по комнате, рассеянно дотрагиваясь до вычурной мебели и разглядывая вьющиеся по ажурным колоннам растения с крупными голубыми цветами. Зеркальные стены в обрамлении фигурных решеток перемножали пространство само на себя, превращая его в лабиринт отражений. Энакин видел Органу с нескольких сторон сразу — темноволосый затылок над светлой изогнутой спинкой дивана, красивый профиль, мощную шею в распахнутом вороте. Сенатор выглядел сильным и крепким, он явно не пренебрегал тренировками — впрочем, это Энакин понял еще во время массажа. Шрамы же говорили о том, что Органа не чужд и сражений.

Это было хорошо — куда проще защищать человека, который представляет себе, что такое бой и не замрет, навалив полные штаны от ужаса, случись что. Впрочем, лучше бы им не пришлось проверять

сенаторские боевые навыки.

— Так разденься, — Органа взял датапад и начал листать страницы; Энакин замер перед прозрачной дверью на широкую террасу, по кругу опоясывающую дворец. Не слишком удобно для обороны, невольно подумал он и невесело усмехнулся — война давно уже всегда была с ним. Он сменил фокус зрения и посмотрел на свое отражение в темных джедайских одеждах. Возможно, Органа прав, и ему стоит снять хотя бы табард...

Однако он этого так и не сделал. Сев на диванчик напротив Органы, он спросил:

— Вы заметили, что в городе совсем не было видно женщин?

— Ты проспал это место в справке? — Органа дружелюбно усмехнулся. — Такова уж природа аранийцев, на пятьдесят мужчин рождается одна женщина. Их очень мало — и их берегут как зеницу ока. Аранийки никогда не покидают дома своего отца, а затем супруга.

— Ого, — Энакин покачал головой. Органа открыл что-то на датападе и непринужденно пересел к нему на диванчик, показывая экран. Энакина обдало теплом и уже знакомым запахом древесной смолы и амбры.

— От количества женщин в семье зависит ранг и социальное положение аранийца, да и богатство тоже — за невест дают огромный выкуп, — сказал Органа. На экране датапада был открыт снимок какой-то пышной церемонии — по-видимому, как раз выкупа. Делегация аранийцев в крупных воротниках подносила подарки седому мужчине с кожей такой темной, что тело казалось сделанным из карбонита. За плечом старика виднелся золотой паланкин, плотная ажурная решетка делала его похожим на изящную клетку. Видимо, там находилась невеста.

— А есть изображения аранийских женщин? — спросил Энакин.

— Понимаю, мне самому любопытно, как они выглядят, — засмеялся Органа. — Однако изображений нет. Никто, кроме аранийцев, не видел их женщин, а для них это знание сакрально, так что никто никогда этого не разглашал. Нам не повезло.

Энакин придержал датапад в его руках и полистал картинки.

— А это?..

На фотографии снова была какая-то церемония, однако на этот раз участниками были двое мужчин не слишком высокого ранга. В окружении толпы гостей они обменивались браслетами из яркого серебряного металла.

— Церемония заключения союза, — пояснил Органа. — У аранийцев традиционно приняты отношения между мужчинами. О них, кстати, сложено много красивых легенд. В эти парные браслеты запаивается капля крови с полным биокодом партнера — это дает такое пространство для интриг и предательств, — он усмехнулся. — Почитай, это определенно тебя развлечет.

Он отдал свой датапад Энакину, а сам взял его собственный и привольно откинулся на диванчике. Его бедро соприкоснулось в бедром Энакина, но Органа не обратил на это никакого внимания. Энакин немного поколебался — и не стал отсаживаться.

Прошло около часа, когда в гостиной снова показался старший из слуг.

— Приглашаю уважаемых послов проследовать в Залы Отдохновения, — сказал он с поклоном. Двери за его спиной раскрыли двое молодых аранийцев и застыли, придерживая створки; Энакин только головой покачал. Какое же здесь все... архаичное.

— А вот и омовения, — довольно шепнул Бейл, поднимаясь. Энакину ничего не оставалось, как последовать за ним.

Залы Отдохновения оказались огромным баннным комплексом на

первом этаже дворца. Слуги помогли Органе и Энакину переодеться в легкие и длинные набедренные повязки; после многослойных джедайских одежд Энакин почувствовал себя почти голым. Не способный расстаться с мечом, он отстегнул его от пояса, но приладить к набедренной повязке не смог и понес в руке.

Их проводили в уютный зал с выложенным мозаикой бассейном. Стены здесь, как и наверху, были покрыты причудливой резьбой и позолочены, в нишах прятались кадки с зеленью; возле бассейна стояли две низкие кушетки, а стол между ними ломился от блюд с едой и высоких кувшинов с узким горлышком. Энакин понадеялся, что хотя бы в одном из них окажется простая вода. За узорчатыми арками на другой стороне зала угадывались еще два бассейна.

— Пожалуйста, отдыхайте, — снова поклонился старший слуга. — Уважаемым послам достаточно будет хлопнуть в ладоши, когда они пожелают перейти к омовению.

Он исчез. Органа хмыкнул и улегся на кушетку.

— Присаживайся, — он указал Энакину на кушетку напротив и взял что-то с ближайшего блюда. — М-м, вкусно. Только остро. Здесь все готовят со специями.

Энакин сел. Выбрав блюдо с чем-то похожим на поджаренное мясо, он с интересом закинул кусочек в рот. Когда-то давно, еще на Татуине, ему перепал кусок стейка из банты — в тот день какие-то глупцы хорошо заплатили Уотто за груды металлолома, и он настолько подобрел (и напился), что отдал Энакину остатки своего праздничного ужина. То пряное замаринованное в специях мясо было, кажется, лучшим, что Энакин пробовал в жизни, и сейчас вкус аранийской еды невольно напомнил ему о том дне.

— Ты уловил, что за ужином от нас будут ждать развлечений? Если не помнишь никакой татуинской легенды — придумай, — Органа усмехнулся. Он поставил полупустой бокал на стол и поднялся, подошел к бассейну. Тронул ногой воду, стоящую почти в край. Ступня

у него была крупная, красиво перевитая выступающими жилами.

— Прохладная, боги храни Аранию, — выдохнул он. — Ты готов?

Энакин подхватил с блюда еще один кусочек мяса, прожевал и поднялся.

Органа хлопнул в ладоши, и из неприметных дверей в торце выскользнули слуги — четверо юношей. На них тоже были лишь набедренные повязки и воротники-ошейники. Разделившись на пары, они подступили к Органе и к Энакину.

— Прошу, господин, — они подвели Энакина к пологой лестнице в торце бассейна; потянувшись к его набедренной повязке, так ловко сняли ее, что Энакин даже моргнуть не успел, не то что возразить. Ошеломлённый, он повернулся к Органе — но лучше не стало: тот тоже уже был раздет, однако стоял расслабленно; Энакин успел заметить еще один шрам — длинную светлую полосу на бедре, и то, что Органа одарен природой богаче всего, что Энакину раньше приходилось видеть.

Ощувив мгновенную неловкость, Энакин отвернулся, послушно позволил слугам завести себя в воду и усадить на мраморную полку у края бассейна. Прохлада наконец обняла его и уняла внезапное смятение. На противоположном краю бассейна уселся Органа; слуги встали за ним на колени у борта — Энакин почувствовал, что его пара делает так же, — и начали омыwać волосы и плечи Органы, поднося воду в сложенных изящной лодочкой ладонях. На голову Энакина тоже полилась вода.

Это было приятно, хотя и странно; но аранийцы не прикасались к нему, и никто не смотрел на его протез, и Энакин постепенно расслабился, откинулся на бортик и поглядел на Органу из-под полуопущенных ресниц. Тот лежал в воде с закрытыми глазами и явно наслаждался.

Так прошло некоторое время; затем слуги поднялись и синхронно

сложили руки в замысловатом жесте.

— Вода смывает ложь, — прошелестел под сводами слаженный шепот. У Энакина волосы на загривке встали дыбом. Однако прошел миг — и все снова стало обычным. Юноши с вежливым поклоном предложили Энакину перейти в следующий бассейн.

Здесь вода была теплее, но это оказалось неожиданно кстати — Энакин понял, что за первое купание слегка замерз. На сей раз омовение оказалось не таким символическим, как в первом бассейне: дав Энакину немного посидеть, юноши попросили его подняться — и в четыре руки принялись намыливать и разминать его тело. Энакин попытался было остановить их, сказав, что вполне в состоянии помыться сам, однако его мягко проигнорировали. Вырваться Энакин не решился — ему совершенно не хотелось нарушить какую-нибудь традицию и поставить под угрозу дипломатическую миссию Органы.

Это было неловко — во многом потому, что очень приятно. Энакин закусил губу, когда юноши добрались до его бедер, а потом и вовсе перехватил смуглую руку, явно готовую двинуться выше.

Юноша вздрогнул, словно Энакин его ударил, и опустился на колени; второй сделал то же.

— Недостойные причинили господину боль? Мы примем наказание.

— Нет! Нет, просто я... — Энакин оглянулся на Органу и увидел его приподнятую бровь. — Ах, ладно. Вы можете сделать это хотя бы в воде?

Не дожидаясь ответа, он спрыгнул в бассейн и опустился на полочку. Юноши, молча переглянувшись, опустились рядом и продолжили.

Когда нежная ладонь мягко коснулась члена, Энакин вздрогнул и резко втянул воздух носом. Закрыв глаза, он попытался погрузиться в медитацию, однако аккуратные прикосновения вызвали у него совершенно однозначную реакцию. Он почувствовал, как загораются

щеки, и невольно вскинул взгляд на Бейла. Тот стоял спокойно, позволяя юношам мыть себя, и тихо переговаривался с одним из них; юноша смущенно улыбался в ответ.

— Расслабьтесь, господин, — прошептал Энакину на ухо «его» прислужник. Второй добавил мягко: — Все так, как должно быть.

Энакин тяжело сглотнул и снова прикрыл глаза.

— Как вас зовут хотя бы? — сдавленно спросил он.

— Ярим, господин.

— Шуа, господин. Если пожелаете, ночью мы придем согреть ваше ложе.

— Что?.. Нет! — Энакин не сразу понял, что имеют в виду юноши, а когда понял, покраснел еще сильнее. — Спасибо, но не стоит, Ярим, Шуа.

— Как пожелает господин.

Это омовение закончилось так же, как и предыдущее: юноши склонились в ритуальном жесте, только фраза была немного другая:

— Вода смывает грех.

Энакин только глаза прикрыл. Если бы. Когда юноши перешли к мытью его волос, физическое возбуждение спало, однако внутренне Энакин все еще чувствовал себя натянутой струной. Органе же все было нипочем — как всегда спокойный, он прошел мимо Энакина к третьему бассейну, на ходу подмигнув. Энакину захотелось провалиться сквозь землю.

В третьем бассейне вода была молочно-белая. Она снова была прохладной; кожу приятно закололо, когда Энакин спустился. Третье омовение было намного проще всего остального — юноши попросили

Энакина откинуться им на руки и окунуться с головой; после этого они отступили, и прозвучало уже знакомое:

— Вода смывает боль.

На этом ритуал трех омовений завершился.

Наконец одевшись, Энакин вздохнул с облегчением. Органа, заметив, дружески потрепал его по плечу:

— Знаю, с непривычки все эти церемонии выматывают. Зато теперь не так жарко? — он засмеялся.

Энакин, у которого от этого невинного прикосновения снова побежали по телу мурашки, мог бы с ним поспорить — но не стал.

(4)

— А правду говорят, что джедаи могут передвигать предметы силой мысли? Пусть вон та груша перелетит мне на тарелку! — молодой князек, сидящий по правую руку от Энакина, ткнул пальцем в ближайшую вазу с фруктами. Дальний родственник халифа, он обладал достаточно высоким рангом и довольно скудными мозгами, и терроризировал Энакина с самого начала ужина.

— Путь джедая не одобряет использование Силы для развлечения, — Энакин вежливо улыбнулся, покачав головой. Князек помрачнел. Энакин понадеялся, что не испортил отказом дипломатические отношения с Аранией.

Он кратко взглянул на Органу — тот был увлечен разговором с соседом; ему, в отличие от Энакина, с собеседником повезло больше — престарелый советник с длинной платиновой бородой вряд ли требовал от него исполнения цирковых трюков. Словно почувствовав, Органа посмотрел на него в ответ и мягко улыбнулся — и Энакин в тот же миг поспешно отвел глаза. Его взгляд, словно ничего и не было, заблуждал по пиршественному залу.

Покрытые золотой росписью стены по углам укрывали легкие газовые драпировки. Длинные столы, составленные подковой, ломились от яств. Аранийцы-придворные, молодые и старые, все сплошь в богатых воротниках, ели, пили и увлеченно беседовали, то и дело, впрочем, поглядывая на послов Республики и на неймодианцев, представляющих на Арании Конфедерацию Независимых Систем. Те сидели точно на таком же, как они с Органой, месте, только по левую руку от халифа. Левая сторона считалась у аранийцев более предпочтительной, чем правая — потому что, как и у людей, слева у них находилось сердце.

Сам халиф, чье имя Анвар означало «сияющий», как помнил Энакин, восседал за центральным столом и к еде почти не притрагивался. Он был очень молод и хорош собой, кожа его была светлой, оттенком похожей на белое золото, а третий глаз оказался такого невероятного синего цвета, что Энакин сперва решил, что это украшение с сапфиром. В отличие от подданных, воротник на халифе был настолько длинным, что полностью закрывал тело и, по сути, воротником уже не являлся — скорее был мантией. Но крой и принцип размещения узора были теми же.

Слева от халифа восседал первый советник — его младший брат Гиас, носящий титул эмира. Его имя означало «надежда». Согласно материалам, которые читал Энакин, старшинство халифа было формальным — при рождении он опередил брата-близнеца всего на несколько минут. На советнике Гиасе было похожее длинное одеяние, кожа так же поблескивала на свету, а темные волосы были собраны в толстую косу. Отличало братьев лишь одно — третий глаз советника был фиолетовым, словно аметист. Насколько Энакин понял, братья правили вместе — взойдя на престол несколько лет назад, Анвар пожаловал младшему брату титул эмира, первого советника. У эмира тоже была огромная власть — ему подчинялись все министры. Первые несколько лет своего правления братья пребывали в согласии — однако началась война, и ее тень постепенно доползла и до Арании: всем нужны были богатые энергетические ресурсы системы.

Сейчас халиф склонялся к тому, чтобы заключить союз с сепаратистами, а эмир неожиданно выступил на стороне Республики. В итоге возникшие разногласия предстояло решить Совету Старейшин. Его заседания начинались с завтрашнего дня, и послов ждали выступления — каждая сторона должна была доказать, что с нею союз заключить выгоднее.

Из-за всего этого обстановка при дворе была оживленной — подобного развлечения аранийцы давно не видели. Энакин их понимал, предвкушение борьбы с сепаратистами, пусть и политической, а не на поле боя, щекотало нервы и ему. Он практически не сомневался, что Органа будет куда более убедителен, чем косноязычные и малоприятные неймодианцы, однако не стоило упускать из виду, что у тех уже была фора в виде расположения халифа.

Тем временем князек грохнул по столу опустевшей чашей, вырвав Энакина из размышлений.

— Так и знал, что про джедаев все лгут!

Потянувшись к вазе с фруктами, он задел многочисленными браслетами кувшин, и тот опрокинулся, заливая стол вином. Энакин машинально поднял раскрытую ладонь, и рубиновые ручейки остановились, а потом и вовсе потекли назад, в узкое горлышко, после чего кувшин сам собой поднялся и встал на место. Князек смотрел на это, раскрыв рот.

Опомнившись, Энакин спрятал руку под стол — но было поздно, теперь на него смотрели многие. И в том числе Органа. В глазах у него было одобрение. Энакин вздохнул. Что ж, спасение костюма вполне может считаться подобающим использованием Силы, заодно и аранийцев развлек. Похоже, его фокус с кувшином интересовал их гораздо больше музыки и танцующих в центре зала красивых юношей в воротниках-ошейниках и ярких шелках. Энакин старался на них не глядеть — невольно вспоминалось произошедшее в купальне. Не то чтобы ему было стыдно за свою реакцию, хотя... Все это просто было

слишком непривычно, сказал он себе в очередной раз. Никто и никогда не прикасался к нему так, как те прислужники при омовении, и неудивительно, что его тело отреагировало. В конце концов, как он и говорил Органе, джедаи вовсе не евнухи; другое дело, что он сам до того не пытался познать эту сторону жизни. Слишком долго в его мечтах была одна лишь Падме.

Юноши танцевали, красиво выгибая стройные тела.

Еще через час, когда придворные уже не могли есть и выпили достаточно, чтобы захотеть иных зрелищ, а на безупречном лице халифа явственно проступила скука, пришло время почтить древние традиции. Органа вызвался рассказывать легенду первым, за что Энакин был ему благодарен — теперь у него хотя бы будет пример.

— Как Ваше Величество и уважаемые придворные знают, я родом с Альдераана, — начал Органа. Свободно стоя в центре зала, он казался особенно огромным и широкоплечим после танцевавших там изящных юношей. — Альдераан славится своими традициями, и об одной из них я вам расскажу. Несколько столетий назад в королевской семье Альдераана родился наследник. Будучи поздним и единственным ребенком королевской четы, он получил лучшее образование и воспитание, что только могло быть. Красивый и умный, прекрасный охотник и фехтовальщик, юный принц был образцом для всей альдераанской молодежи, множество юношей и девушек почитали его своим кумиром, однако сам принц близко сошелся лишь с одним человеком. Его лучшим другом стал молодой рыцарь, его соученик по Академии военного искусства, которую посещали все альдераанские аристократы. Однако помимо отпрысков знатных родов Академия принимала в свои ряды и талантливых молодых людей более простого происхождения, Альдераанская корона платила за их обучение. Именно из таких оказался и молодой рыцарь, друг принца. По окончании Академии, в двадцать лет, принц сделал рыцаря своим личным телохранителем, — Органа взял небольшую паузу, и в тишине стало заметно, как внимательно слушают аранийцы. Энакин понял, что, похоже, был не прав, думая, что эта традиция для них — лишь развлечение.

Он и сам слушал вице-короля Альдераана, затаив дыхание. Альдераан, прекрасная зеленая планета с древней историей, был, конечно же, знаком каждому в Галактике — всем было известно, что планетой правит старая аристократия и, в частности, королевская семья — Органы. Все знали и об усобице, что развернулась на Альдераане всего лишь чуть больше двадцати лет назад — и именно брак Бейла Органы и Брехи Антиллес, наследницы второй претендующей на трон семьи, спас этот прекрасный мир, положив конец гражданской войне. Но лишь сейчас, слушая самого Бейла, Энакин почувствовал всю реальность альдераанской истории — и она его поразила.

— Когда принцу исполнилось двадцать два, король счел, что тому пришло время жениться, — продолжил Органа, слегка усмехаясь. — Но каково же было удивление старого короля, когда принц сказал, что жениться не будет, поскольку уже нашел свою судьбу. И судьба эта — ни кто иной, как его друг, молодой рыцарь. Не будь король уже седым, он поседел бы в тот вечер — он был уже стар, кронпринц был его единственным сыном, и другие аристократические семьи уже начали поглядывать на корону, ведь за столетия многие породнились с королевской династией и так или иначе имели права на трон. Кронпринц должен был жениться, принять корону и передать ее своему сыну, а тот своему — и так далее; король даже уже подобрал наследнику невесту — девушку из рода, у которого, в случае пресечения королевской линии, было больше всего прав на престол — и который, конечно же, этого жаждал. Но сколько бы король ни говорил кронпринцу, что из-за его решения связать жизнь с молодым рыцарем на Альдераане разразится усобица, тот был непреклонен. В конце концов, сбегав из-под отеческого надзора, в присутствии джедая принц и рыцарь заключили тайный брак.

По залу пролетел шорох — несколько аранийцев одновременно вздохнули. Энакин понял, почему Органа выбрал такую историю — любовь, о которой он рассказывал, была близка и понятна жителям этой почти лишенной женщин системы.

— Так вышло, — мягко продолжил Органа, — что приглашенный

джедай разглядел в молодом рыцаре особый талант — сродство с Силой. И хотя рыцарь был уже взрослым, взялся тайно обучать его. Каждое утро еще до рассвета молодой рыцарь уходил из дворца в удаленную рощу; путь туда лежал через королевские виноградники. Напряжение при королевском дворе тем временем росло — родители предполагаемой невесты все сильнее роптали, другие рода тоже начали показывать зубы, однако кронпринц был непреклонен. И тогда старый король решил на последнее средство. Слуги донесли ему, что молодой рыцарь каждое утро ходит в удаленную рощу; и он послал в виноградник убийц.

Энакин распахнул глаза.

— В то утро юный принц отчего-то не хотел отпускать дорогого друга, — Органа с грустью улыбнулся. — А отпустив, не смог усидеть на месте — и в конце концов отправился за ним вдогонку. Молодой рыцарь же, ни о чем не подозревая, вошел на виноградник — и из-за старых густых лоз на него выпрыгнули убийцы. Он сражался прекрасно — джедай многому успел обучить его, однако убийц было больше, намного больше. Десяток кинжалов вонзился в тело молодого рыцаря, и он упал на землю между виноградных рядов, истекая кровью. Так его и нашел юный принц. Рухнув на колени рядом с умирающим возлюбленным, он подхватил его в объятия и закричал так, что в роще вспорхнули птицы. Свет угасал в глазах молодого рыцаря, и в тот миг, когда тот сделал последний вздох, кронпринц выхватил кинжал из его груди и поднес к своему горлу, намереваясь последовать за любимым. Но невидимая сила вдруг перехватила его руку. Подняв глаза, принц увидел джедая. «Не спеши обращаться с жизнью столь небрежно, юный принц, — сказал джедай. — Ибо Сила в нас и вокруг нас, и ничто не умирает бесследно, лишь возвращается к истокам», — он кивнул на молодого рыцаря в руках у принца, и тот вдруг почувствовал, что тело его возлюбленного исчезает — словно растворяется в лучах восходящего солнца. «Вернулся в Силу супруг твой. И ты, прожив жизнь, вернешься и встретишься с ним снова. Но если покончишь с собой сейчас, в горе и гневе, не найти тебе пути к нему. Пищей станешь для Темной стороны». И заплакал кронпринц, и слезы его смешались с кровью и впитались в землю у корней старой

лозы.

Органа снова взял паузу, и Энакин услышал, как его сосед-князек шмыгает носом. Впрочем, он и сам был от этого недалеко.

— Год спустя старый король умер, а кронпринц все же женился на той девушке из соперничающего рода, прислушавшись к совету джедая, что остался при его дворе. Худой мир был лучше кровопролитной междоусобицы. И в то лето старая лоза вдруг заплодоносила — и гроздь на ней налились двухцветные: почти белые, прозрачные, словно слезы кронпринца, и темные, багровые, словно пролитая кровь молодого рыцаря. По приказу нового короля из винограда сделали вино, смешав разноцветные ягоды — и это вино, изысканное и драгоценное, стало символом истинной любви. Подарить такое вино возлюбленному или возлюбленной считается на Альдераане одним из самых красивых знаков преданности.

Завершив рассказ, Бейл обвел глазами зал, на мгновение задержав взгляд на Энакине — и поклонился.

— Спасибо, — искренне сказал халиф. Его голос показался Энакину слегка сдавленным.

— Мы благодарим посла Республики, Его Светлость вице-короля Альдераана за столь прекрасную легенду, — воодушевленно подхватил эмир, его глаза подозрительно блестели.

Органа, улыбнувшись, еще раз поклонился — и занял свое место. Оттуда он поглядел на Энакина и ободряюще ему кивнул. Энакин, чувствуя себя не в своей тарелке, поднялся.

Его история была вовсе не такой изящной — татуинские легенды в большинстве своем были очень просты и касались либо охоты за наживой... либо охоты за наживой. Детские сказки, вроде той про Песочного человека, было рассказывать как-то глупо — Энакину не хотелось, чтобы его сочли несолидным. Так что в итоге он остановился на истории, которую однажды услышал от старика из Мос Пелга —

тот приехал к Уотто за запчастями, и сторговался не только на них, но еще и на починку спидера. Почему-то он не пошел в кантину скоротать время, а остался рядом с Энакином, которому и досталась эта работа, и пока тот ковырялся в барахлящем двигателе, рассказал ему легенду о пустынных.

— На Татуине, планете, где я родился, есть коренное племя, — начал Энакин, — пустынные или, иначе, таскены. Это дикий и злобный народ, очень жестокий, они нападают на мирные поселения и убивают и уводят людей в рабство, — он осекся, воспоминания о матери, привязанной к шестам в вонючем шатре таскенов, промелькнуло перед глазами. И зачем он взялся за эту легенду? Но сдавать назад уже не было возможности. — Однажды я услышал, как именно они стали такими. Когда-то давно на Татуине жил народ под названием кумумга. Они были развитой цивилизацией, да и Татуин тогда вовсе не был похож на безжизненную пустыню — его покрывали густые леса и плодородные поля. В одном из поселений кумумга жили два брата: старший был земледельцем, а младший — охотником. В горах же неподалеку в пещере жил огромный крайт-дракон. Его почитали как божество и, чтобы задобрить его, приносили ему жертвы — и младший брат оставлял перед его пещерой мясо подстреленных бант, а старший — хлеб и овощи со своих полей. Конечно же, крайт-дракон выбирал бант, — Энакин усмехнулся и обвел взглядом зал. Его слушали внимательно. — Старший брат, уязвленный тем, что божество-покровитель не принимает его жертвы, начал сердиться на младшего брата, которому все удавалось так легко, и которому покровительствовала удача в охоте и в любовных делах. Старшему же не везло — девушка, которую он полюбил, выбрала его младшего брата. Да еще и крайт-дракон повадился рыть ходы под полями, губя урожай. Злоба все росла в сердце старшего брата, пока в одну из безлунных ночей ему не приснилось, что нужно сделать, чтобы задобрить крайт-дракона. Проснувшись, он не усомнился, что ему было пророчество. И в следующий поход в горы, чтобы принести жертву, старший брат взял с собой самый большой нож.

Энакин сделал паузу, набирая воздух перед последней частью истории; он разговорился и наконец почувствовал себя в ударе. Пусть даже на

Арании узнают, какие таскены мерзкие.

Он заметил, что Органа слегка хмурится, но не придавал этому значения.

— В тот миг, когда младший брат наклонился, чтобы положить мясо банты на камни, старший брат подошел сзади, схватил его за волосы — и перерезал ему горло!

По залу пронесся нестройный гул.

— Он оставил тело младшего брата как жертву крайт-дракону, уверенный, что это наконец принесет ему удачу в делах и в любви, — продолжил Энакин. — Но он не знал, что совершает страшную ошибку. Попробовав человеческой крови, крайт-дракон обезумел — а вместе с ним и все его родичи. Они принялись нападать на поселения кумумга, без всякой пощады убивая и разрушая, и вскоре народ кумумга оказался на грани выживания. Объединившись, оставшиеся собрали все источники энергии, что у них были, и решили взорвать горы, где гнездились крайт-драконы. Они заложили заряды в драконьи пещеры — и вскоре Татуин сотрясли ужасные взрывы. Горы рушились, но, сами того не зная, кумумга вызвали цепную реакцию — под горами лежали каверны с крайне взрывчатым газом. И горы рушились, низвергая потоки раскаленной лавы в долины, и мало-помалу вся планета превратилась в выжженную пустыню. Вот только драконы не погибли все — многие из них выжили, угнездившись в разломах скал, и продолжили нападать на кумумга. Жалкие остатки народа, вынужденные спасаться от катаклизма, быстро утратили секреты цивилизации и в конце концов разделились на два племени — наследники старшего брата превратились в тех, кого мы сейчас знаем как таскенов, а наследники младшего стали народом джав. Так преступление брата против брата обернулось гибелью не только цивилизации, но и целой планеты.

Энакин поклонился. В зале висело молчание. Он взглянул на халифа — тот хмурился, не удержав лица.

— Благодарим посла Республики, уважаемого рыцаря-джедая за

легенду, — звонкий голос эмира разрушил повисшее над залом оцепенение, и аранийцы зашевелились, запереговаривались вполголоса, поглядывая на Энакина, однако атмосфера все еще казалась напряженной. Энакин, чуя неладное, обернулся к Органе, и тот тяжело вздохнул, но все же улыбнулся ему. А потом коротко указал глазами на центральный стол.

Энакин проследил за его взглядом — и увидел сидящих во главе халифа и эмира, двух братьев, что прямо сейчас впервые за историю своего правления находились в противостоянии. И понял, что только что совершил самую идиотскую в своей дипломатической карьере ошибку.

(5)

В западный дворец они вернулись уже за полночь. Двери на террасу были открыты, и Энакин прошел через гостиную, не останавливаясь, и замер у балюстрады. Ночь наконец принесла на Аранию-Прайм прохладу, и легкий ветерок коснулся кожи, остужая пылающее лицо.

Органа вышел следом.

— Поверить не могу, что я так облажался.

Энакин оперся локтями на перила и устало потер лоб. Прямо под террасой в длинном декоративном бассейне белели водяные лилии в окружении круглых, как тарелки, листьев.

— Не переживай так, — спокойно сказал Органа, а через мгновение Энакину на плечо легла крупная тяжелая ладонь. — Ты не виноват. Мне стоило спросить тебя заранее, что ты собираешься рассказать. Да и ничего страшного на самом деле не произошло. В твоем возрасте я лажал куда хуже, — Энакин услышал мягкий смешок.

— Неужели? — спросил он с сомнением. Когда он выпрямился, ладонь Органы соскользнула с его плеча, и он на мгновение пожалел об этом.

— Однажды, в те времена, когда я только начинал выполнять

дипломатические миссии в качестве посланника, на одном официальном приеме я принял королеву за короля и поприветствовал как подобает, перед сотнями зрителей, — усмехнулся тот. — Кто же знал, что у представителей этой не самой известной инсектоидой расы мужчины небольшие и яркие, а женщины крупные, и хитиновый панцирь у них как доспех элитного штурмовика? То есть, я должен был это знать, если бы утрудилась открыть подготовительные материалы. Но вечером накануне я утрудилась только напиться с приятелями из моей охраны.

Энакин прыснул. Трудно было представить себе безупречного сенатора настолько безответственным, чтобы напиваться с гвардейцами вместо подготовки к миссии, однако вот же. Он взглянул на Органу с новым интересом, пытаясь представить, как тот выглядел в юности.

— Ко всему прочему, — Органа ободряюще улыбнулся ему, — ты просто не знаешь, что за легенды вчера рассказывали неймодианцы. Я посмотрел запись. Очень увлекательные истории о том, как один герой подсадил другого и отнял все его богатства и жен. Уверяю тебя, на этом фоне твой выбор был не худшим.

Он снова положил ладонь Энакину на плечо и слегка сжал; даже через несколько слоев одежд Энакин почувствовал, какая она горячая. Органа рассеянно погладил его по руке большим пальцем.

— В общем, не бери в голову, Энакин. Завтра нас ждет самое сложное — Совет, так что отправляйся к себе и отдохни хорошенько, — усмехнулся он, и в этой усмешке Энакину почудился какой-то намек, но он его не понял.

Пожелав ему доброй ночи, Органа ушел в спальню, а Энакин, длинно вздохнув, поплёлся в свою.

Органа, определенно, был хорошим утешителем, но все же Энакин по-прежнему чувствовал себя подавленным. Да, его участие в миссии было скорее номинальным — выступлений на Совете от него не ждали, охранять сенатора было незачем и не от чего, и фактически он

просто был красивой представительской фигурой. Генерал-джедай, живая демонстрация мощи Республики; он вспомнил перевернутый кувшин и поморщился. И вот же, облажался в единственном месте, где от него правда потребовались действия.

Энакину не нравилось чувствовать себя неудачником.

Умывшись и раздевшись до нижней туники, он улегся, однако широкая прохладная постель жгла.

А ведь он мог выбрать другую историю. Даже сказка про Песочного человека была бы лучше. Но нет же, захотел покрасоваться, чтоб не выглядеть блекло на фоне Органы...

Проворочавшись с полчаса, Энакин поднялся. Отодвинув трепещущие на ночном ветерке занавеси, он вышел на террасу; пять аранийских лун, огромных и ярких, мертвенно сияли в небе, заливая дворцовые сады призрачным светом. Каменный пол под босыми ногами все еще казался теплым. Положив ладонь на перила, Энакин побрел куда глаза глядят, погруженный в невеселые мысли. Поджившие раны уже почти не беспокоили его; он вернется на фронт, как только они тут закончат. В отличие от Органы, опытного дипломата и правителя целой планеты, он — всего лишь рыцарь-джедай и генерал, и надо признать, воевать у него получается лучше всего.

Ему вспомнилась легенда, которую рассказал Органа. Воображение послушно нарисовало картинку: старинный замок, пронизанная светом роща, светловолосый рыцарь, медитирующий на зелёной поляне под присмотром старого джедая. Виноградники и горы. Молодой принц, поразительно похожий на Бейла Органу, каким тот мог бы быть в юности. Энакин невольно улыбнулся. Надо будет как-нибудь слетать на Альдераан.

Сам того не заметив, он добрел до конца террасы. В спальне Органы все еще горел неяркий свет. Легкие газовые занавеси колыхались в приоткрытой двери, и чуткий слух Энакина вдруг уловил тихий шепот и смех. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Энакин шагнул ближе

и заглянул внутрь.

Его взгляду открылось ложе, такое же, как в его спальне. По сторонам от него неярко горели лампы, а на нем...

Сначала Энакин даже не понял, что он видит. Органа сидел на краю постели; один обнаженный юноша-прислужник устроился у него на коленях, лицом к лицу, и плавно покачивался, а второй, сидящий за спиной у Органы, поглаживал и целовал его широкие плечи. Бронзовая кожа аранийцев переливалась на свету; ладони Органы на бедрах у юноши казались огромными. Вот Органа наклонился и поцеловал шею прислужника чуть повыше воротника — и тот выгнулся со сладким вздохом в ответ. Издав низкий стон, Органа сжал пальцы на его бедрах сильнее.

Энакин сделал шаг назад. Щель между занавесей исчезла из поля зрения, но теперь Энакин ясно и четко слышал все происходящее в спальне: сбивчивые вздохи, низкие стоны, поощрительный шепот, тихий смех... Он отступил еще.

Конечно, вот о чем они переговаривались в купальнях. Прислужники Органы тоже предложили ему «согреть его постель», и, в отличие от Энакина, сенатор не стал отказываться. Даром, что женат. Впрочем, Энакин краем уха слышал о свободных нравах сенатора Органы.

Он понял, что лицо у него горит, а сердце стучит в ушах так громко, что заглушает все остальные звуки. К образу из купален — обнаженный, прекрасно сложенный, смеющийся Бейл Органа — теперь добавились новые: Бейл Органа, прижимающий к себе аранийца с бронзовой кожей. Бейл Органа, запрокинувший голову в удовольствии. Бейл Органа, оставляющий на выгнутой шее поцелуй.

Энакин резко развернулся и быстрым шагом пошел к себе.

Он думал, что убежит от образов в медитацию — но сосредоточиться было выше его сил. Дыхание частило, сбиваясь; физическое возбуждение, которое ему удалось подавить в купальнях, теперь

вернулось — и, кажется, мощнее вдвое. Энакин зажмурился и сжал себя прямо через ткань; прикусил губу, чтобы не застонать. А ведь можно было тоже согласиться на предложение Шуа...

Он расстегнул штаны и сунул руку внутрь, обхватил член. Это он мог бы ласкать бронзовую кожу, сжимать в объятиях стройное тело... Задвигав кулаком быстрее, Энакин беззвучно застонал, запрокидывая голову — и почти почувствовал на своей шее прикосновение чужих губ, жесткое касание бородки, крупную ладонь, сжимающую затылок...

Он рвано выдохнул, содрогнулся всем телом и бурно кончил.

Яркие лучи рассвета легли на его лицо и вытряхнули из неглубокого тревожного сна. Открыв глаза, Энакин некоторое время смотрел, как ослепительно белые полосы медленно ползут по мозаичной плитке; потом поднялся. Вчерашняя ночь казалась подернутой дымкой, и Энакин чувствовал, что возвращаться к ней мыслями не стоит. Он принял душ, оделся и помедитировал; перед выходом из спальни посмотрелся в зеркало и пригладил волосы, малодушно оттягивая неизбежное.

Бейл Органа обнаружился в общей гостиной. Обернувшись, он поприветствовал Энакина и указал ему на столик, где уже громоздились блюда с завтраком. Энакин сел.

— Нервничаешь? — спросил Органа с мягкой усмешкой, и Энакин едва не вздрогнул, не сразу поняв, что тот говорит всего лишь о предстоящем Совете.

— Не слишком. Вряд ли на Совете мне придется хоть раз открыть рот. Ну, не для того, чтобы зевнуть, — Энакин улыбнулся и взял с ближайшего блюда что-то, показавшееся ему относительно знакомым.

Органа засмеялся в ответ.

— Я думаю, у нас хорошие шансы выиграть, — сказал он и сверкнул глазами почти хищно. — Торговая федерация — серьезный противник, когда на кону сырьевая система, которой необходимо продавать свою продукцию — но у меня есть козырь в рукаве.

— Какой? — заинтересованно спросил Энакин, но Органа только ухмыльнулся:

— Увидишь.

Зал Совета напомнил Энакину Сенат в миниатюре — только купол здесь был прозрачный, сетчатый, и сквозь него лился вниз яркий солнечный свет. Вместо множества отдельных лож по стенам тянулись белые мраморные скамьи, амфитеатром спускающиеся к ораторскому кругу; на них уже располагались знатные аранийцы. Поглядывая в зал, они негромко переговаривались.

Сегмент, где сидели халиф, эмир и старейшины, был отделен от остальных скамей тонкими золотыми цепочками. Десятеро старейшин, у всех длинные седые бороды и огромные воротники, сидело на ярус ниже правителей Арании. Органе и Энакину предложили расположиться на нижнем ярусе справа от старейшин, неймодианцам же досталось место слева, как и на пиру. Яркий свет заливал серо-зеленые лица неймодианцев под высокими головными уборами, и Энакин поморщился, невольно припомнив Геонозис и насмешку в оранжевых выпуклых глазах Нута Ганрея. Только вот зря тот думал, что с джедаями так легко расправиться.

Энакин пошевелил пальцами искусственной руки. С того момента, как в столкновении на Геонозисе Дуку отрубил ему руку, прошло больше года, и за это время Энакин окончательно привык к протезу, да еще и изрядно доработал его, добавив золотые проводники и литые щитки для защиты сервоприводов. Сверху протез прикрывала идеально посаженная длинная перчатка. Иногда Энакин жалел, что главная рабочая рука у него теперь лишена всей полноты чувствительности, однако в мелких манипуляциях ему прекрасно помогала Сила, а в бою

протез оказался даже удобнее настоящей конечности: приводы неплохо увеличивали силу удара, что вполне подходило для Пятой формы, которую Энакин любил.

Удар в гонг оборвал гомон зрителей, и на зал опустилась тишина. В тишине ясно разнесся прохладный голос халифа:

— Мы созвали Совет Старейшин, дабы он выслушал послов от Конфедерации Независимых Систем и послов от Галактической Республики и вынес решение, с какой из сторон Арании заключать союз. Первыми приглашаю высказаться послов от Конфедерации Независимых Систем.

Глядя, как высокий тощий неймодианец занимает место в кругу ораторов, Энакин подумал: как же, в сущности, Арании не повезло. Была крупной независимой системой, торговала с кем хотела, но теперь, когда сепаратисты положили на нее глаз, Республика не может остаться в стороне и отдать Конфедерации ценный ресурс, так что волей-неволей Арании придется выбирать, с кем иметь дело. И лучше бы волей — своих военных сил у системы практически нет, все вложено в планетарную защиту. Но Энакин знал, что для отключения щита достаточно одной хорошей диверсии. А при расколе внутри государства ее еще и нетрудно организовать.

— От литса Конфедерации Независимых систем я, Дод Марр, полномочный посол, предлагаю Арании войти в состав Конфедерации. Мы предоставим лучшие условия для наших союзников: крохотные пошлины на пользование торговыми путями, всего лишь три процента, и лучшие цены на аранийскую продукцию, а также защиту от любых враждебно настроенных сторон, — посол бросил недружелюбный взгляд на них с Органой, но тот только расслабленно усмехнулся.

— Какие торговые пути на настоящий момент контролирует Конфедерация? — спросил один из самых зрелых старейшин, его борода достигала колен.

— Старейшина Зафар, — шепнул Органа. — Самый влиятельный араниец в Совете. Его дочь — супруга эмира.

— Кореллианский путь от Алантина до Мон Газза, Хайдианский путь от Боталефа до Листехола, Перлемианский маршрут от Сальвары до Квермии, — перечислил Марр, загибая короткие пальцы.

— Всего лишь небольшие сектора, — покачал головой Зафар.

— У Торговой федерации, которую я также представляю, есть множество договоров с различными системами, — поспешил возразить Марр. — Мы можем предложить уникальную схему дистрибуции! К тому же, Конфедерация сама по себе один из крупнейших закупщиков вашего сырья. Идет война, энергия необходима... Мы даже можем построить заводы по переработке райдония прямо у вас...

— Как вы можете защитить Аранийскую систему от внешней агрессии? — подал голос другой старейшина.

— Ми введем в вашу систему флот Конфедерации. Наши талантливые адмиралы защитят ваши прекрасные планеты от любых посягательств, — оранжевые глаза снова сверкнули на них с Органой, и Энакин едва слышно фыркнул. Посягают на что-то тут только сепаратисты. — Список условий и привилегий, которые мы готовы предоставить Арании и который я вручил Его Величеству вчера, остается неизменен... Лучшего варианта быть не может, я уверяю вас.

Старейшины обменялись краткими репликами, и Зафар сказал:

— Мы благодарим посла Конфедерации Независимых Систем за выступление. И приглашаем высказаться посланника Галактической Республики сенатора Органу.

Органа поднялся и неспешно вышел в центр круга. Подняв голову, он на мгновение встретился взглядом с молодым халифом и слегка улыбнулся; Энакин прикусил губу.

— Галактическая Республика многие века охраняет свободу и покой граждан входящих в нее миров. Признаюсь честно, если бы Конфедерация Независимых Систем не попыталась наложить руку на Аранию, мы бы никогда не стали нарушать сложившийся порядок, — Органа развел руками. — Республика уважает нейтральные галактические государства и свободный рынок. Однако то, что мы знаем о деятельности Конфедерации Независимых Систем, заставляет нас вмешаться. Посланник Марр только что упомянул о контроле над частью Кореллианского пути, — он достал голопроектор и поднял его на ладони. Перед присутствующими завертелась голографическая планета. — Это Кайра, один из миров, богатых редкими металлами, находится в Регионе Экспансии неподалеку от Кореллианского пути. В начале войны Конфедерация Независимых Систем предложила кайрианцам союз, примерно на таких же условиях, что обозначил сейчас посланник Марр. Вот что с Кайрой сейчас.

Голограмма планеты сменилась головидео, дергающимся и то и дело прерывающимся помехами: по разоренному войной городу отряд дроидов ведет измученных пленников. Строй заводят в ворота огромного промышленного комплекса. Над разбомбленными домами поднимается дым. Камера разворачивается, и кайрианец — на лице едва поджившая рана, глаз заплыл, — шепчет: «Вот что сепаратисты сделали с нашим домом. Если вы нас услышите — помогите...»

Запись оборвалась, и в то же мгновение воздух прорезал крик подскочившего с места Марра:

— Это наглая ложь! Подделка!

Зал загомонил: аранийцы запереговаривались ошеломленно, и только резкий хлопок вернул в зал тишину. Сотни глаз обратились на эмира. Тот медленно сложил ладони обратно на колени и спокойно сказал:

— Давайте дослушаем сенатора Органу.

Наступила мертвенная тишина.

— Благодарю Вашу Светлость, — Органа слегка наклонил голову. — Мне нет нужды пересказывать, вы сами все видели. И Кайра не единственная. Конфедерация Независимых Систем заключает союз, добивается впуска войск и строительства заводов — а затем порабощает миры и выжимает их досуха. Галактическая Республика предлагает системе Арания защиту от посягательств, — Органа с усмешкой бросил взгляд на бессильно сжимающего кулаки Марра, — а также пятипроцентные пошлины на торговлю в центральных мирах. Если же Арания пожелает войти в состав Республики — условия будут еще улучшены. Все предложения есть в документе, который я вчера передал в администрацию Его Величества.

Старейшины снова засовещались, а потом, поблагодарив Органу, поднялись и гуськом удалились. Вопросов задавать они не стали, и Энакин не знал, хороший это знак или плохой.

За старейшинами ушли и халиф с эмиром, остальные тоже потянулись к выходу.

— Что ж, первый ход сделан, — довольно улыбаясь, Органа вернулся к Энакину. — Теперь они будут совещаться, а завтра все начнется заново: сепаратисты будут решительно отвергать все обвинения, и в качестве доказательства своих намерений даже снизят свои запросы.

Энакин покачал головой, все еще ошеломленный увиденным.

— Откуда у вас эта запись? — спросил он.

— Одному из кайрианцев удалось прорваться за кордон и отправить послание Республике.

— Им ведь уже выслали помощь? Кого из генералов туда отправили?
— Энакин взволнованно сжал кулаки.

Органа убрал голопроектор за пазуху и медленно покачал головой.

— Мне жаль тебя огорчать, но Сенат и Совет Джедаев не смогли пока выделить сил на освобождение Кайры. Но это лишь дело времени, Энакин. Если мы будем успешны здесь и заключим союз с Аранией, у нас вскоре появятся необходимые ресурсы, и Кайра будет спасена. Как и другие планеты, поработанные сепаратистами.

Энакин стиснул зубы. Он должен быть там, а не здесь. Он должен быть там.

Они были уже на полпути к выходу из дворца, когда их догнал прислужник.

— Сенатор Органа, генерал Скайуокер, Его Светлость Гиас приглашает вас побеседовать, — он низко поклонился. Энакин с Органой переглянулись.

Прислужник провел их в жилую часть центрального дворца — где-то здесь должны были располагаться покои халифа и эмира, а также женская половина — отгороженная и хорошо защищенная часть комплекса, где жили женщины из рода халифа. Заходить туда нельзя было никому, кроме специальных слуг-евнухов. Женаты были оба брата, причем у халифа было аж три жены — признак невероятного богатства и положения. Правда, насколько было известно Энакину, наследников ни у одного из них пока не было.

Прислужник привел их в небольшой внутренний сад. Эмир поднялся им навстречу с каменной скамьи и слегка поклонился.

— Уважаемые послы. Благодарю за то, что согласились со мной побеседовать. Прошу, присаживайтесь.

Органа и Энакин уселись на скамью напротив эмира; подбежавшие слуги разлили по стаканам какой-то местный напиток и упорхнули. Энакин уткнулся в свой стакан: после провала на пиру он предпочитал помалкивать, а вот Органа явно чувствовал себя в своей стихии.

— Чем мы можем помочь Вашей Светлости? — мягко спросил он.

Эмир сложил руки на коленях, потом разгладил невидимую складку на своем одеянии. Он явно волновался. Энакин вспомнил, что ему не так уж много лет, лишь чуть больше, чем самому Энакину.

— Я понимаю, что мой вопрос прозвучит глупо, — наконец поднял взгляд Гиас, и Энакин снова поразился цвету его глаз — прозрачно-фиолетовому, словно световой меч магистра Винду. — Однако все же задам его. То, что вы сказали о Кайре и о других планетах, заключивших союз с сепаратистами — правда?

Органа издал тихий смешок.

— Вы ведь понимаете, что даже если бы это было ложью, я бы вам в этом не признался? — почти ласково спросил он. — Но, тем не менее, это правда. Сепаратисты действительно обращаются с сырьевыми мирами как с дешевым ресурсом. Зачем исполнять какие-то договоренности, если можно по разрешению правительств ввести на планету войска — и захватить власть? И никто об этом не узнает, потому что околопланетное пространство уже во власти Конфедерации.

— Я вам верю, — Гиас вздохнул. — Мы вели дела с Торговой Федерацией и раньше, и до нас долетали разные слухи. Но такое подтверждение... Надеюсь, Его Величество одумается и откажется принять помощь сепаратистов.

Он немного помолчал и грустно улыбнулся.

— Я... вообще не знаю, что нашло на Анвара в этот раз. Может быть, дело в том, что раньше он всегда соглашался с моими суждениями, и среди придворных прошелся слух, что я им верчу, но это не так! Я просто хочу спасти Аранию.

Энакин, не ожидавший такой откровенности, посмотрел на Органу; брови у того едва заметно сошлись на переносице, однако голос

остался таким же мягким:

— Мы приложим все усилия, чтобы убедить Совет Старейшин выбрать Республику, — дипломатично пообещал он то, что и так само собой разумелось.

Гиас посмотрел на него с надеждой, а потом и вовсе перевел взгляд на Энакина.

— Я верю, что сторона, за которую сражаются джедаи, не может быть неправой, — сказал он. В его глазах светилась настоящая тревога. — Пожалуйста, помогите мне, сенатор Органа, генерал Скайуокер.

Энакин, позабыв о том, что собирался держать рот закрытым, кивнул и сказал:

— Не волнуйтесь, Ваша Светлость. Мы постараемся.

(6)

Жара, которую Энакин даже не замечал, пока шел совет, вновь обрушилась на них всей тяжестью, как только они покинули дворец. Оба аранийских солнца едва перевалили за зенит, и все вокруг было залито ярким, почти ослепительным светом. Органа глубоко вздохнул рядом — поднялась и опала мощная грудь — и, загородив глаза ладонью, из-под «козырька» поглядел на город.

— Что ж, до завтрашнего дня у нас куча свободного времени, я хотел бы изучить Аранию-Прайм поближе, — сказал он. — Составишь мне компанию?

Энакин кивнул. После новостей о Кайре и эмоциональной беседы с эмиром он был не в настроении развлекаться, однако, в конце концов, его послали сюда сопровождать сенатора, вот и надо сопровождать. А то если тот отправится в какие-нибудь трущобы и нарвется там на неприятности, ничего хорошего не будет.

Они вошли на гравиплатформу, и Энакин медленно повел ее через сквер к городу. Вскоре они снова оказались в чистеньком ухоженном центре главного купола; Органа некоторое время со скучающим видом вертел головой по сторонам, а потом предложил:

— Как ты смотришь на то, чтобы посетить купол поменьше и попроще? Вон там указатель на соседний...

Энакин послушно свернул. Они въехали в подземный тоннель и через некоторое время вынырнули из него уже в другом куполе. Этот был поменьше и пониже, однако архитектура и городская среда здесь почти не отличались — те же дома из светлого «песчаника», те же аккуратные улицы с широкими тротуарами, те же ухоженные площади.

Немного покружив, они с Органой переглянулись и поняли друг друга без слов. Энакин повернул к следующему тоннелю.

Третий купол оказался уже больше похожим на настоящий живой город — и этот город снова отчаянно напомнил Энакину Татуин. Желтые и серые дома, явственно более старой постройки, лепились тут друг к другу без всякого порядка; нарастали в высоту и в ширину, словно гнезда. Тротуары исчезли, и Энакину приходилось лавировать между пешеходами и другими гравиплатформами, хаотично текущими по узким улицам.

Чем ближе они были к центру купола, тем уже становилась дорога, и тем больше людей на ней было. Энакин начал было присматривать место, где можно оставить графиплатформу, чтобы пойти дальше пешком, как вдруг впереди раздалась музыка. Между старыми стенами раскатился барабанный бой, пели струнные и флейты; аранийцы расступились, уступая дорогу, и в просвете показалась процессия: восемь мужчин несли на плечах закрытый паланкин, за ними следовали музыканты с какими-то местными инструментами и свита из празднично одетых аранийцев, расшвыривающих в стороны окрашенное в золотой цвет зерно. Энакин отвел гравиплатформу к краю дороги.

— Свадьба. Кому-то повезло заполучить жену, — прокомментировал Органа. — Давай-ка вон в тот переулок, мне кажется, там впереди рынок.

В конце петляющего узкого переулочка действительно обнаружился рынок — целый лабиринт из лотков и лавок, навесов и крошечных площадей. На площадях, которые, впрочем, вернее было назвать пяточками, стояли зазывалы, или уличный сказитель, или артисты всех жанров и мастей. Проходя сквозь одну такую, Энакин загляделся на аранийца, жонглирующего десятком кинжалов с легкостью, достойной джедая, и едва не врезался в лоточника — спасло то, что в последний момент Органа притянул Энакина к себе. На мгновение тот уткнулся носом в жесткую ткань его мундира, и его обдало ароматом одеколона Органы — запахом смолистого дерева и пряных трав.

Не выпуская его из импровизированного объятия, Органа посмотрел на Энакина сверху вниз и усмехнулся:

— Все же для джедая ты поразительно неловок.

Энакин вспыхнул и резковато отступил назад, но Органа уже сделался серьезен:

— Энакин, скажи мне честно, тебя все еще беспокоит рана?

— Нет! — воскликнул Энакин, может быть, чересчур поспешно. — Я бы увернулся, если бы вы меня не схватили, сенатор.

— О. Ну извини.

Органа скептически приподнял бровь, но спорить дальше не стал. Энакин был ему благодарен — неожиданное объятие и так сильно выбило его из колеи. Он и хотел бы, но не мог не вспоминать то, что увидел ночью: огромные ладони Органы на узкой спине прислужника, его стоны, перекатывающиеся под кожей мышцы, губы на бронзовом плече...

Дело было вовсе не в ране. Та действительно его уже почти не беспокоила.

Они вошли в ряды, где торговали вычурными украшениями, разноцветными шелками, лампами из мелкого витражного стекла, мебелью из настоящего дерева. Разглядывая яркие товары — тяжелые браслеты, инкрустированные драгоценными камнями пояса, разлапистые веера на длинных ручках, — Энакин постепенно отвлекся от смущающих мыслей и успокоился.

Вскоре они вышли на очередную крохотную площадь, где смуглый до черноты араниец в кожаном переднике поверх короткого воротника стоял за длинной полукруглой жаровней, где с одной стороны жарилось на углях мясо, а с другой в глубокой выемке пеклись на железных стенках круглые лепешки.

Запах жареного мяса коснулся ноздрей Энакина, и его живот громко забурчал. Органа тихо засмеялся:

— Я тоже голоден. Дадим шанс уличной аранийской еде?

— Я переварю что угодно, — ухмыльнулся Энакин. — Это вам стоит беречь свой утонченный желудок, сенатор.

Взяв по тарелке жареного мяса с гарниром из перетертых бобов и свежими лепешками, они уселись за стол чуть поодаль от шумно обедающих аранийцев и принялись за еду. На них поглядывали, но беззлобно: они просто были единственными инопланетниками на этом пятачке.

— Вы заметили, как мало на Арании представителей других планет? Особенно в этом куполе, — спросил Энакин, когда первый голод был утолен.

— Да. На самом деле аранийцы всегда были довольно закрытым обществом, — Органа задумчиво мазнул куском лепешки по остаткам бобового пюре. — Этого не найдешь в официальной информации,

однако я слышал истории, что аранийцы якобы когда-то, очень-очень давно, были людьми. То ли нацией, то ли корпорацией, занимавшейся генетическим совершенствованием человеческой расы, причем экспериментировали они на самих себе. Однако в какой-то момент на их родной планете эти разработки были запрещены, и аранийцы покинули ее, чтобы найти себе новый дом и продолжить идти своим путем. Из-за этого их общество долго было очень закрытым — чтобы не допустить смешивания генофонда. И во многом до сих пор остается таким.

— Ого! То есть аранийцы могли бы жениться на человеческих женщинах? Почему же они этого не делают, при таком-то дефиците?

— Все не так просто. Подобное смешение крови не допускает традиция, да и если бы допускала — велика вероятность, что это попросту уже невозможно. Близкородственные виды ведь часто не могут скрещиваться. К тому же, я совсем не уверен, что эти истории — правда.

— А жаль, — Энакин поморщился, вспомнив встреченную свадебную процессию. — Это отвратительно, что женщины на Арании — всего лишь живой товар и инкубатор.

Органа приподнял было брови, но потом по его лицу проскользнуло понимание. Вспомнил о моем происхождении, с неудовольствием подумал Энакин. Бывший раб с Татуина, сын рабыни, он так и не научился относиться к рабству и чему-то похожему на рабство спокойно.

— Мы не знаем, как на самом деле обстоят дела. Какие эти женщины, чего они хотят, — мягко возразил Органа. — Да и ситуация с браком и на многих развитых планетах обстоит похоже, — он издал непонятный смешок. Энакин посмотрел на него вопросительно, и Органа пояснил: — Например, мой собственный брак был браком по расчету. Мы с Брехой не то что не любили друг друга — просто терпеть не могли. С рождения принадлежали к соперничающим родам. Однако наш брак был необходим ради возвращения на Альдераан мира, и мы пошли на

это. Но, знаешь, не пожалели в конечном итоге, — он тепло усмехнулся.

— А... — «как же ваши постельные развлечения?» — хотел было спросить Энакин, но вовремя прикусил язык. Он ведь ничего не видел. На террасе его не было.

Но Органа каким-то неведомым образом распознал недоговоренное.

— А как же слухи о моих любовных похождениях, ты хотел сказать?
— со смехом спросил он. Энакин почувствовал, что краснеет.

— Только невинный джедай может такое спросить, — Органа посмотрел на него с безобидной иронией. — Мы с Брехой любим и уважаем друг друга. В это входит и уважение к желаниям и потребностям другого.

— Но если вы любите жену, как вы вообще можете хотеть кого-то другого? — с горячностью возразил Энакин, позабыв, что не стоит вступать в беседы на столь скользкие и малопонятные темы. Органа улыбнулся.

— Я не знаю, чему вас учат в Храме, Энакин, но для меня, для нас с Брехой реальный мир — не черный и белый. В нем нет абсолюта. Нет единственной любви, единственной истины, единственного правильного пути. Жизнь полна тонких оттенков, в ней множество людей, отношений, чувств, и все это прекрасно друг с другом сосуществует.

— Только ситхи возводят все в абсолют, — пробормотал Энакин старую присказку. Однако, сказать по правде, яснее ему не стало. В конце концов, его учили вовсе избегать привязанностей, а не иметь сразу несколько. Поглощенный размышлениями, Энакин незаметно для себя разломал лепешку на несколько кусков и собрал с тарелки остатки бобовой пасты.

Органа усмехнулся, наблюдая за тем, как он доедает — а потом вдруг

наклонился через стол, взял Энакина за подбородок и легонько мазнул по краю губ большим пальцем, а потом поднес руку ко рту и слизнул оставшуюся на подушечке пасту.

— Ты испачкался, — как ни в чем ни бывало сказал он. — Пойдем гулять дальше?

Энакин ошеломленно посмотрел на него и сглотнул сухим ртом, пытаясь унять подскочившее к горлу сердце. Но Органа уже поднялся и пошел по одному из рядов, так что Энакин, беззвучно выругавшись, вскочил и поспешил за ним.

В центральный купол возвращались уже в сумерках. Ночь, упавшая на Аранию-Прайм, в считанные мгновения поглотила город, и в ответ на это на карнизах домов зажглись желтые неяркие фонари. Дворец, подсвеченный снизу огнями, казался дорогой золотой игрушкой. На подъездной аллее уже никого не было.

Энакин мягко завел гравиплатформу в ворота и повернул к Западному дворцу. Во внутреннем саду среди зелени мягко светились огни; едва слышно журчала вода.

В окнах их апартаментов горел свет — вероятно, включили слуги. Энакин собирался уже отвести взгляд, однако тут на террасе мелькнула чья-то тень. Слишком быстрое, слишком вороватое движение для прислужников — разве те стали бы бегать?

Сердце тревожно сжалось.

— Держитесь! — велел он и выжал газ. Платформа рванула с места — Органа только и успел, что схватиться за ограждение.

В развороте бросив платформу прямо на площадку перед входом, Энакин резко затормозил и перемахнул через перила; тень мелькнула уже на нижнем этаже, на галерее вдоль Залов Отдохновения, и Энакин рванул за ней.

— Скайуокер! — крикнул Органа ему вслед, и Энакин обернулся:

— Укройтесь!

Беглец свернул за угол. Энакин ускорился и вылетел вслед — как раз, чтобы увидеть, как опускается на место неприметная замаскированная травой крышка люка. Подбежав, Энакин попытался найти хоть один зазор, чтобы поддеть и открыть ее, но не смог. Он уже хотел вырвать ее Силой, но сзади вдруг раздались быстрые шаги, и он резко развернулся, зажигая меч — но это был всего лишь Органа. Он успокаивающе поднял руки.

— Сбежал, — коротко пояснил Энакин, кивая на люк. Органа приблизился и, пару мгновений поизучав траву, на что-то нажал. Крышка снова начала подниматься, и Энакин, резко откинув ее, сиганул вниз.

Лететь оказалось недалеко — не больше двух метров. Приземлившись на полусогнутые ноги, сразу в боевую стойку, Энакин зажег меч; голубое сияние выхватило из темноты переплетения проводов и труб на стенах узкого тоннеля. Ни в одном его конце никого уже не было.

Раздался тихий шорох — это Органа спрыгнул следом: неожиданно легко для своей комплекции, и сразу же пригнулся, вставая в стойку спиной к спине с Энакином. Энакин только сейчас заметил у него в руке небольшой бластер.

Они переглянулись, и Органа кивнул ему направо, а сам, включив фонарик под дулом бластера, направился налево, прижимаясь к стене и переступая почти с кошачьей грацией. Энакин же побежал в противоположную сторону, уже предчувствуя, впрочем, неудачу.

Как он и думал, вскоре слева и справа начали открываться боковые коридоры, уходящие в темноту, а над головой периодически попадались люки. Наугад сунувшись в несколько ответвлений, Энакин, конечно, никого не нашел — и в конце концов вернулся обратно.

Органа уже ждал его под открытым люком.

— Здесь целый лабиринт, — он покачал головой. — Кто бы это ни был, мы его уже не догоним.

Энакин поморщился.

— Похоже, эти служебные тоннели пролегают под всем дворцовым комплексом. Как вы открыли люк, кстати?

— Там была кнопка, — Органа улыбнулся. — Эта маскировка травой сделана для красоты, чтобы не было видно крышки, но, похоже, этими тоннелями и люками активно пользуются — нужно же обслуживать все эти бассейны и инфраструктуру. И незачем все это запирасть — на территорию дворца ведь могут попасть только те, у кого есть допуск.

Энакин потер подбородок. И как же тогда, интересно, таинственный беглец сюда попал? И, главное, что он делал в их комнатах?

— У вас в вещах есть что-то ценное? Что стоило бы украсть? — спросил он. — Какая-нибудь еще голозапись, которой вы собираетесь размазать сепаратистов на завтрашнем заседании?

— Увы, нет. Дальше я собирался полагаться только на собственное красноречие, — Органа развел руками. — Но мои оппоненты-то этого не знают.

— Непохоже, чтобы это был кто-то из неймодианцев, — Энакин покачал головой, вспоминая беглеца. — Слишком низкий и чересчур проворный...

— Возможно, просто поклонник? Вдруг я понравился кому-то из живущих во дворце родичей халифа на вчерашнем банкете? — усмехнулся Органа. Энакин посмотрел на него с осуждением, и тот со смехом потрепал его по плечу.

— Давай-ка выбираться отсюда.

Энакин, все еще недовольно кривя губы, посветил на стену под люком — там, конечно же, обнаружили ступеньки, которые они оба не заметили, когда спрыгивали.

Они вылезли из люка, однако когда Органа спокойно двинулся ко входу во дворец, Энакин остановил его.

— Давайте-ка на всякий случай я пойду первым. Все-таки мы не знаем, что незнакомец делал в наших апартаментах.

— Слушаюсь, генерал, — Органа шутливо козырнул, по-видимому, не разделяя опасения Энакина, но и не споря, и Энакин в очередной раз подметил его очень приличную выправку. А как умело тот двигался в тоннеле! Да и бластер — Энакин не ожидал, что Органа будет ходить вооруженным; по крайней мере, открыто оружия он не носил, но, как оказалось, все же предпочитал иметь за пазухой небольшой бластер. Вот вам и изнеженный альдераанский король.

Держа меч наизготовку, но пока не включая, Энакин осторожно поднялся по лестнице — Органа следовал в пяти шагах за ним, — и вошел в общую гостиную. Там никого не было. Дав Органе знак держаться сзади, Энакин выглянул на террасу — тоже никого; потом вошел в комнаты Органы. Пусто. И никаких признаков того, чтобы в вещах рылись.

Такая же картина была и в его собственной спальне. Когда Энакин вернулся в гостиную, Органа уже убрал бластер. Встретившись с растерянным взглядом Энакина, он усмехнулся:

— Я же говорил — по-видимому, это был поклонник. А вы его спугнули, генерал.

Энакин насупился. Возразить было нечего, но шутка все равно вызвала раздражение. Возможно, потому что он все еще отчего-то чувствовал себя не в своей тарелке.

Органа вышел на террасу; потянулся со звуком явного наслаждения и шумно вздохнул: даже из гостиной Энакин чувствовал, что прохладный воздух пахнет раскрывшимися ночными цветами. А еще...

— Сенатор!

Он в два шага вылетел на террасу и сшиб Органу с ног; в этот же миг за их спинами оглушительно рвануло, и мощная ударная волна швырнула их на балюстраду и, вместе с ней, вниз.

(7)

Они ударились об воду — и сразу же ушли в глубину, под округлые листья водяных лилий. Энакин, стиснув зубы, отрешился от собственной боли в едва зажившей ране, автоматически задержал дыхание и обхватил Органу крепче, но тот не торопился брыкаться, как это сделал бы любой тонущий человек. Должно быть, потерял сознание?.. Спустя мгновение ноги коснулись дна — бассейн был не слишком глубоким, не больше пары метров. Энакин спружинил, выталкивая их на поверхность.

Когда их головы оказались над водой, Органа пошевелился, подгребая руками, и Энакин понял, что тот вполне в сознании. Их взгляды встретились; в темных глазах Органы отражались оранжевые всполохи пожара. Дворец горел — весь второй этаж был охвачен пламенем. Выли, надрываясь, реющие над ним пожарные дроны.

— Ты в порядке? — спросил Органа. Энакин скорее прочитал это по его губам, чем услышал — в голове все еще звенели отголоски взрыва. Им повезло, почуй он знакомый запах оружейного металла секундой позже, и их бы поджарило, а так только ударной волной приложило. Рана ныла, но вроде бы все было в порядке, и он кивнул.

Органа вдруг взял его за плечо и заставил пригнуться, и сам ушел поглубже, почти незаметный среди листьев и обломков пластика, качающихся на воде. Он смотрел на дворец, и Энакин посмотрел тоже; со стороны сада к горящему зданию уже бежали. По знакомому блеску

вышивки на воротниках Энакин понял, что это дворцовая гвардия.

— Поглядим, — едва слышно сказал Органа и слегка помотал головой из стороны в сторону. По-видимому, у него в ушах тоже гудело. Но он держался на воде поразительно уверенно для человека, которого только что взрывом вышвырнуло с террасы.

По галерее пробежали гвардейцы, на ходу докладывая обстановку на комм-линк; «...об инциденте уже доложено Его Величеству...» — донеслась до Энакина искаженная динамиком ответная передача. «Экстренное заседание Совета... на утро...»

— Это гвардия. Атакующих нет, — шепнул Энакин. — Похоже, все было рассчитано на то, чтобы просто взорвать нас — незнакомец, которого я преследовал, установил заряды. Думаю, сейчас опасности уже нет, давайте выбираться.

— Не торопись, — Органа повернулся к нему, и Энакин с удивлением увидел на его лице хищную улыбку. — Разве тебе не интересно, кто на нас охотится? Сейчас самый удачный момент, чтобы прикинуться погибшими и провести собственное расследование, разве нет?

— Сенатор!.. — Энакин аж задохнулся. — Я отвечаю за вашу безопасность, и я...

— Вот и отвечай, — перебил его Органа с ухмылкой. — Только что ты справился неплохо, продолжай в том же духе. А теперь давай-ка вон туда, — он указал в сторону давешнего люка, спрятанного в траве между бассейном и галереей, и первым поплыл к бортику. Энакину ничего не оставалось, как двинуться за ним.

Дождавшись, когда все гвардейцы исчезнут за углом здания, они выбрались из бассейна и нырнули в люк. Спустившись по лестнице, замерли, прислушиваясь, но в тоннелях никого не было — единственным звуком, кроме мерного гудения агрегатов, был звук капающей с их одежды на пол воды. Энакин отцепил от пояса меч и зажег его, проверяя — корпус, конечно, был водонепроницаемым, но

иногда случались неожиданности. Яркий голубой свет залил тоннель.

— Что теперь? — спросил он и огляделся. Камер в тоннеле вроде не было; однако рано или поздно гвардейцы потушат пожар, начнут расследование взрыва — и заберутся и сюда.

— Для начала найдем какое-нибудь укромное местечко и обсохнем, — откликнулся Органа и, достав из-за пазухи датапад, пошел по тоннелю вперед, одновременно что-то набирая на экране. Энакин, покачав головой, двинулся за ним.

— В чем смысл прятаться в тоннелях? Так мы все равно ничего не узнаем.

— Тут ты ошибаешься, — рассеянно возразил Органа. Он ввел еще несколько команд, и из динамика датапада пошел звук.

«В секторе восемь чисто... Пожар локализован, приступаем к разбору завалов...»

— Вы подключились к гвардейской волне? — изумленно спросил Энакин. На фронте они часто пользовались перехватом передач, но он почему-то не ожидал, что подобные программы окажутся на датападе известного своим миролюбием сенатора Органы.

— А ты думал, дипломатия — это исключительно разговоры, малыш? — Органа насмешливо сверкнул на него глазами; датапад подсвечивал его лицо снизу вверх, превращая обычное расслабленно-доброжелательное выражение в хищное и почти жесткое.

Энакин не нашелся с ответом. В том числе, и на возмутительное обращение.

Они миновали еще несколько технических коридоров и через узкий люк спустились еще на один уровень. Здесь проходы были шире, и горело освещение: похоже, они попали на сервисный этаж дворца. Ощутимо воняло гарью. В коридорах никого не было — если слуги

здесь и работали, все выскочили, когда громыхнуло. Органа сверился со схемой на датападе и повернул направо. Вскоре им начали встречаться закрытые на кодовые замки двери — судя по всему, они приблизились к границе подземных этажей центрального дворца, и чтобы пройти дальше, нужен был уже особый доступ.

Укрытие, которое они искали, обнаружилось на следующем подземном уровне: влажный воздух и гул машин выдавали прачечную. Энакин осторожно заглянул внутрь, но там никого не было: всем управляла автоматическая линия. Рядом, как он и думал, оказался склад чистого белья: узкая длинная кладовка, заставленная стеллажами.

— Идеально, — сказал Органа. Энакин только поморщился. Затеянная Органой авантюра ему не нравилась — ему никогда не нравились авантюры, которые начинал не он сам.

— Почему бы нам не пробраться на корабль? — спросил он. — Там наверняка найдется сухая одежда. Для вас, по крайней мере, — он вздохнул: его-то собственная сумка с вещами сгорела во взрыве.

— Если мы покинем дворцовый комплекс, обратно уже не проберемся, — ответил Органа, проходя в дальнюю часть кладовки. — А мне очень хочется послушать, что будет происходить завтра на Совете.

Взяв со стеллажа несколько полотенец, он начал раздеваться. Энакин хотел было отвернуться, но не сделал этого — и оказалось, что не зря. Когда Органа снял мундир и рубашку, Энакин присвистнул: на спине у сенатора красовался огромный багровый синяк. По-видимому, от удара об балюстраду. Органа стянул штаны вместе с бельем, и Энакин увидел, что синяк спускается и на поясницу.

— Подождите, — сказал он, шагнув ближе. Органа обернулся, так и не завязав полотенце на бедрах.

— Ты решил согреться более приятным способом? — усмехнулся он, но Энакин, хоть щеки и вспыхнули, просто взял его за плечо и развернул к себе спиной. Коснувшись синяка, он осторожно нажал

пониже ребер:

— Больно?

— Неприятно, — спокойно сказал Органа, но Энакин почувствовал, что тот несколько преуменьшает свои ощущения. — Энакин, как ты сам? Твоя рана не отреагировала на падение?

— Нет. Это же вам, а не мне повезло встретиться с балюстрадой. Теперь на вашей спине синяк размером с крейсер. От такого удара могли и почки пострадать, — Энакин покачал головой. Сам он прекрасно знал, что это за мерзкий род травмы — не всегда в бою ему удавалось избежать падений и ударов об стены. Он огляделся и Силой снял с полок несколько комплектов чистого белья, свалил их на полу в кучу. — Сядьте.

Органа все же закрепил полотенце на бедрах и повернулся к Энакину:

— Тебе тоже нужно раздеться. Просушим одежду хоть немного.

С этими словами он просто взялся за пояс Энакина и расстегнул его. Энакин вспыхнул, перехватывая его руки:

— Я вполне в состоянии раздеться сам, сенатор, спасибо.

Органа пожал плечами и уселся на сваленные в кучу простыни, и Энакин сразу же почувствовал, что огрызнулся зря. Борясь с противоречивыми чувствами, он быстро стянул с себя одежду и развесил ее на полках. Завязав на себе полотенце, он тоже присел на сваленные простыни.

— Повернитесь спиной, пожалуйста.

Органа, не задавая вопросов, послушался.

— Почему ты все еще обращаешься ко мне на вы, Энакин? — вместо этого спросил он. — Разве мы не договорились звать друг друга по

имени?

— Да... Бейл, — откликнулся Энакин. Он и сам не знал, почему все еще обращается так. Возможно, потому, что Органа все же был сильно старше, и даже с его легкомысленным поведением забыть об этом было трудно. А может быть, потому, что Энакину требовалась эта дистанция, чтобы... Чтобы не наделать глупостей.

Положив ладони на спину Органы, Энакин сконцентрировался. Простейшим приемам лечения при помощи Силы учили каждого джедая, но Энакин не то чтобы часто этим пользовался — не клонов же ему было лечить? У клонов был Кикс, и вряд ли они поняли бы целительские порывы своего генерала. А Оби-Ван и Асока обычно не обращали внимания на царапины. Ничего сложнее простого ушиба Энакин лечить все равно не умел.

Сила потекла через его ладони в чужую плоть. Сквозь концентрацию он услышал, как ахнул Органа — лечение Силой обычно вызывало ощущение тепла и легкого покалывания. Прикрыв глаза, Энакин внезапно почувствовал, насколько Органе нравится это ощущение — не столько уходящей боли, сколько соприкосновения с Силой.

Синяк постепенно исчезал. Если Энакин не ошибался, критических ушибов внутренних органов не было — ток энергии в теле Органы был почти не нарушен.

Длинно вздохнув, он отстранился. Все было закончено. Органа медленно, словно пробуя собственные ощущения, развернулся к нему, и их взгляды встретились.

На короткое мгновение Энакину вдруг показалось, что сейчас что-то случится; может быть, что Органа возьмет его за шею и притянет к себе для поцелуя, и губы у него будут жесткие и горячие. Но тот только посмотрел на него несколько секунд своими темными глазами и сказал:

— Спасибо.

Энакин отвел взгляд и ответил безразличным тоном:

— Не за что.

Снова ожил датапад, бормоча отчеты о ходе разбора завалов. Повреждения были такие, что, не вывалились они с террасы — точно не выжили бы.

— Кто это сделал, как по-вашему? — спросил Энакин, плотнее заворачиваясь в полотенце. В кои-то веки на Арании ему было не жарко — здесь, под землей, стояла прохлада, и влажные волосы, задевая шею, заставляли ежиться.

Органа поглядел на него внимательно, а потом поднялся и взял со стеллажа еще полотенце. Присев рядом, он, не слушая вялых протестов Энакина, накинул мягкую ткань ему на спину — и так и остался сидеть рядом, положив руку на плечи и подперев бок горячим телом. В ответ на вопросительный взгляд Энакина он ответил без всякого стыда:

— Мне холодно. Не возражаете, генерал?

Энакин только слабо покачал головой. Даже если бы он был против, отказать в такой просьбе было бы невозможно. Однако самоуверенность Органы просто поражала.

— Взрыв выгоднее всего неймодианцам, — тем временем ответил на вопрос Органа. — Разом устранены и известный генерал-джедай, и сенатор из неудобной коалиции. Переговоры, которые мы с вероятностью выиграли бы — насмарку, Республика не будет заключать союз с убийцами послов. А это значит, что Арании ничего не останется, кроме как согласиться на предложение сепаратистов. Однако неймодианцы, конечно же, будут отпираться. Как и халиф.

— Думаете, он завязан?

— Возможно. Даже внутри дворцового комплекса перемещаться между дворцами не так-то просто; у того, кто устанавливал взрывчатку, был доступ. Вполне вероятно, у халифа нет иных инструментов борьбы против брата — многие на стороне эмира, а сепаратисты вполне могли наобещать Его Величеству золотые горы за устранение послов. Главное, чтобы их нельзя было ни в чем обвинить — а в союзе с главой государства можно рассчитывать на то, что расследование будет не слишком тщательным. Хотя министерства и в том числе внутренние дела — под управлением эмира... Но тот вряд ли пойдет против собственного брата так явно, скорее всего, позволит все замять. Он показался мне добрым юношей.

— Но если мы найдем и представим народу доказательства вины халифа, в Арании могут начаться внутренние беспорядки, — Энакин нахмурился.

— Именно поэтому мы найдем и представим публике доказательства вины сепаратистов, а не халифа, — Органа усмехнулся. — Ну а халифу ничего не останется, как осудить методы сепаратистов и согласиться на союз с Республикой.

Энакин повернул голову и взглянул на Органу с недоверием и восхищением одновременно:

— Они просто не догадываются, с кем связались!

Органа приятно засмеялся. Дотянувшись до датапада, он открыл перед Энакином схему центрального дворца:

— Давай подумаем, как нам подслушать Совет. Раз в это дело уже втянули старейшин, без их решения не обойдется, а значит, все важное будет сказано там. Заодно посмотрим, как будут отпираться неймодианцы, и узнаем предварительные результаты расследования. Это проще, чем сейчас лезть к ним или в штаб гвардии, чтобы собирать информацию по кусочкам — можно и попасться.

— Разумно, — Энакин забрал у него датапад.

За следующие пару часов они изучили все доступные схемы и фотографии дворца и Зала Совета. Энакин заметил под нижними скамьями вентиляционные решетки; если там будет достаточно места, вероятно, он сможет подобраться ближе через воздуховоды.

За пару часов до рассвета они оделись в подсохшую одежду и направились к центральному дворцу. Дверь с кодовым замком оказалась защищена не слишком хорошо — судя по всему, здесь больше полагались на внешнюю защиту дворцового комплекса, по-настоящему мощную, а эти перегородки нужны были, просто чтобы слуги низшего ранга не шатались где ни попадя. Энакин подключил к замку датапад Органы — конечно же, у миролюбивого сенатора нашлась и программа для перебора кодов, — и вскоре замок пискнул, переключая диод с красного на зеленый.

Подвалы центрального дворца мало чем отличались от подвалов западного, однако здесь приходилось идти осторожнее — несмотря на позднюю ночь, по переходам то и дело сновали слуги. Чутье Энакина помогало вовремя укрыться за углом.

Некоторое время ушло на то, чтобы отыскать лаз в вентиляционный канал под Залом Совета. Сняв крышку, Энакин заглянул внутрь и, выбравшись, покачал головой.

— Без вариантов. Вы не поместитесь, сенатор.

— Мне часто такое говорят, но обычно все получается, — промурлыкал Органа, заглядывая тоже, и Энакин не сразу понял, о чем он — а когда понял, возмущенно вспыхнул. Хорошенькое время для пошлых шуточек! Легкомысленная манера Органы одновременно привлекала его и раздражала.

— Однако на этот раз ты прав, — с сожалением подытожил Органа, разгибаясь. — Сонастроим комм-линки, и я поищу укрытие, — уже совершенно серьезным тоном сказал он, доставая свой комм-линк.

Когда все было готово, Энакин протиснулся в шахту, и Органа поставил крышку на место. Энакин, ловко ставя ладони и ступни враспор, полез вверх. Вскоре он достиг нулевого яруса, перебрался в горизонтальную шахту и пополз вперед. Немного поплутав, он прикрыл глаза, сфокусировался и попытался уловить, откуда идет наибольший ток воздуха. Это помогло — вскоре он добрался до решетки и увидел перед собой Зал Совета, пока еще пустой и полутемный. За прозрачным куполом только-только начинало светать.

— Я на месте, — очень тихо сказал Энакин в комм-линк.

— Хорошо, — донесся до него приглушенный голос Органы. — Я забрался в какую-то подсобку. Места мало, так что, надеюсь, нам не придется ждать слишком долго. Иначе тебе потом придется меня отсюда вынимать. Я едва могу пошевелить конечностями.

Не удержавшись, Энакин улыбнулся. Все же неутомимая шутливость Органы даже в такой ситуации, в которой они оказались, не могла не восхищать.

Долго ждать не пришлось — сразу после рассвета зал стал наполняться возбужденно гудящими придворными. Энакин на всякий случай слегка отодвинулся вглубь вентиляционной шахты. Вскоре в зале появились неймодианцы; усевшись, они нервно закрутили головами по сторонам — на них были обращены многие взгляды. Некоторое время спустя вошли и расположились на своих скамьях старейшины, а затем прибыли и халиф с эмиром. Энакин приподнял бровь, увидев, что эмир, в отличие от старшего брата, не поднимается на почетную скамью, а наоборот спускается в центр круга ораторов. Впрочем, все правильно — произошедшее ведь в его юрисдикции...

Халиф хлопнул в ладоши, и гул утих. Все взгляды обратились к эмиру.

— Как многие уже знают, — начал тот, — сегодняшней ночью на послов Галактической Республики было совершено дерзкое покушение прямо на территории дворцового комплекса — в Западном дворце прогремел взрыв. К моему великому прискорбию, сенатор

Органа и генерал-джедай Скайуокер погибли — заряд был такой мощности, что от апартаментов, выделенных нашим гостям, мало что осталось. Министерство внутренних дел ведет расследование, мы разбираем завалы, но пока никаких заключений сделать не удалось...

В ораторский круг вдруг вбежал гвардеец и, что-то шепнув эмиру на ухо, передал ему дата-кристалл для голопроектора. Брови эмира поползли вверх.

— Я только что получил доклад от министра внутренних дел, — сказал он. — Перед прибытием послов мы из уважения к приватности наших гостей отключили все внутренние камеры в Западном дворце и перенастроили внешние, однако по какому-то недоразумению одна из них все равно улавливала часть террасы. Прикажете показать запись, Ваше Величество?

Уголки губ халифа дрогнули.

— Разве нам стоит изучать доказательства прямо здесь, мой сиятельный брат? Почему бы не оставить работу по изучению видеозаписи Министерству? А потом мы заслушаем полный доклад.

— Велите показать запись сейчас, Ваше Величество, — вмешался старейшина Зафар. — К чему тянуть?

Халиф нахмурился, но нехотя кивнул.

Гиас поднял перед собой на ладони голопроектор, и над ним развернулась видеозапись. Энакин увидел снятую статичной камерой откуда-то с угла картину — терраса Западного дворца, открытые двери общей гостиной; вот внутри мелькнул какой-то странный силуэт. Голограмма дернулась и увеличилась, приближая кадр. Зал ахнул, и Энакин ахнул бы тоже, не прикуси он вовремя губу — в глубине гостиной явно был виден боевой сепаратистский дроид! Высокий, песочного цвета, с вытянутой собачьей головой — Энакин крушил таких сотнями и ни за что бы не ошибся. Дроид возился с чем-то у стены; вероятно, устанавливал контур.

Голограмма погасла.

— Эта запись сделана камерой наружного наблюдения за час до возвращения послов во дворец, — сказал эмир.

— Думаю, я не ошибусь, если скажу, что мы только что видели боевого дроида из тех, какими пользуется Конфедерация Независимых Систем, — протянул Зафар и перевел взгляд на неймодианцев. Следом за ним на тех посмотрел весь зал.

— Это провокация! — посол вскочил. — Мы никогда не стали бы прибегать к подобным методам...

— Действительно? А то, что показывал нам вчера сенатор Органа? То видео с Кайры? — гневно воскликнул эмир.

— Всё это ложь! Как мы смогли бы протащить дроида во дворец? Здесь первоклассная защита! — неймодианец аж трясся, однако Энакин не мог понять, ярость это или страх.

— Это интересный вопрос, — Зафар вдруг отвернулся от неймодианцев и посмотрел на халифа, и Энакин почувствовал, как волоски на загривке поднимаются дыбом. Что тот задумал?.. — Мастер-ключ от всех систем безопасности есть всего лишь у нескольких людей: у командующего дворцовой гвардией, у Его Светлости Гиаса и, конечно же, у Его Величества Анвара. Невозможно провести во дворец боевого дроида и пронести взрывчатку, не имея полного доступа. Кто мог помочь сепаратистам изнутри? Кому выгодно, чтобы Республика отказалась от союза с Аранией из-за убийства послов? Что вы на это скажете, Ваше Величество?

Несколько старейшин вскочили, потрясенные; поднялся шум. Повскакивали и заорали все, и разобрать в этой какофонии, что именно происходит, было невозможно. Особенно надрывались неймодианцы. Не нужно было даже слушать, чтобы понять, что они спешат обелить себя и отвергнуть все обвинения.

На лицо эмира было страшно смотреть — таким бледным оно стало. Энакин понимал его: Гиаса поставили между родственным долгом и долгом перед законом. Обвинения, брошенные старейшиной Зафаром халифу, были бездоказательны, однако игнорировать их было уже невозможно. У халифа были и средство, и возможность, и мотив.

Губы у эмира дрожали, однако он крепко сжал их, хлопнул в ладоши и громко, перебивая вопли, выкрикнул:

— Тишина!

Зал затих. Замолчали даже старейшины. Все взгляды обратились к Гиасу, и тот наконец получил возможность посоветоваться с Советом. О чем они говорили, слышно не было, но Энакин видел, что Совет разделился на две неравные части. И когда голоса снова начали повышаться, эмир снова прервал их, подняв ладонь.

— Как первый советник Арании я вынужден в первую очередь уважать букву закона — и заботиться о благе системы, — громко сказал он; было видно, что слова даются ему нелегко. — Необходимо провести тщательное расследование всех обстоятельств покушения на послов Галактической Республики. По велению большинства членов Совета Старейшин на время проведения этого расследования Его Величеству Анвару следует удалиться в свои покои и ни с кем не видеться. Также я приказываю взять под стражу и депортировать послов Конфедерации Независимых Систем. Командующий дворцовой гвардией тоже должен быть взят под стражу. Я направлю Галактической Республике просьбу об оказании военной помощи — на случай интервенции со стороны сепаратистов.

Старейшины переглянулись, двое из них покачали головами, но остальные промолчали. Зафар снова поднялся:

— Совет Старейшин поддерживает предложенные меры. Найдите нам ответы как можно скорее, Ваша Светлость.

Халиф встал. Глаза его были опущены, ярко-голубой третий закрыт.

— Твоя гордыня приведет Аранию к войне, Гиас, — только и сказал он. И ушел в сопровождении растерянных гвардейцев.

Энакин, хоть и изрядно изумленный, не мог не порадоваться — вот и победа, состоялась даже без их участия. Арания не достанется сепаратистам.

Он отключил комм-линк и осторожно двинулся назад — пора было возвращаться к Органе.

(8)

Без приключений выбравшись из вентиляции, Энакин нашел сенатора по сигналу сонастроенного комм-линка. Тот и правда забрался в очень маленькое помещение, какую-то щитовую. Однако слегка подвинулся, когда Энакин открыл дверь и проскользнул внутрь.

Не то чтобы это помогло — они оказались практически притиснуты друг к другу, а затем Органа и вовсе положил ладони на поясицу и на затылок Энакину и прижал его к себе, заставляя слегка наклонить голову.

Энакин онемел от подобного обращения. И вздрогнул, когда уха коснулось горячее дыхание:

— Здесь очень хорошая слышимость, а в коридорах уже полно персонала. Извините, генерал, придется потерпеть. Итак, что там произошло? Трансляция не дала мне полной картины.

Энакин сухо сглотнул, пытаясь собраться с мыслями. Органа притискивал его к себе плотно, всем телом, и у Энакина голова кругом шла: он прижимался к высокому тренированному мужчине, его уха касался жаркий шепот, а ладонь на загривке мягко, но все же удерживала голову.

— Похоже, вы были правы, — с усилием отвлекаясь от ощущений, прошептал он. — Все это неймодианцы и халиф. Люди эмира нашли запись с камеры наблюдения — выяснилось, в нашей гостиной орудовал сепаратистский дроид. Его Величество Анвара посадили под домашний арест. Но вот что странно: тот, кого я преследовал, точно не был дроидом. Это был какой-то гуманоид, причем резвый и не слишком крупный, ниже меня. Может быть, кто-то из подручных халифа?

— Любопытно, — Органа рассеянно погладил его по шее большим пальцем, и Энакин содрогнулся. Еще немного, и у него снова встанет! Он попытался отодвинуться, но Органа не пустил.

— Нужно пробраться в покои халифа. Посмотрим, чем он там занят в своем домашнем аресте, — шепнул тот. — Сможем?

— Да! — сейчас Энакин готов был пообещать что угодно, лишь бы отстраниться.

— Прекрасно, — Органа наконец отпустил его, напоследок погладив по спине. Энакин прикусил губу так сильно, что та заныла, и принялся остервенело рыться в датападе, перебирая схемы дворца.

Чтобы добраться до жилой части, им пришлось подняться на один уровень и взять к югу. Здесь помимо закрытых дверей встречались уже и патрули — правда, гвардейцы выглядели изрядно сбитыми с толку, ведь стеречь им теперь приходилось самого халифа. Начали попадаться и камеры. Энакин отводил их в сторону Силой, однако внимательному наблюдателю их путь рано или поздно станет заметен.

Все осложнялось еще и тем, что они не знали, где в точности находятся покои халифа. Эмир принимал их не в своей половине, а в общем саду, и сориентироваться по аналогии не представлялось возможным. Впрочем, чем больше защиты, тем больше вероятность, что они в нужном месте, так? Когда камеры стали попадаться все чаще, а замки на дверях сделались хитрее, Энакин предположил, что

они где надо.

С очередной дверью генератор кодов в датападе Органы не справился. Времени у них было мало, и Энакин, оглядевшись, отсоединил одну из стенных панелей. За ней обнаружился узкий технический коридор для обслуживания кабелей.

— Попробуем пройти так. Забирайтесь.

Органа закатил глаза при виде очередного тесного пространства, но подчинился. В коридорчик он едва помещался, двигаться приходилось боком. Энакин закрыл за ними панель, подтянув ее Силой — и вовремя, послышались шаги очередного патруля. Темень стояла хоть глаз выколи. Нащупав запястье Органы, Энакин потянул сенатора за собой.

Некоторое время они продвигались беспрепятственно и явно миновали запертый участок, однако вскоре впереди проступило неяркое свечение — они уперлись в силовую перегородку. Энакин беззвучно выругался. Жестами показав Органе, что нужно ждать тихо, он стал внимательно оглядывать стены в поисках управляющего щитка. Тот обнаружился за перегородкой, чуть ниже переплетения кабелей; Энакин сосредоточился и, подняв ладонь, прикоснулся к нему при помощи Силы. Тихо пискнуло, поле вспыхнуло ярче — и отключилось. Снова стало темно, однако во вспышке Энакин успел заметить на поддерживающем кабели крюке небольшой клочок яркой ткани. Это показалось ему странным, однако раздумывать было некогда.

Они снова двинулись вперед и вскоре наткнулись на лестницу, ведущую вверх, к люку — наподобие того, в который забрались возле собственного дворца. И здесь так же слышался приглушенный шум воды — возможно, они были где-то под внутренним двориком.

Очень осторожно Энакин забрался вверх и приподнял крышку люка. В нос ему ударил запах воды и влажной зелени: это и правда был двор. Прямо перед собой Энакин увидел бортик фонтана; безжалостные солнца Арании прокалили воздух, и над белыми камнями дрожало

мареву. Чуть поодаль на низкой скамье спиной к Энакину сидел невысокий араниец; его длинные светлые волосы, заплетенные в сложную плоскую косу, почти касались земли. Вот изящная украшенная широким браслетом рука протянулась к стоящей на скамье тарелке за розовым незнакомым фруктом; араниец слегка развернулся, и Энакин увидел большую тяжелую грудь, прикрытую соборенной шелковой тканью. Перед ним была женщина!

С колотящимся сердцем Энакин скользнул обратно в люк и поспешно, но тихо спустился вниз по ступенькам. Снова прихватив Органу за руку, он повлек его за собой в обратном направлении. Когда шум воды утих, и трубы снова сменились кабелями, Органа остановил его и, вновь придвинувшись очень близко и почти прижав Энакина к стене, прошептал:

— Что происходит, Скайуокер? Я не читаю мысли!

— Это были не покои халифа, — прошептал в ответ Энакин. — Это была женская половина!

— Ого! Ты видел аранийских женщин? — в голосе Органы явственно слышалась заинтересованность. Энакин с раздражением выдохнул:

— Обсудим это, когда выберемся!

— Ну, теперь мы по крайней мере знаем, куда идти, — Энакин почувствовал, что Органа улыбается, ничуть не уязвленный его резкостью. — Если это женская половина, то нам нужно вернуться и взять чуть восточнее. Посмотрим, сможем ли мы это сделать...

Отстранившись, он достал датапад и принялся разглядывать схему, а Энакин прикрыл глаза, прислонившись к стене. Он видел аранийскую женщину! Конечно, только ее спину, но по очертаниям эта спина ничем не отличалась от спины любой довольно изящной гуманоидной женщины. Из необычного были разве что волосы — у всех мужчин-аранийцев они были темными, почти черными, а у нее оказались светлыми, как серебро. Должно быть, это была супруга халифа; или,

может быть, эмира? Теперь Энакин понимал, почему даже в техническом лазе стояла силовая перегородка. Не будь он джедаем, они бы никогда не попали внутрь.

— Вот, — коснувшееся самого уха горячее дыхание заставило Энакина вздрогнуть. Органа показал ему датапад: — Покои халифа должны быть вот здесь.

— Хорошо. Похоже, нам придется снова идти через подвальные коридоры. Держитесь за мной и будьте внимательны.

Органа хмыкнул; Энакин дернул уголком губ. Ну да, зачем он инструктирует — сенатор и так прекрасно справляется.

Он понял, что чувствует раздражение — ему впервые досталась миссия с настолько непокорным гражданским.

Сколько могли, они прошли по техническому коридору; затем пришлось выбраться и передвигаться осторожно, прячась от патрулей, благо, чутье Энакина позволяло ему предугадывать появление аранийцев. Они были уже совсем близко к цели, когда за очередным углом послышался громкий топот — не меньше пяти человек в тяжелой обуви куда-то бежали. Энакин подался назад и спиной вжал Органу в простенок; мимо них по коридору пробежали гвардейцы.

— Внимание всем постам, — донеслось до Энакина из чьего-то комм-линка. — Его Величество Анвар и послы отступили к южной посадочной площадке...

— Силовой купол открыт, — прохрипело в ответ. — Они взлетают.

Энакин услышал, что гвардеец остановил группу и смачно выругался. Позволить себе сбить транспорт халифа аранийцы, конечно же, не могли.

— Опоздали, — прошептал Органа.

Энакин прикусил губу.

— Что теперь? — он слегка запрокинул голову, чтобы взглянуть на Органу; тот нахмурился, размышляя.

— Похоже, пора выбираться из подполья. Если мы не вмешаемся сейчас, на Арании начнется гражданская война, а это не нужно вообще никому.

Он аккуратно отодвинул Энакина с дороги и шагнул из укрытия — тот даже не успел ему помешать.

На них, конечно же, тут же уставились голодные дула шести бластеров.

— Офицер! — Органа успокаивающе поднял ладони, а Энакин сжал руку на рукояти светового меча, готовый отбивать выстрелы. — Не стоит так волноваться. Мы послы Республики и мы хотели бы увидеть эмира.

В покоях эмира шел импровизированный совет. Рассевшись в богатом приемном зале, старейшины явно на разные лады обсуждали ужас положения. Сам Гиас с мрачным видом молчал.

Когда они с Органой вошли в зал вслед за гвардейцем, во взгляде эмира отразилось неподдельное изумление. Он даже поднялся со своего места.

— Сенатор Органа? Генерал Скайуокер? Вы живы? Но как?

— Нас вышвырнуло с террасы и контузило, и мы пришли в себя в коммуникациях под бассейнами. Выбраться заняло некоторое время, — не моргнув глазом, соврал Органа. И виртуозно перевел тему: — Я услышал, что Его Величество отбыл из резиденции?

— Сбежал! — явно не подумав, брякнул один из старейшин, и эмир

недовольно поглядел на него. Немного помолчав и явно взвешивая, посвящать ли послов в детали или нет, он наконец сказал:

— Как вы понимаете, направленный против послов Республики теракт не мог остаться без внимания. Это ставит под угрозу все переговоры и подрывает доверие к Арании в целом. Мы начали расследование, и Служба безопасности обнаружила улики, которые... могут указывать на причастность послов Конфедерации ко взрыву.

Он снова замялся, словно не уверенный, рассказывать ли им все; Энакин понимал его. Он ожидал, что Гиас будет влиять и объяснять отбытие старшего брата какими-нибудь пристойными причинами — например, что Его Величество увезли, чтобы спрятать на случай повторного покушения. Однако тот мучительно вздохнул и сказал:

— Вся информация уже каким-то образом просочилась в аранийскую голосеть, так что скрывать правду не имеет смысла. Чтобы у послов Конфедерации появилась возможность организовать такой теракт, охранные системы дворца необходимо обойти — бомбы в Западном дворце устанавливал сепаратистский дроид-минер. Незаметно проникнуть на территорию дворцового комплекса и пронести взрывчатку он мог только с помощью людей с высшим доступом. Это Его Величество, глава Службы безопасности и я. К несчастью, в случае Его Величества сошлись мотив, средство и возможность, и Совет порекомендовал Его Величеству уединиться в своих покоях на время расследования, но... — Гиас издал тяжелый вздох, — Его Величество вместе с представителями Конфедерации предпочли спешно отбыть.

Что, очевидно, можно считать признанием вины, подумал Энакин. Ведь невиновные не сбегают, так?

Судя по выражению лица эмира и старейшин, все были того же мнения. На Гиаса было жалко смотреть — судя по всему, ему тяжело дался конфликт со старшим братом. Но Анвар явно и очевидно нарушил традиции и предал свой народ, попытавшись навязать Арании союз с сепаратистами таким вот диким образом, убив послов и

отвратив от системы Республику. И когда его причастность всплыла прилюдно, что эмиру оставалось делать? Учитывая, что все министерства, включая Министерство внутренних дел, под его управлением?

А ведь если бы Анвар не сбежал, Гиас наверняка замял бы расследование или нашел иной способ прикрыть брата и как-то отвести от него вину.

— Все ясно, — протянул Органа. — Известно, где Его Величество сейчас?

— Направляется к Лунной крепости, — Гиас, похоже, решил не утаивать от них ничего. — Это старое укрепление в нескольких часах лету от столицы. Священное место, там был первый город на этой планете. Его законсервировали еще пару столетий назад.

— Но коммуникации там есть, и при желании ими можно пользоваться? — уточнил Энакин. Гиас с какой-то беспомощностью пожал плечами:

— Думаю, да. Это целый комплекс, хоть и устаревший, но там есть все — автономные вода, энергия, промышленные пищевые синтезаторы, гидропонические плантации... И серьезные защитные силовые купола.

Похоже, что Лунная крепость способна выдержать даже длительную осаду. Органа это, видимо, тоже понял. Он осторожно спросил:

— Как вы думаете, что Его Величество собирается делать?

В его низком голосе не прозвучало ни нотки тревоги, и Энакин подивился его самообладанию. Ведь на кону очень важный для Республики союз! Впрочем, Гиас все равно уже обратился к Республике за помощью. Если на Арании начнется война, они вмешаются и приведут стороны к миру.

Энакина охватило приятное возбуждение — он был более чем готов

снова вернуться к боевым заданиям. Ему очень захотелось, чтобы сюда прислали Оби-Вана и Асоку.

В ответ на вопрос Гиас только покачал головой.

— Я не знаю, сенатор. Но из-за того, что информация просочилась в сеть, обстановка на Арании сейчас... накаляется. Проблема окончательно вышла за рамки переговоров о союзе с Республикой или Конфедерацией, теперь это вопрос... также и престола, — Гиас дернул уголком рта. — Сторонники Его Величества не преминули обвинить меня в желании узурпировать власть. Многие из них сейчас тоже направляются к Лунной крепости, в том числе и часть гвардии. На Арании небольшие вооруженные силы, мы всегда вкладывали средства в планетарную защиту, однако даже этого будет достаточно, чтобы при столкновении начали гибнуть люди.

— И что вы собираетесь делать, Ваша Светлость? — спросил Органа мягко, почти вкрадчиво.

Эмир лишь тяжело вздохнул:

— Я не знаю. Я правда не знаю, что делать. По-хорошему, мне стоило бы тоже отстраниться сейчас от власти и передать ее Совету, пока расследование не будет завершено. Однако, если Совет применит против Его Величества силу, это может привести к гражданской войне!

— Ваша Светлость! — вмешался старейшина Зафар. И, когда Гиас перевел на него взгляд, тяжело уронил: — Его Величество Анвар — предатель. Вы должны объявить об этом официально и взять власть в свои руки.

Органа поднял раскрытые ладони:

— Стоп-стоп-стоп. У меня есть другое предложение. Позвольте нам отправиться в Лунную крепость на переговоры, Ваша Светлость. Мы приложим все усилия, чтобы разобраться в ситуации и уладить ее без применения силы.

Гиас молчал. Старейшина Зафар скривил рот:

— Тут не в чем разбираться. Сбежав, Анвар сам себя выдал. Он недостойн править Аранией.

Органа проигнорировал его, он смотрел только на эмира.

— Пожалуйста, Ваша Светлость, — настойчиво повторил он. Энакин невольно подумал, что если бы это «пожалуйста» было обращено к нему, он бы сделал что угодно.

Эмир, конечно же, тоже не устоял.

— Хорошо, сенатор Органа, генерал Скайуокер... Я надеюсь на вас, — слабо сказал он, прикрывая глаза. Старейшина Зафар недовольно откинулся на спинку кресла. Энакин только головой покачал. Борода до колен, а не понимает, что подобный переход власти много кому покажется сомнительным, и опять же может начаться война.

— Мы приложим все усилия к тому, чтобы уладить дело, — повторил он вслед за Органой, хоть и вовсе не был в уверен, что у них это получится.

По приказу эмира слуги проводили их на посадочную площадку. Там их уже ждал легкий суборбитальный катер. От отряда гвардейцев в сопровождение Органа отказался, заметив, что это не слишком стыкуется с мирными переговорами.

Энакин не очень хорошо понимал, на что тот рассчитывает, вот так вот в открытую направляясь к тем, кто уже один раз пытался их убить. Так что, когда они уселись в пилотские кресла, все-таки не выдержал и спросил:

— И что, по-вашему, остановит Его Величество Анвара от того, чтобы ударить по нам ракетой и довершить начатое в Западном дворце? Во

второй раз они с неймодианцами наверняка постараются не облажаться.

— Кто же стреляет по послам? — Органа ухмыльнулся, и Энакин закатил глаза:

— Те, кто закладывают в посольских покоях бомбы? Вы ведь не всерьез? Наш статус уже однажды не защитил нас, сенатор.

Органа повернулся к нему и некоторое время смотрел, словно оценивал.

— Будем считать, что я хочу рискнуть, — сказал он наконец, ухмыльнувшись еще шире, и Энакину захотелось грязно выругаться.

— Кстати, — добавил Органа, вольготно откидываясь в кресле и переводя взгляд на несущуюся вниз пустыню. — Ты так и не рассказал мне про аранийских женщин.

(9)

Неожиданно уязвленный вниманием Органы к аранийским женщинам, Энакин пересказал ему все, что увидел — сухо и не особенно вдаваясь в подробности. Тем более, что увидел он и правда немного.

— Как занятно, — Органа задумчиво потер бороду. — На Арании происходит крифф знает что, а прекрасная супруга одного из первых лиц государства спокойно греется на солнышке и ест фрукты.

— Возможно, женская половина отрезана и от голосети, — пожал плечами Энакин. — А может быть, аранийские женщины не интересуются политикой.

Органа только головой покачал. Ну конечно, подумал Энакин, с такой супругой, как королева Бреха, ему трудно себе это представить. А ведь есть еще Мон Мотма и Падме, невероятные женщины-политики, с которыми Органа постоянно общается...

Подумав о Падме, Энакин вдруг понял, что больше не чувствует глухой тоски и затаенной боли.

Он не хотел размышлять о том, почему его чувства изменились, нет. И сосредоточился на пилотировании.

Пару часов спустя впереди наконец показался город. Выщербленные песком и ветром руины окружали плоскую скалу, на которой подобно исполинскому кристаллу возвышалась Лунная крепость.

Выбеленные солнцем дома-башни будто бы срастались у основания и, переходя один в другой, стремились ввысь, уступами формируя внутренний город. В сердцевине, что просматривалась через несколько широких проспектов, притаился похожий на низенькую золотую шкатулку дворец. Над ним едва заметно мерцал силовой купол. Энакин заложил вираж, выглядывая признаки противовоздушной обороны или внешнего энергетического барьера, однако ничего не увидел.

— Давай-ка попробуем представиться, — Органа включил передатчик и выбрал открытую частоту.

— Говорит полномочный посол Галактической Республики Бейл Органа. Со мной генерал Скайуокер. Мы прибыли для мирных переговоров и просим допуска в Лунную крепость.

Он немного подождал, прежде чем повторить трансляцию, однако ответа не было. Лунная крепость молчала; никто не спешил их встречать — ни приветствием, ни ракетами.

— Ну что ж. Тогда садимся, — сказал Органа, указав на одну из посадочных площадок, расположенных по периметру крепости. Энакин покосился на него.

— Вы не думаете, что мы сами лезем в ловушку? Напоминаю: Анвар пытался нас убить.

— Это еще не доказано. Но даже если так — я думаю, Его Величество Анвар сейчас достаточно шокирован нашим возвращением из мертвых, чтобы растеряться. А пока он растерян, мы можем действовать, — Органа усмехнулся.

— Почему вы вообще так уверены, что халиф пойдет на переговоры? Не зря ведь он сюда отступил и собирает сторонников.

— Хоть Анвар и молод, он не может быть настолько глуп, чтобы не понимать, что гражданская война не пойдет на пользу Арании. Думаю, его отступление было жестом отчаяния. И, возможно, последствиями неймодианской истерики. Если Анвар не дурак, теперь он захочет помощи, чтобы выбраться из ловушки, в которую невольно забрался.

Энакин покачал головой, не убежденный. Но всё же повел катер на посадку — в каждую секунду, впрочем, готовый дернуть штурвалом и вывести кораблик из-под огня.

Однако ничего не случилось. Они спокойно сели; открывая рампу, Энакин на всякий случай держал ладонь на рукояти меча, но показавшаяся в расширяющейся щели выхода площадка была пуста.

Рампа опустилась, и в лицо им ударила чудовищная, нестерпимая жара. Ощущение было, словно они оказались в самом центре гигантской раскаленной печи.

— Однако... Кому вообще пришло в голову основать поселение так близко к экватору? — пробормотал Органа.

— Возможно, раньше климат был мягче, — бездумно ответил Энакин, чувствуя, как сразу же пересыхает рот. Его слабо интересовало место, выбранное аранийцами для первого поселения — куда больше его сейчас занимала обстановка, и не скрываются ли где-то стрелки.

Все было тихо. Они двинулись вперед в молчании; жар иссушал, как будто вытягивая из их тел влагу. Завывал между белыми остовами

домов ветер; вдали по улице вдруг резкими дергаными скачками пробежала крупная ящерица.

Органа вдруг взял его за плечо и слегка сжал.

— Расслабься, — сказал он, и Энакин понял, что действительно очень напряжен. Он поморщился.

Органа отпустил его.

— Никто не будет нападать на нас снова, Энакин, — сказал он. — Подумай сам: наша смерть уже никому не выгодна. Все, что должно было произойти после взрыва, так или иначе уже произошло.

Возразить было нечего, Органа был прав, как и всегда. И все же Энакин чувствовал смутное, тянущее беспокойство; оставленный жителями мертвый город словно смотрел на них черными провалами окон, и ощущение было не из приятных. Сила тоже казалась взбаламученной, но Энакин не был уверен, что может отделить сейчас ее голос от своей тревоги.

Солнце палило нещадно. Над широким проспектом, выложенным потрескавшимся светлым камнем, дрожало марево, и дворец впереди то появлялся, то исчезал в горячей дымке. Энакин шел, то и дело поглядывая на Органу; тот держался неплохо. Сняв мундир, он накинул его на голову и закатал рукава рубашки. Ее светлая ткань намокла от пота на груди, обрисовывая крепкие мышцы.

За полчаса дороги Энакин и сам взмок, хотя ему переносить жару было легче — примерно такая же температура была летом в пустыне на Татуине. Впрочем, по мере приближения ко дворцу жара заботила его все меньше — и все больше заботил грядущий прием. Скажем, бластерные выстрелы он отобьет без усилий, но если по ним выпалют чем-то посерьезнее, им с Органой не сдобровать.

— Держитесь за мной, — велел он Органе, когда им осталось лишь пересечь площадь, чтобы добраться до дворцовых ворот. — Не

высовываются.

Органа хмыкнул, но изобразил вежливый жест:

— Прошу.

Энакин снял меч с пояса.

Ворота, угадываемые за силовым куполом, были закрыты; внутри не было видно никакого движения. Однако когда они приблизились, в куполе открылся входной шлюз, а ворота медленно, с неприятным скрипом разошлись в стороны.

— Нас явно приглашают, — довольно прокомментировал Органа. — Но так уж и быть, после вас, генерал.

Энакин закатил глаза. Как можно быть настолько беспечным? Кажется, он начинал понимать, каково всем остальным обычно было с ним самим.

Под куполом пекло меньше. За воротами обнаружился пустынный внутренний двор с засохшим фонтаном посередине. Две лестницы по бокам здания вели к забранным фигурными решетками входам; на правой из них стоял Его Величество Анвар в окружении десятка слуг и нескольких стражников. Энакин лишь вздохнул, увидев направленные на них дула бластеров. Неймодианцы тоже были здесь.

— Это и правда вы, — удивленно проговорил Анвар. Его третий глаз широко открылся, и поймав на себе его взгляд, Энакин ощутил что-то подобное слабенькому ментальному сканированию. Ого, так значит, это не легенды, и у аранийцев действительно есть псионические способности?..

Органа приятно улыбнулся.

— Благодаря генералу Скайуокеру нам удалось избежать гибели, Ваше Величество. Вы же знаете, джедаи обладают особыми способностями,

— это прозвучало мягко, но даже Энакин услышал хорошо замаскированный намек, завуалированную угрозу. Он восхитился — Органа блефовал, ведь ни один джедай, даже Энакин, не сможет защитить их от всего на свете, но блефовал красиво.

Судя по всему, Анвара проняло, да и не только Анвара — Энакин увидел, как неймодианцы с испуганными лицами зашептались.

— Я прошу Ваше Величество принять нас как послов мира, — продолжил Органа. — Ситуация сложная, и мы хотим помочь разрешению конфликта между вами и Советом.

— Как это... неожиданно. Разве вас не беспокоит, что это вроде как я на вас покушался? — губы Анвара исказила усмешка. Еще как беспокоит, подумал Энакин, но Органа только хмыкнул:

— А вы покушались?

— Нет! — глаза Анвара сверкнули гневом. Выглядело это впечатляюще, но Энакин ему не поверил. Однако Органа был, похоже, другого мнения.

— Тогда и вопрос снят, — резюмировал он, скользнув взглядом по неймодианцам. Энакин нахмурился. Даже если предположить, что Анвар говорит правду — остаются ведь еще посол Марр с помощником. На головидео был сепаратистский дроид, да и мотива сепаратистам не занимать.

— Мы тоже не имеем никакого отношения к покушению! — поспешил отбить безмолвный намек посол Марр. — Однако мы не рекомендуем Вашему Величеству принимать этих послов. Почему они, а не ваши соотечественники? Джедаи коварны, их могли подослать, чтобы захватить вас в плен и привезти назад...

— Мой брат не поступил бы так, — твердо сказал Анвар. И, демонстрируя, что разговор окончен, указал на лестницу. — Прошу, уважаемые послы.

Внутри дворца было сумрачно и не так жарко, как снаружи — впрочем, может быть дело было и в том, что солнца уже начали свой путь к горизонту. Слуги подали воды, и это было, кажется, самое вкусное, что Энакин пробовал в своей жизни. Отставив опустевший стакан на поднос прислужника, он вдруг узнал в нем Шуа. Те двое, кто прислуживал Органе, тоже были здесь. При взгляде на них Энакин почувствовал легкое раздражение.

— Итак, давайте начнем сначала, Ваше Величество, — Органа тоже отставил свой стакан и откинулся в кресле. Он умудрялся сохранять расслабленный и вальяжный вид даже взмокшим и без мундира. — Вы утверждаете, что не причастны к покушению. Может быть, господам послам Конфедерации есть что сказать?

— Мы тем более не причастны! — отрезал посол. — Кто-то использовал дроида, чтобы оклеветать нас! Однако мы не рекомендуем Вашему Величеству идти на уступки! Заключите союз с Конфедерацией, и мы дадим вам армию дроидов и поможем вернуть власть!

— Ну-ну, а потом эти дроиды начнут захватывать аранийские города, брать в плен и угонять в рабство жителей и разорять месторождения райдония, — не сдержался Энакин. Кадры головидео с Кайры были еще живы в его памяти — как и с многих других планет, на которых он воевал за эти полтора года.

Органа бросил на него взгляд, но ничего не сказал.

— Я не хочу войны на Арании, — Анвар сжал бледные губы.

— Тогда позвольте спросить, Ваше Величество — зачем вы бежали? Не самое разумное решение для того, кто жаждет сохранения мира, — резко спросил Энакин. Он все еще не слишком верил Анвару.

— Это мы посоветовали Его Величеству отступить, — набычился неймодианец. — И это разумно! С нашей помощью Его Величество

сможет себя защитить!

Вот как, подумал Энакин. Значит, Органа был прав: это неймодианцы подбили Анвара на побег. Им, конечно же, ситуация была на руку — если бы Его Величество согласился на союз и введение войск, Конфедерация получила бы Аранию на блюдечке — ну, по крайней мере, до того момента, как здесь появится Республика и вышибет их, можно успеть много наворовать.

А Органа, похоже, еще до полета имел мнение, что Анвар невиновен, и этим объяснялась вся его беспечность. Энакин дернул уголком губ. Мог бы и прямо сказать. Впрочем, тогда он вряд ли бы к этому прислушался. Но сейчас, поговорив с халифом сам, Энакин тоже уже не был так уверен, что Анвар — злодей.

— Его Сиятельство Гиас тоже не хочет войны, — тем временем мягко сказал Органа. — И тоже хочет разобраться в произошедшем. Он просит Ваше Величество вернуться во дворец и дожидаться окончания расследования.

— Нье слушайте его, Ваше Величество, — резко сказал Марр. — Вас посадят под арест и сместят. Только с нашей помощью вы сможете вернуть власть.

Энакину очень захотелось треснуть неймодианца по шее, но он сдержался.

Анвар выглядел потерянным. Закатный свет постепенно залил зал, окрасив все в тревожные оттенки малинового.

— Будет ветер, — одними губами сказал Органа, и Анвар вздрогнул.

— Мне нужно время, чтобы принять решение, — сказал он, поднимаясь. — Вам покажут ваши комнаты, уважаемые послы.

Проводить их взялись все те же слуги — Шуа и один из тех, кто

прислуживал Органе. Энакин хорошо запомнил его — именно он сидел на коленях у Органы в ту ночь, когда Энакин стал невольным свидетелем сенаторских развлечений. Не то чтобы Энакин осуждал Органу, нет — все выглядело более чем по обоюдному согласию, и он сам бы, возможно, не отказался от подобного, не будь он джедаем, но все же... Сам вид юноши раздражал его.

— Шуа, — приотстав, обратился он к «своему» прислужнику, и тот удивленно распахнул глаза:

— Уважаемый посол помнит имя слуги? Это честь для меня, мой господин, — прижав руку к сердцу, Шуа поклонился. — Чем я могу быть полезен?

Его внимательный взгляд как будто оценивающе скользнул по Энакину, и тот смутился мелькнувшей мысли: а может, все-таки, стоило принять то предложение?..

— Я рад, что ты не пострадал при взрыве, — сказал Энакин, отмечая непристойные мысли.

Глаза юноши сделались совсем уж большими и заблестели.

— Не стоит беспокоиться о судьбе слуги, мой господин. Мы с Яримом отдыхали в тот ужасный вечер.

— А как вы оказались здесь?

— Я последовал за Его Величеством, — Шуа слегка повел плечами, словно ему стало холодно. — После того как Его Величество покинул столицу, многие из нас отправились за ним и прибыли в Лунную крепость. Не лучшее место, но... Мы должны быть рядом с Его Величеством.

Энакин только сейчас заметил, что на одном из браслетов Шуа алеет запаянная в прозрачный стеклопластик капля крови. Кто его избранник, интересно? Какой он?..

Энакин вдруг понял, что думает об этом слишком уж заинтересованно, и поспешил сменить тему:

— Почему не лучшее место?

— Лунную крепость оставили несколько веков назад, и суть запрета, наверное, известна только старейшинам. Но нарушать его до сих пор никто не смел. До Его Величества. А вот и ваши комнаты.

Двустворчатые двери распахнулись, и Энакин увидел небольшую гостиную, от которой по бокам две открытые сейчас двери вели в спальни.

— Его Величество приносит свои извинения за скромность апартаментов, дворец старый, и многое здесь не соответствует современным представлениям...

— Нас все устраивает, спасибо, — отмахнулся Органа.

Отпустив слуг, он неожиданно устало опустился на диван, откинулся на спинку и прикрыл глаза. Энакин только сейчас вспомнил, что это были вторые сутки их бодрствования. Для обычного человека, да еще и такого возраста, Органа поразительно долго продержался.

Энакин присел на диван напротив. Он все еще чувствовал себя немного не в своей тарелке.

— Вы правда верите, что Анвар невиновен?

— Интуиция говорит мне, что халиф вряд ли причастен к покушению, — не открывая глаз, откликнулся Органа. — Как и неймодианцы. Это было бы слишком просто, слишком топорно... Даже для Торговой Федерации. Нет, здесь идет какая-то игра сложнее.

Он вдруг душераздирающе зевнул — и дотронулся до бока, скривившись.

— Все еще болит? Дайте посмотрю, — Энакин пересел к нему. Сейчас он жалел, что во время обучения уделил так мало внимания целительскому искусству.

Органа не спешил помогать ему со своей одеждой — откинувшись на спинку дивана, смотрел из-под ресниц, и под этим взглядом, изо всех сил удерживая лицо, Энакин сам расстегнул на нем рубашку. Синяка на боку не было, но когда Энакин слегка нажал, дыхание Органы едва слышно изменилось — похоже, повреждения были глубже в мышцах.

Сделав глубокий вдох, Энакин плотно прижал ладонь к горячему боку. Сила, беспокойная, не сразу подчинилась ему; да и вообще стоило усилий сконцентрироваться — слишком уж испытующе смотрел сверху вниз Органа, а его полубожажённое тело слишком притягивало взгляд.

Энакин и не хотел об этом думать, но думал — если провести языком по смуглой коже, она будет солоноватой на вкус. Шрам на груди наверняка покажется чуть выпуклым и слишком гладким под губами. И если перекинуть колено через бедра Органы и прижаться ближе, можно наклониться и поцеловать этот насмешливый рот, пробраться ладонями под рубашку и стянуть ее с плеч, наклониться к шее и вдохнуть аромат разгоряченной кожи...

Крифф. Энакин сделал еще один глубокий вдох. Затем медленный выдох. Сосредоточься. Тебя должны занимать повреждения, а не дикие фантазии, явно навеянные подсмотренной ночной сценой.

Он прикрыл глаза. Под ладонью наконец потеплело; через некоторое время Энакин ощутил, как Органа постепенно расслабляется и обмякает. Неужели было так больно?..

Подняв взгляд, Энакин обнаружил, что Органа просто спит.

Напряжение сошло с красивого лица сенатора, и чем дольше Энакин на него смотрел, тем сильнее колотилось сердце. Он вдруг ясно

ощутил, как близко он сейчас к Органе; какой жар исходит от его тела, как пахнет его кожа — чутьпряно, приятно. Как ровно вздымается широкая грудь.

Захотелось прикоснуться уже иначе. Органа спал, губы слегка приоткрылись, голова расслабленно откинулась на спинку дивана.

Облизнув пересохший рот, Энакин повел ладонью вверх, осторожно погладил по ребрам — и повернул обратно, не решившись коснуться груди. Кончиками пальцев проследил мышцы на поджаром животе. Нестерпимо захотелось сделать то, что так и стояло перед глазами в фантазии — оседлать бедра Органы, наклониться — и коснуться губами шеи, слизнуть с нее соль...

Мысленно залепив себе затрещину, Энакин убрал от Органы руку. Чтобы в следующую секунду все же не сдержаться — и наклониться, вдохнуть аромат смуглой кожи, почти уткнувшись лицом в изгиб между шеей и плечом.

Органа шевельнул головой, откидывая ее сильнее, словно подставляя горло, а затем снова обмяк, глубже уходя в сон.

Энакин отшатнулся и вскочил с дивана. Сердце колотилось как безумное. Что он, крифф побери, делает? Что?!

Он прикусил губу — и поспешно вышел вон из гостиной.

(10)

Первое время Энакин даже не замечал, куда идет. В пустынных залах было темно и пыльно; потолки здесь были ниже, шелковые занавеси поистрепались и поддрагивали под порывами воздуха от его шагов. Льющийся сквозь высокие узкие окна лунный свет чертил на полу белые линии, и Энакин почти бежал сквозь них, слыша лишь собственное бухающее в ушах сердце. Стыд жег щеки, и мысли метались, словно растревоженный рой насекомых.

Что он наделал? Как это случилось? Откуда взялись все эти непристойные желания и мысли? Ведь он любит Падме! И всегда любил, с того самого момента, как впервые увидел ее в лавке Уотто, такую юную и прекрасную...

Энакин знал, что врет себе. Раз и навсегда отвергнув его, Падме постепенно ушла из его жизни, осталась лишь призраком в его воспоминаниях, в воспоминаниях о неслучившемся, о вымечтанном; как человека же он по сути никогда не знал ее, ведь с блокады Набу прошла почти целая жизнь. Он стал джедаем, она — сенатором; и когда они встретились вновь, между ними не было уже ничего общего.

В тот день, когда Энакин признался ей, она, казалось, мгновение колебалась, и он было уже поверил; однако ее ответ был ласковым, но твердым. «Ты очень симпатичен мне, Энакин, но мы не можем быть вместе». Он пытался возражать — она была непоколебима. Он убеждал ее — она стояла на своем. Тогда она показалась Энакину такой взрослой, намного взрослее него, хотя между ними было всего-то шесть лет разницы. И решение ее было тоже взрослым — сейчас он понимал это. А тогда он был просто навоображавшим себе что-то юнцом, даже не достигшим еще ранга рыцаря.

Теперь он повзрослел. Война закалила его; сделала его рыцарем и даже дала собственного падавана. Асока, он скучал по ней. Война научила его жить одним днем, жить реальностью, а не фантазиями.

Проблема заключалась в том, что Органа был более чем реален. Органа был живой человек из плоти и крови. Красивый, зрелый, умный, с превосходным чутьем, с этой своей альдераанской историей, аристократичный, с огромным опытом. С шутками на грани фола и бесцеремонными, но ласковыми прикосновениями. Не чурающийся удовольствий, свободно берущий предложенное и щедро дающий взамен.

Энакин прикусил губу. Гул крови в ушах немного поутих, но эмоции утихать не спешили. Энакин догадывался, что чувствует — но не хотел признаваться в этом даже себе.

Он прошел сквозь очередную заброшенную анфиладу и оказался в полукруглой галерее. Прямо перед ним возвышались массивные двустворчатые двери из ажурного металла; за ними было совсем светло от лун. Не особо думая, Энакин толкнул створку — и почувствовал странный всплеск в Силе; что-то щелкнуло, и двери сами собой разошлись в стороны. Он немного поколебался, но решил, что раз уж они открылись, можно и войти.

Сквозь прозрачный купол белый лунный свет падал на выложенную мрамором площадку. Посреди нее стоял пустой постамент. Пока Энакин с удивлением смотрел на него, луны прошли еще немного по горизонту, и над постаментом вдруг задрожал полупрозрачный смутный образ, с каждой секундой все более проясняющийся, и вскоре Энакин увидел перед собой... женщину.

Сотканная из лунного света аранийка была одета в длинную мантию уже знакомого кроя; в руках она держала развернутый свиток. Длинные волосы были собраны в переплетенные косы и падали ей за спину наподобие плаща.

Пока Энакин смотрел, замороженный, луны сдвинулись еще, и эфемерный образ стал таять, пока не исчез совсем, оставив лишь пустой постамент да залитый холодным светом мраморный зал.

Моргнув, Энакин сделал глубокий вдох — и понял, что все это время невольно задерживал дыхание. Красота лунного памятника так поразила его, что мысли и чувства наконец утихли, и сознание прояснилось.

Энакин вдруг понял, что оставил спящего Органу одного.

Ужас пробрал его до костей; развернувшись, он со всех ног бросился обратно.

Коридоры и залы промелькнули мимо одним смазанным пятном. В гостиной, где он оставил Органу, никого не было. Дверь в спальню

направо была закрыта; с колотящимся в горле сердцем Энакин просто толкнул ее Силой и вошел.

Сноп света из гостиной упал внутрь, выхватывая из темноты часть постели и Органу, медленно приподнявшегося на локте. Покрывало сползло, открывая обнаженную грудь.

— Энакин?.. Что случилось?

Энакин просто молча смотрел на него, пытаясь осознать, что все ужасы, которые он успел себе навообразить, не реальны. Что никто не напал на сенатора и не убил его, пока джедай, который вообще-то должен был его охранять, шлялся крифф знает где и предавался самобичеванию. Что Органа, совершенно живой и невредимый, просто перебрался в спальню и лег спать, а он ворвался и разбудил его.

Органа откинул покрывало и поднялся с постели; на нем было только белье. Босыми ногами он прошел по каменному полу и остановился почти вплотную.

— Энакин, — мягко позвал он и вдруг положил ладонь Энакину на загривок, слегка сжал, заставляя посмотреть на себя. Их взгляды встретились, и Энакин забыл, как дышать.

В темных глазах Органы светилось тепло — и что-то еще, незнакомое, лукавое. Большим пальцем он погладил Энакина по щеке, и тот прикрыл глаза, отпустив с губ тихий вздох. Все тело сделалось легким, словно в свободном падении.

Он знал, что сейчас будет. Органа поцелует его. И Энакин солгал бы, если бы сказал, что этого не хочет.

Он сделал шаг назад и выскользнул из теплых рук.

— Извините, — выдохнул он. — Я вышел после того, как вы уснули, а когда вернулся, вас не было в гостиной. Я подумал, что что-то случилось.

Органа молча смотрел на него, словно решая в уме длинное сложное уравнение. Или прикидывая, не шагнуть ли сейчас вперед и...

— Я ведь уже говорил тебе, — наконец со вздохом сказал он и вернулся к постели, сел на край. — Нам здесь не навредят. Халиф явно не причастен к покушению, а у неймодианцев в Лунной крепости нет ресурсов, их флоту все еще запрещен вход в аранийское пространство. В этом дворце мы в большей безопасности, чем были в столице. Однако ты волнуешься. Дело в Силе?

«Дело в том, что я идиот», — подумал Энакин, глядя на Органу почти с тоской. Неслучившееся стояло в груди холодом.

— Здесь... Есть что-то странное. Сила беспокойна, — выдавил он в ответ полуправду. — Мне действительно жаль, что я потревожил вас, сенатор.

— Не переживай. Лучше отдохни, — Органа улыбнулся. — Завтра будет нелегкий день. И прекрати уже звать меня сенатором, — он забрался обратно под покрывало и, помахав Энакину рукой, снова вытянулся на постели.

Энакин вяло кивнул и вышел, с осторожностью закрыв за собой дверь.

В гостиной он опустился на диван и уперся лбом в переплетенные пальцы. Все выходило из-под контроля. Его чувства выходили из-под контроля, и он ничего не мог с этим сделать. Если бы Органа перешел черту, возможно, сейчас они были бы вдвоем в той постели. И Энакин знал, что хочет этого. И знал, что может это сделать — в конце концов, секс с Органой будет именно что сексом без обязательств и без привязанностей, ведь сенатор счастливо женат...

Отчего-то сделалось совсем тошно. Энакин поднялся и вышел из гостиной. На этот раз уходить далеко он не стал — несмотря на то, что сказал Органа, он все равно не доверял этому месту и этим людям, и просто мерил шагами длинный коридор, пытаясь найти успокоение.

Стоило бы помедитировать, но ему отчего-то не хотелось соприкасаться здесь с Силой.

Ночь окутала дворец, и даже звук шагов казался приглушенным. Где-то вдруг скрипнула дверь, и Энакин обернулся. В дальнем конце коридора из чьих-то апартаментов выскользнул слуга; Энакин узнал его — ночное зрение у любого джедая было отличное.

— Шуа, — зачем-то окликнул он, и юноша вздрогнул, развернувшись. Не одному мне здесь неприятно находиться, подумал Энакин, демонстрируя раскрытые ладони. — Это всего лишь я.

Шуа поспешно подошел.

— Отчего молодой господин не спит так поздно? — спросил он, поклонившись. — Господину что-нибудь нужно?

Энакин покачал головой:

— Разве что компания, — сказал он и сам устыдился, поспешно добавив: — Или выйти на воздух. Поблизости нет выхода на террасу?

— Есть, прямо из вашей гостиной, — Шуа с готовностью кивнул. — Позвольте проводить господина.

Энакин пошел за ним, чувствуя себя глупо. Дверь на террасу была просто закрыта очередной драпировкой, и он ее не заметил, слишком поглощенный своими переживаниями.

— Спасибо, — искренне сказал он, когда они вышли. Терраса была небольшой, и вид с нее открывался странноватый: белые башни Лунной крепости нависали над дворцом, в просветах между ними на темном бархате неба перемигивались звезды, размытые дымкой силового поля. Одна из лун, огромная, яркая, выглядывала из-за небоскреба, словно чей-то внимательный глаз.

— Кстати, — Энакин остановил уже собиравшегося откланяться Шуа.

— Я случайно зашел в какой-то зал под прозрачным куполом, совершенно пустой, с одним только постаментом... В какой-то момент над ним появился призрачный памятник. Ты не знаешь, кому он?

Шуа широко распахнул глаза; даже в темноте было видно, как он побледнел.

— Как... Как вы туда попали?! Лунный зал сакрален, слугам запрещено даже приближаться к нему. Это сердце Лунной крепости, лишь правитель имеет право и может войти туда, лишь перед ним открываются двери, — Шуа сглотнул.

Энакин почувствовал себя неловко.

— Ну, дверь открылась, — пробормотал он. — Я не знал, что туда нельзя. Если бы знал — конечно же, не нарушил бы ваши традиции. Хотя памятник был очень красивый.

Шуа тяжело вздохнул.

— Как вы понимаете, я никогда не видел его сам, однако по легенде, купол устроен так, что при определенном схождении лун на постаменте появляется образ одного из отцов-основателей.

— Отцов? — Энакин недоуменно нахмурился. — Могу поспорить, что памятник был женщине, — сказал он и прикусил язык. Аранийские женщины еще более сакральны, а он сам выложил, что видел, как они выглядят.

Шуа совсем спал с лица, было такое чувство, что он сейчас упадет в обморок.

— Это невозможно, — пробормотал он. — Женщины никогда не правили Аранией. И уж точно никто не стал бы показывать облик женщины... Вы что-то напутали, мой господин.

«Да нет же, я видел одну из ваших женщин, и памятник выглядел

точно так же», — чуть было не брякнул Энакин, но вовремя сдержался. Неужели аранийцы настолько забыли собственную историю? Впрочем, он не удивился бы, если женщин «стерли» из нее намеренно, чтобы проще было удерживать их как рабынь по домам.

— Наверное, — вслух сказал он. — Мне очень жаль, что я вошел куда не следует.

Он подумал, что, видимо, замок просто реагирует на чувствительных к Силе. Вероятно, в роду халифа все же есть какие-то слабые способности, отсюда и псионический дар...

— Я сохраню тайну господина, — Шуа снова нервно сглотнул. — Молю, не рассказывайте никому больше, иначе ничтожный не представляет себе, какие могут быть последствия.

— Не буду, — Энакин успокаивающе коснулся его плеча — и сразу же пожалел об этом, кожа Шуа была горячей, и невольно вспомнилось, как они с Яримом прикасались к нему — так чувственно и нежно...

— Мой господин желает еще чего-нибудь? — прошептал Шуа, подняв на Энакина взгляд, и на его губах заиграла легкая улыбка. — Я могу согреть постель господина, если ему не спится...

Энакина обдало жаром. А ведь он мог бы попробовать. Мог бы сжать юношу в своих объятиях и взять его, такого горячего и такого красивого...

Энакин невольно скользнул взглядом по его телу и уперся взглядом в браслет.

— А... это? — вырвалось у него, и он сразу же пожалел об этом, но Шуа только мелодично рассмеялся.

— Ярим совсем не против, — откликнулся он. — Это наша работа. И, к тому же, в некоторых случаях она очень приятна... — он мягким шагом приблизился и коснулся плеча Энакина, погладил по руке

ласково и чувственно, и Энакин невольно облизнул губы.

Вспомнился Органа, его нежное прикосновение к лицу.

— Нет, — покачал головой Энакин. — Спасибо, Шуа. Я не буду тебя задерживать.

Шуа с мгновение изучал лицо Энакина, а затем поклонился и исчез за дверями.

Энакин издал длинный вздох и потер лоб. Так значит, вот кто возлюбленный Шуа.

Он подумал, что все же не понимает, как люди готовы делить с кем-то другим того, кого любят. Да и вообще... Слишком много мыслей об отношениях, которые джедаю все равно недоступны. Возможно, ему все же следует помедитировать.

Он проснулся от прикосновения. Теплые пальцы вплелись в волосы, помассировали голову, убрали с лица упавшую прядь. Энакин улыбнулся сквозь сон.

— Просыпайся, спящий красавец, — раздался глубокий низкий голос Органы, и Энакин резко открыл глаза.

Органа издал смешок и отодвинулся, уселся на диван напротив.

— Почему ты спишь в гостиной? — спросил он с интересом. — С той спальней что-то не так?

Энакин, все еще растерянный, оглянулся на дверь и помотал головой.

— Я не собирался здесь спать, — признался он. — Я сел медитировать...

И заснул. Ну и позорище, подумал он. Он вспомнил ощущение от

Силы здесь, что пришло к нему в медитации — беспокойная и словно бы мутная, она закружила его в туманном лабиринте, стоило ему войти в транс; мало-помалу погружаясь в нее, он в конце концов понял, что в глубине, под крепостью, похоже, проходит огромная жила райдония. Опасность, вот что говорила Сила; возможно, поэтому аранийцы и оставили это поселение. Жила залегает глубоко, но если аранийцы начали строить вниз, они могли приблизиться к ней достаточно, чтобы даже их чувствительности хватило на то, чтобы понять, что место опасно...

— Кажется, мы находимся прямо над крупной жилой райдония, — сказал он. — Сейчас это не слишком опасно, но вести здесь серьезные боевые действия нельзя.

Органа поднял брови, но ничего не спросил. Энакину стало приятно, что тот просто ему верит. Он не слишком часто встречал такое к себе отношение.

Органа откинулся на спинку дивана.

— Что ж, тогда обойдёмся без боевых действий, — сказал он. — Халиф ждет нас у себя через час. Думаю, он принял какое-то решение — и будем надеяться, что верное.

Однако едва войдя в приемный зал, Энакин понял, что простого разрешения конфликта не выйдет. Анвар, облаченный в богатое одеяние, восседал на троне; рядом стояли неймодианцы, охрана и слуги. Чуть позади Энакин заметил Шуа; тот едва заметно хмурился.

Вдоль стен выстроились другие аранийцы — по-видимому, Анвар созвал всех приехавших в Лунную крепость во дворец. Народу было довольно много.

Органа дошел до трона и поклонился; Энакин чувствовал, что сенатор слегка озадачен.

— Приветствую Ваше Величество.

— Приветствую послов Галактической Республики, — откликнулся Анвар. — Я пригласил вас, чтобы озвучить свой ответ на требования Совета и моего сиятельного брата. И для полной ясности этот ответ будет транслироваться в аранийскую голосеть.

— Ваше Величество! — Органа нахмурился, но Анвар хлопнул в ладоши, призывая к молчанию, и Органа, поморщившись, отступился. Энакин прикусил губу, тоже чувствуя, что халиф делает ошибку, но не понимая, как можно это предотвратить.

— Мои возлюбленные подданные, — начал Анвар. — Вчера в Лунную крепость прибыли послы Республики, одновременно представляющие интересы Совета и моего сиятельного брата Гиаса, эмира Арании. Они передали мне требование вернуться в столицу под стражу до окончания расследования. Однако обвинения, выдвинутые против меня и послов от Конфедерации Независимых Систем, смехотворны, и по здравому размышлению я склонен рассматривать их как попытку государственного переворота. Я — полноправный правитель Арании, наследник моего халифа-отца, и я не готов мириться со слишком далеко зашедшими амбициями моего младшего брата. Я, в свою очередь, выдвигаю свои требования. Я лишая Гиаса титула эмира и связанных с ним полномочий. Отныне выполнивший приказ Гиаса будет наказан в соответствии с законом и традицией. Также я даю флоту Конфедерации разрешение на военное присутствие в околопланетном пространстве Арании-Прайм с целью защитить нас от вмешательства приглашенной Гиасом Республики. Я надеюсь на твою и твоих сторонников разумность, брат. Подчинись своему правителю и не толкай наш родной дом в горнило войны. Мое слово — закон.

Закончив так, халиф махнул рукой, по-видимому, останавливая трансляцию, и, поднявшись, удалился в резные двери за тронем. Энакин перевел взгляд на Органу и впервые увидел на красивом лице откровенное раздражение.

— Молодой дурак, — пробормотал Органа одними губами. — Пойдем, — он развернулся и пошел к выходу из зала.

Энакин, оглянувшись напоследок и поймав какой-то обреченный взгляд Шуа, поспешил за ним.

(11)

Органа широким шагом направился прямо к покоям халифа. Нагнав его, Энакин спросил:

— Что вы собираетесь делать? Кажется, нам только что ясно дали понять, что идти нам следует в другом направлении. К выходу. Переговоры провалились.

— Как бы не так, — дернул уголком губ Органа.

Они прошли знакомым уже коридором — здесь были их собственные покои и, похоже, покои неймодианцев; Энакин заметил подол знакомого темного одеяния, мелькнувший в проеме двери, и рассеянно подумал, что именно отсюда вчера выходил Шуа. Интересно, что этим жабам сепаратистским понадобилось среди ночи? Энакин понадеялся, что не то, что Шуа предлагал ему.

Гвардейцы перед входом в покои халифа загородили им дорогу алебардами. Энакин положил руку на меч, но Органа накрыл ее своей и слегка сжал, призывая к спокойствию.

— Будьте так любезны доложить Его Величеству, что вице-король Альдераана просит аудиенции, — обратился он к вышедшему на лязг металла слуге. Умно, подумал Энакин, услышав титул. Простому послу халиф, в целом, отказать может, но получив мягкое напоминание, что имеет дело с правителем известной богатой планеты, скорее всего, поостережется.

Так и вышло, не прошло и пары минут, как их впустили.

Анвар стоял у окна и повернулся к гостям резковато.

— Чего вы желаете, Ваша Светлость? — спросил он. — Я принял решение, и переубедить меня у вас не выйдет. Можете отправляться назад в столицу и передать Гиасу мои требования лично.

— Я не собираюсь переубеждать вас, Ваше Величество. Сделанного не воротишь. Однако, боюсь, вы попали под дурное влияние, и я хочу помочь вам минимизировать его последствия. Это ведь посол Марр подсказал вам такой план?

Анвар поджал губы.

— Даже если так. Вы подвергаете сомнению мое решение?

Энакин коротко взглянул на Органу, но тот нисколько не потерял терпения; выражение его лица по-прежнему было доброжелательным.

— Нисколько. Я все объясню, но предпочел бы разговаривать сидя.

Сейчас нас точно вышвырнут, подумал Энакин, но Анвар, дернув ртом, указал на стоящие у окна кресла. Их было всего два, и когда Органа уселся, Энакин встал за его плечом. Так он не видел лица сенатора, но вскоре понял, что даже без этого может примерно понять, что Органа чувствует. И дело было не в языке тела — у опытного посла и политика тот был под безупречным контролем. Энакин просто ощущал его эмоции в Силе, словно за эти дни между ними возникло какое-то подобие связи, хотя это было, конечно же, невозможно.

Отыграв пространство и время для разговора, Органа не стал ходить вокруг да около.

— У принятого вами решения, Ваше Величество, есть несколько неприятных последствий. Во-первых, раскол среди подданных Арании.

— Я — правитель Арании! Никакого раскола быть не может! — возразил Анвар почти агрессивно.

— Смею напомнить, что Совет отправил вас под домашний арест. Судя по тому, как старейшины были настроены, они вполне могут оспорить ваше повеление.

— Не все. Это все старейшина Зафар.

— Я так понимаю, влияния в Совете у него немало? — спросил Органа спокойно. Анвар поморщился.

— Да, он собрал себе сторонников. И давно уже оказывает поддержку Гиасу, с тех пор, как выдал за него дочь... — халиф замолчал, словно осекшись; по его лицу скользнула эмоция, которой Энакин не понял.

Органа кивнул:

— Таким образом, велика вероятность, что Совет встанет на дыбы. К тому же, Его Светлость Гиас — глава правительства, у него очень много поддержки. Люди, которые несколько лет служили под его началом, могут не согласиться с таким резким смещением, тем более, что, будучи честен, своим побегом в Лунную крепость вы создали себе не лучшую репутацию, Ваше Величество. Но посол Марр наверняка предпочел об этом не упоминать, — Органа побарабанил пальцами по подлокотнику. — Вы действительно думаете, что ваш брат затеял переворот?

— Он всегда хотел, чтобы я поступал, как он считает правильным, — Анвар сверкнул глазами. — И стоило мне один раз не повиноваться, принять собственное решение — произошел взрыв, и все так удобно сложилось, что меня можно посадить под замок!

— И все же, Ваше Величество... Вы ведь братья, более того, близнецы. Такие узы трудно предать. К тому же, разве на Арании не чтят традиции превыше всего? Ведь вы — первенец, и ваше право на трон неоспоримо. Подумайте, будучи на месте Гиаса — вы бы так поступили?

— Я... Конечно, нет, — Анвар отвел глаза. Он выглядел совсем

потерянным, даже третий глаз казался сейчас каким-то тусклым. Решив, по-видимому, сжалиться над юношей, Органа сменил тему.

— Возвращаясь к последствиям. Вторая проблема — данное вами разрешение на доступ Конфедерации в Аранийскую систему.

— Я не давал Конфедерации разрешения на высадку, — нервно перебил Анвар. — Только на доступ в околопланетное пространство.

— Уже лучше, однако все еще недостаточно хорошо. Флот Конфедерации может перекрыть пространство Арании-Прайм и устроить блокаду. Я ведь правильно понимаю, что воду на планету по большей части доставляют с астероидов?

Анвар моргнул.

— Да. На Арании-Прайм очень мало собственных источников воды. Но сепаратисты же не будут так делать?..

— Боюсь, что вполне могут. И потребовать, например, снятия планетарного щита, высадки и подписания соглашений уже на их условиях. Поэтому я прошу вас, Ваше Величество, дать разрешение и флоту Республики на нахождение в аранийском пространстве. Так мы сможем избежать боев в космосе, поскольку сепаратистам будет уже не обвинить Республику в интервенции, и одновременно получим сдерживающий сепаратистов фактор.

— Возможно, — Анвар вскинул подбородок, но Энакин видел в его глазах страх. — Но где гарантии, что то же самое не сделает Республика?

— Их даю вам я. Как посол от Республики, как сенатор, как правитель входящей в состав Республики планеты. Мы никогда не занимались интервенцией на мирные планеты и не собираемся начинать. Наши армии ведут генералы-джедаи — а это говорит само за себя, — Органа оглянулся на Энакина с мягкой улыбкой, и у Энакина от этого взгляда сердце пропустило удар.

Анвар молчал, грустный и явно уязвленный тем, что его поймали на ошибках. Энакин прекрасно понимал, как трудно бывает порою их принять и начать исправлять, особенно когда ты юн и обижен кажущейся несправедливостью.

— Послушайте, Ваше Величество, — мягко включился он. — Вы оказались в сложной ситуации и попали под дурное влияние. Представители Торговой Федерации всегда были убедительными лжецами — я помню это еще по конфликту при Набу десять лет назад, я был там сам. Однако поверьте — никогда не поздно принять правильное решение. Прошу вас, позвольте нам вам помочь.

— Хорошо, — Анвар устало прикрыл третий глаз. Щелкнув пальцами, он подозвал слугу и велел ему отправить публичное разрешение республиканскому флоту на вход в аранийское пространство. Однако не успел уйти слуга, как в покои быстрым шагом вошел один из придворных. В руках у него был голопроектор.

— Ваше Величество, вам следует это увидеть, — на престарелом аранийце лица не было. Положив голопроектор на столик, он включил его, и над пластиной показался зал Совета. Камера показала Совет старейшин — два или три места пустовало, — а затем стоящего в кругу ораторов Гиаса.

— Дорогие подданные Арании, — камера взяла крупный план, показывая мрачное и изможденное лицо молодого эмира. — Я не мог даже помыслить, что для Арании настанут такие времена, однако вы видели заявление моего брата Анвара своими глазами. Он не только не подчинился воле Совета и не вернулся во дворец, чтобы мы могли продолжить расследование, но еще и подверг наш дом опасности, дав Конфедерации Независимых Систем разрешение на введение войск. Но как бы там ни было, я — подданный великого халифа Анвара и я подчиняюсь его воле и складываю с себя титул эмира и связанные с ним полномочия. Пусть дальнейшую судьбу Арании решает Совет старейшин.

Он покинул круг и уселся в самом низу амфитеатра. Камера скользнула от него к ложе старейшин — некоторое время те совещались, а потом старейшина Зафар поднялся и неспешно пошел вниз, в круг.

— В нелегкие времена мы вынуждены принимать нелегкие решения, — начал он, погладив бороду. — Боюсь, что сейчас мне придется взять на себя смелость и исправить наконец ошибку, допущенную много лет назад.

Даже в голозаписи было слышно, как зал притих.

— Двадцать два года я был хранителем тайны халифа Деала, — со вздохом сказал Зафар. — Как верный подданный, я выполнял его волю, однако больше не могу этого делать, потому что сейчас это будет предательством Арании. Нашей системе нужен мудрый, справедливый и умелый правитель. И он у нас есть. Все это время Его Светлость Гиас правил Аранией — вместе с Его Величеством, но по факту — вместо него. Но у Его Светлости Гиаса есть право на трон Арании не только по деяниям, но и по традиции. Ведь на самом деле истинный первенец халифа — Гиас, а не Анвар.

Зал ахнул — а затем загомонил, но Зафар хлопнул в ладоши. Его низкий голос перекрыл гул:

— Близнецы родились с разницей в несколько минут. Анвар был вторым, однако Его Величество Деал счел, что именно правитель с синими глазами принесет Арании процветание. И он приказал подменить записи о рождении младенцев, сделав наследником Анвара. Как мы видим теперь, хоть халиф и был мудр, судьба оказалась мудрее. И я думаю, что мы должны последовать ее указанию. От имени Совета старейшин я предлагаю передать титул великого халифа Арании Его Светлости Гиасу!

Зал загудел пуще прежнего, кто-то вскакивал с мест, кто-то кричал и махал кулаками; старейшины сидели молча, их лица казались непроницаемыми. Камера метнулась к бледному и ошеломленному

Гиасу — и на этом запись оборвалась.

Энакин перевел взгляд на Анвара. Тот сидел, закрыв лицо руками. Сначала Энакин не понял, а потом...

— Так вы знали? — вырвалось у него.

Анвар выпрямился и почти выкрикнул:

— Да, я знал! Отец рассказал мне перед смертью. Но что я должен был делать? Это была его воля, я обязан был ее выполнять!

— А Гиас? Он знал? — очень спокойно спросил Органа.

— Нет. Отец велел держать это в тайне — но Зафар решил по-своему. Теперь очевидно — все это его козни!

Анвар вскочил; Органа поднялся тоже и, в два шага оказавшись рядом, взял юношу за плечи.

— Успокойтесь, Ваше Величество. Ситуация усложнилась, но не стоит терять голову. Пожалуйста, вернитесь в свою спальню — боюсь, нам придется временно усилить вашу охрану. Отведите Его Величество отдохнуть, — окликнул он слугу. И когда тот увел растерянного халифа, обратился к принесшему голопроектор старику: — Нужно закрыть дворец и расставить посты вокруг покоев Его Величества. Вы знаете, кто командует здешними гвардейцами? Идите к ним.

Отправив старика, он повернулся к Энакину:

— Сейчас здесь начнется жара, как бы иронично это ни звучало. Ты заметил реакцию зрителей в зале? А отсутствующих членов Совета? Теперь раскола точно не миновать. Хоть вскрывшаяся новость и меняет расклад, многие не признают Гиаса все равно, ведь по сути Зафар сейчас пошел против воли предыдущего халифа. Сторонники Анвара поедут сюда, их будет много, и среди них могут затесаться и шпионы, и убийцы. В конце концов, если избавиться от Анвара, Гиас

точно станет полноправным правителем, ведь детей у Анвара нет.

— Получается, это Зафар устроил покушение? Чтобы подставить Анвара и посадить на трон своего зятя? — Энакин поморщился.

— Даже если это не он — это был кто-то, и этот кто-то все еще существует. И ему не чужды насильственные методы решения проблем. Мне нужно как можно скорее связаться с канцлером Палпатином и с нашим флотом. Пожалуйста, останься здесь и присмотри за Анваром.

Энакин кивнул. Ему отчего-то не хотелось отпускать Органу одного, но куда было деваться?

Когда Органа ушел, Энакин поговорил со стражей и осмотрелся, чтобы представлять себе все входы и выходы из покоев. Гостиная, где они беседовали, через холл соединялась со спальней, в которой сейчас заперся Анвар. Из холла можно было выйти на террасу, а с террасы — попасть в спальню; еще один выход из спальни был в холл по другую сторону. Помимо трех основных дверей были еще замаскированные проходы для слуг. Оценив все это великолепие и пересчитав количество гвардейцев — не такое уж большое, — Энакин потер лоб и попросил закрыть на замок входы из холла и все ходы для слуг. Не то чтобы эти двери нельзя было взломать или даже вышибить, замки здесь были механические, даже не электронные, но, по крайней мере, это замедлит вероятного убийцу и даст охране время среагировать.

Покончив с проверкой, он вышел на террасу. Солнца уже клонились к горизонту, и жара стояла плотная, удушающая; в просветах между белыми небоскребами было видно, как на посадочные площадки один за другим опускаются все новые транспорты. Органа был прав, сторонники Анвара слетались в Лунную крепость, но верных халифу гвардейцев было слишком мало, чтобы контролировать поток и проверять прибывающих — все они были задействованы сейчас на охране дворца.

Сердце у Энакина отчего-то было не на месте. Ситуация выходила из-

под контроля, и они никак не могли обуздать происходящее; за всем этим чувствовалась чья-то воля, и Энакин догадывался, чья. Старейшина Зафар — скорее всего, именно он стоит за всем этим. Но как это доказать? Вернуться в столицу и попытаться прямым обвинением вывести Зафара на чистую воду? Но если они ошибаются, в это и так тяжелое время они обезглавят еще и Совет.

Знакомое ощущение заставило Энакина обернуться, и через секунду в дверях террасы показался Органа. Энакин невольно улыбнулся, и Органа, только что хмурый, искренне улыбнулся в ответ; Энакин поспешно стер улыбку с лица и спросил:

— Удалось связаться с канцлером? И с флотом?

— Да. Канцлер просит нас постараться уберечь Аранию от гражданской войны. Что до флота, к нам направляется генерал-джедай Пло Кун, они будут здесь завтрашним утром — реформирование заняло время. Флот сепаратистов, боюсь, прибудет раньше, но вряд ли они настолько обнаглеют, чтобы начать какие-то действия, — Органа подошел и остановился рядом, покрутил головой: — Как же жарко. Не отказался бы сейчас нырнуть в бассейн.

Энакин только негромко застонал. Он и сам не прочь был бы сейчас оказаться в прохладной воде, рядом с Органой... Он почувствовал, что его мысли снова заходят не туда, и отвернулся, но плечом все равно продолжал чувствовать близость сенатора.

— Кто-то из нас должен отправиться в столицу, — сказал Органа, глядя на очередной приземляющийся челнок. — Нужно найти того, кто устроил покушение — возможно, только так мы сможем прекратить смуту. Я думаю, тебе стоит остаться здесь — в случае чего ты сможешь защитить халифа, а я вряд ли.

Сила всколыхнулась. Энакин нахмурился и прикрыл глаза, пытаясь поймать ощущение — опасность? Предостережение?..

— Нам нельзя разделяться, — не слишком уверенно сказал он.

Органа хмыкнул:

— Ты тоже мне очень нравишься, Энакин, но дело превыше всего, разве нет?

— Вы не поняли, — раздраженно буркнул Энакин, одновременно смущенный и уязвленный. — Сила предостерегает.

Органа посерьёзnel.

— Я верю твоим предчувствиям, Энакин, но, чтобы сдвинуться с мертвой точки, нам нужно оказаться в столице. Я останусь здесь сегодня, но завтра придется ехать.

— Пусть завтра, — согласился Энакин. Насчет завтра Сила молчала.

— Возможно, с подходом флота мастера Пло ситуация изменится.

— Возможно, — не стал спорить Органа.

Они договорились дежурить по очереди, так что сенатор отправился отдохнуть, а Энакин принялся медленно обходить покои Анвара. Тот не показывался; через пару часов пришел Шуа и принес еды.

Солнца сели, и одна за другой на небо выползли луны. Чем ярче становился их призрачный свет, тем сильнее Энакин ощущал беспокойство. В конце концов он велел гвардейцам у дверей в покои халифа быть внимательнее, спустился вниз и пошел обходить коридоры.

Чутье не подвело его — завернув за очередной угол, он заметил какое-то движение — и с изумлением узнал тот же силуэт в черном, что видел у Западного дворца.

Заметив джедая, незнакомец припустил бегом и исчез в одном из боковых входов. Энакин беззвучно выругался и побежал за ним.

Свернув следом, он оказался в длинном коридоре, от которого вскоре ответвились две анфилады. Безошибочно ориентируясь по звуку шагов, Энакин побежал направо, однако через два зала шаги вдруг стихли. Затормозив, Энакин закрутился на месте. Ах, да вот же! Лестница для слуг за старыми драпировками; свежие следы в пыли... Он пробежал, перепрыгивая через ступеньки, и выскочил на площадку второго этажа; качнулась впереди занавесь. Энакин поднырнул под нее и оказался в очередном узком проходе для слуг; впереди дробно удалялись шаги. Энакин поднажал; через несколько поворотов впереди показалась потайная дверь. Энакин врезался в нее плечом — и вылетел прямо в спальню халифа.

— Генерал?! — тот стоял у постели; накидки на нем не было, распущенные волосы падали на грудь. Огромными глазами он смотрел на Энакина. Занавеси вокруг ложа были уже опущены и едва заметно колыхались на сквозняке с террасы.

— Ваше Величество, здесь... никого не было? — чувствуя себя невероятно глупо, спросил Энакин и добавил поспешно: — Я преследовал того же незнакомца, которого видел возле Западного дворца, и попал напрямик сюда. Вы в порядке?

— Здесь никого не было, — вежливо ответил Анвар. — Но я даже не знал о существовании этой потайной двери. Спасибо вам за бдительность, генерал. Вы не могли бы приставить к этому ходу охрану?

— Конечно, — Энакин окончательно стушевался. Поклонившись, он отодвинул стенную панель, максировавшую дверь, и снова нырнул в потайной ход. На обратном пути он тщательно изучил его на предмет ответвлений, но тех не было; следы же стерлись, когда он пробежал поверху. Куда же мог деться незнакомец?

Основательно обескураженный, Энакин послал к выходу гвардейца и отправился еще раз тщательно обследовать дворец.

Он облазил каждый закоулок вокруг покоев халифа, но так никого и не нашел. Сила тоже молчала — кроме общего тревожного фона из-за райдония Энакин не чувствовал в ней никаких колебаний, хотя должен был бы — ну ведь не померещился же ему человек в черном?

Пробило полночь. В третий раз обойдя все близлежащие залы и коридоры и вернувшись на террасу, Энакин застал там Органу — расслабленный и явно отдохнувший сенатор в рубашке с закатанными рукавами и расстегнутым воротом сидел на низком диванчике,пил что-то из маленькой чашечки и любовался ночным небом.

— Выглядишь встревоженным, — сказал он, когда Энакин сел рядом, аккуратно отодвинув в сторону синий альдераанский мундир. Взяв с подноса изящный кувшинчик, он налил в пустую чашечку и подал ее Энакину. Это был каф. — Что я пропустил?

Энакин отпил — а потом рассказал ему о таинственно исчезнувшем незнакомце. По мере рассказа брови сенатора поднимались все выше, пока не сошлись на переносице.

— Как интересно, — протянул он. Энакин скользнул взглядом по его обнаженной шее и откинулся на спинку дивана, прикрыв глаза.

— Я точно его видел, — сказал он. — Этот человек, или кто он там, здесь, и, возможно, он и есть виновник всего произошедшего. Но я не могу его найти и не чувствую даже Силой.

— Я думаю, тебе нужно отдохнуть, Энакин, — голос Органы был мягким, а потом на бедро и вовсе успокаивающе легла ладонь, тяжелая и горячая. Энакин облизнул губы.

— Не уверен, что мне стоит сейчас оставлять халифа одного.

— Сколько ты уже не спал нормально? Ты вряд ли будешь эффективен в таком состоянии, уж прости за прямоту, — ладонь слегка сжалась, и у Энакина мурашки побежали по спине. — Халиф будет не один. Здесь

куча стражи и я. Хотя бы помедитируй, если не хочешь спать, за пару часов точно ничего не случится.

Органа слегка погладил его, и Энакину вдруг очень захотелось накрыть его руку своей. Переплести пальцы и поднести к их губам...

Похоже, он и правда переутомился.

— Я буду на связи и, если что, сразу вызову тебя по комм-линку, — успокаивающим тоном сказал Органа и, напоследок похлопав Энакина по бедру, убрал ладонь. — Иди.

Энакин подчинился.

В покоех он некоторое время выбирал, где сесть медитировать, и в конце концов устроился на диване в общей гостиной. Здесь утром Органа разбудил его прикосновением к волосам.

Значило ли это для Органы хоть что-то? Сенатор так свободен в манерах и общении, да и в связях, и все эти прикосновения могут вовсе не иметь для него никакого подтекста. Энакин вспомнил, как Органа стер след бобовой пасты с уголка его рта на рынке, и щеки слегка погорячели. Возможно, Органа просто непосредственен? И то, что произошло в его спальне, куда Энакин вломился — ведь могло и показаться, и Органа, может, совершенно не собирался его целовать...

Крифф. И о чем он опять думает?.. Энакин прикусил губу.

Он сделал вдох и медленный выдох. Погружение в Силу было — словно в тревожную воду, но Энакин принудил себя расслабиться и просто опускался и опускался в темную глубину, пока не завис между верхом и низом, в неподвижности и безмолвии. Время замерло, и замерло все вокруг; замер дворец, замерли луны, замерло движение горячего газа под землей. Лишь Сила перетекала лениво, и Энакин вслушивался в ее голос, в мириады голосов, которыми говорила Вселенная. «Все не так».

Его привел в себя писк комм-линка, требовательный и резкий. Сердце подскочило к горлу. Энакин поспешно схватил комм-линк:

— Сенатор? Что случилось?

— Это Шуа! — донесся перепуганный шепот. — Его Величество взяли в заложники! Сенатор Органа ранен и без соз...

Звук удара и хруст прервали передачу.

Энакин вскочил.

Было уже полночь, дворец утопал в тишине и мертвенном лунном свете. Энакин бежал, и ему казалось, словно он во сне — увязает в воздухе и совсем не приближается к цели.

Вот стража возле покоев; лежат на полу, крови нет, но и дыхания не слышно. Отравлены?.. То же самое на террасе. Дверь в спальню приоткрыта...

Активировав меч, Энакин пинком распахнул ее и ввалился внутрь. Он не думал ни о чем в этот момент — так стучала в висках кровь. Если Органа погиб...

Он увидел Шуа; тот обернулся на звук — а потом что-то захлестнуло ноги Энакина, и его пронзило болью такой острой, что он на мгновение оглох и ослеп.

...Пришел в себя он лежа ничком. Руки были скованы за спиной, ноги спеленуты прочной сетью. Энакин дернулся — и понял, что не чувствует связи с Силой. Когда он попытался приподняться, его снова прошибло разрядом, таким мощным, что он вскрикнул.

Электромагнитная ловушка, понял он. Он уже видел такие — один из новейших видов вооружения сепаратистов, созданный прицельно против джедаев. И силовые наручники, тоже их.

Энакин беззвучно выругался. Сначала дроид Торговой федерации, теперь это... Как они могли быть такими слепыми?

— Извините, генерал, — раздалось откуда-то сверху. Энакин напрягся, пытаясь перевернуться, и тот же знакомый голос сказал: — Прошу вас, не стоит дергаться, вы себе навредите. Эта сеть будет бить вас током при попытке пошевелиться.

Энакин, стиснув зубы, рывком перекатился набок. Последовал очередной удар, но он пропустил боль через себя и отстранился от нее, зная, впрочем, что его не хватит надолго: Силы не было, и слить ощущения было некуда, и неоткуда черпать энергию. Ноги онемели, чувство было такое, словно их больше нет. Так же вел себя и протез, отключившийся из-за перегрузки.

Дав себе секунду на отдых, Энакин поднял голову и снова увидел Шуа; тот стоял за спиной у Анвара, прижимая к его виску бластер. Поймав изумленный взгляд Энакина, он сглотнул.

— Простите, мне пришлось забрать у сенатора Органы комм-линк. Я соврал, ваш возлюбленный в полном здравии, мне просто нужно было заманить вас сюда. На самом деле это я взял в заложники Его Величество и угрожал сенатору. Мне очень жаль.

Энакин выгнул шею и увидел Органу — тот стоял чуть поодаль, целый и невредимый. Он бросил на Энакина быстрый успокаивающий взгляд.

Облегчение, непонимание и стыд — он мне не возлюбленный! — захлестнули Энакина, жар залил лицо.

— Ты сошел с ума, Шуа? Немедленно отпусти Его Величество! — рявкнул он и снова дернулся, напрягая руки — но в ответ получил лишь новый разряд, и в глазах на мгновение потемнело.

— ...прошу тебя, Шуа. Еще не поздно все прекратить, — знакомый голос вырвал его из небытия; Энакин снова приподнял тяжелую голову

и увидел, как Органа делает мягкий шаг вперед.

— Не подходите, — предупредил Шуа, отступая вместе с халифом к закрытой занавесями постели. Анвар был бледен и двигался вяло, словно кукла. Тоже чем-то опоен?.. Удерживая его в захвате, Шуа присел и подобрал что-то с пола. Световой меч! Его собственный! Энакин едва не зарычал. — Не подходите, иначе я его застрелю.

Органа остановился. Он был неплохим бойцом, но, похоже, понимал, что шансов опередить выстрел в висок халифу у него нет.

— Пожалуйста, Шуа, — попросил он. — Кто бы ни заставил тебя это сделать, я помогу тебе и дам защиту. Только отпусти Его Величество.

— Вы ничего не сможете мне дать, — покачал головой Шуа. — И дело не во мне. У него Ярим. Его отпустят, если я исполню приказ.

— У кого у него? — настойчиво спросил Органа, но Шуа лишь покачал головой:

— Вы ведь знаете, что такое любовь, сенатор. Та легенда, которую вы рассказали... Она заставила меня плакать, но вместе с тем сейчас она придает мне решимости. Я должен спасти того, кого люблю, и никакая цена тут не высока.

У Энакина волосы на загривке встали дыбом. Шуа отступил еще на шаг — и приставил меч к груди халифа.

— Нет! — Энакин дернулся изо всех сил, понимая, предчувствуя, что сейчас произойдет — но было поздно.

Грустно улыбнувшись, Шуа активировал меч, и ярко-синее световое лезвие прошило насквозь обоих — и халифа, и самого Шуа.

В нос ударил запах паленой плоти, а в уши ввинтился дикий высокий крик. Занавеси балдахина распахнулись, и из-за них вылетел кто-то в черном; бросился к оседающим на пол телам.

Меч, выпавший из безвольной руки Шуа, погас. А в следующее мгновение с грохотом распахнулись двери, и Энакин услышал скрипучий голос посла Марра:

— Стража! Стража, сюда! Джебедай убил Его Величество! Послы Республики убили халифа Анвара! Стража! Убить их!

Над головой засверкали бластерные выстрелы. Энакин рванулся, поднимаясь на четвереньки, и снова упал, прошитый разрядом; проморгавшись, он увидел, как Органа бросается к халифу, поднимает что-то с пола — меч! — и, на ходу активировав его, перепрыгивает через Энакина, отбивая залпы.

Энакин закричал, напрягаясь всем телом; сеть снова включилась, и его охватили молнии разрядов, но он не сдавался, пока путы не заискрились и наконец не треснули. Подрагивающими ногами отшвырнув их, Энакин перекатился и вскочил; его руки все еще были скованы за спиной.

— К тайному ходу! — крикнул Органа, обернувшись. Он удивительно неплохо орудовал световым мечом, отбивая выстрелы в нападающих — по-видимому, сказывалась альдераанская практика учить аристократов фехтованию. Однако он не был джедаем: уже в следующее мгновение его бедро по касательной обжег выстрел, и Органа от души выругался. — Бери девчонку и беги!

Девчонку?.. Энакин рывком обернулся и увидел над трупом халифа того самого незнакомца, что он преследовал парой часов ранее. Черный капюшон свалился с его головы, и на свету засверкали золотые волосы. Так это женщина?!

Прижимая к себе тело халифа, аранийка безудержно рыдала.

Энакин подбежал и упал рядом на колени, извернулся, выводя скованные руки из-за спины вперед. Склонившись над телом Шуа, он сорвал с его пояса ключ от наручников и сунул его девушке:

— Открой! Скорее!

Она оттолкнула было его руки, но потом прикусила губу и подчинилась. Ее пальцы дрожали, и она не сразу смогла попасть ключом в замок. Как только наручники упали, ощущение Силы снова захлестнуло Энакина, приглушая боль, и он крикнул:

— Бейл! Меч!

Органа, оглянувшись, шагнул к ним и, выключив лезвие, бросил меч Энакину.

Энакин поймал его на лету и закрутил, разворачивая перед ними непробиваемый щит. Под его прикрытием Органа метнулся к девушке, подхватил бластер Шуа и взял аранийку под локоть:

— Уходим! Им уже не помочь, Ваше Высочество, мне очень жаль. Поднимайтесь!

Ваше Высочество? Нет, думать он будет потом, сейчас нужно уйти. С террасы ломились все новые и новые аранийцы; Энакин был уверен, что столько стражи у халифа не было. Где-то на периферии надрывался посол Марр.

— Нье дайте им уйти! Оньи убийцы!

Энакин протянул ладонь в сторону и распахнул дверь тайного хода Силой, а затем отбил несколько выстрелов в нападающих и отступил сам. Захлопнув дверь изнутри, он чуть сжал пальцы — и металл конструкций заскрипел, сминаясь и блокируя механизм. На некоторое время это их удержит.

Он быстро догнал Органу и девушку и пробежал мимо — впереди их наверняка тоже ждали.

Он не ошибся — у выхода из тайного хода, который он сам указал

гвардейцам несколькими часами ранее, их уже ждали — и сразу же начали палить. Энакин отбил несколько выстрелов, прореживая ряды нападающих, еще двоих подстрелил Органа. Девчонка, снова натянувшая капюшон, на удивление неплохо уклонилась от просвистевшего в опасной близости разряда. Кто она? Как здесь оказалась? Что делала в их дворце накануне взрыва?

Вопросов много, а времени на них нет. Противников было с пару десятков, и, что самое странное, это были не гвардейцы — просто разные аранийцы с оружием, Энакин не видел их раньше. Шуа не только напал на халифа, но и открыл врагам проход во дворец? Как иначе их оказалось бы здесь столько? Но почему тогда неймодианцы на их стороне, они ведь были заодно с халифом? И как посол Марр вообще так удачно оказался у покоев Анвара ровно в тот момент, когда Шуа заманил их с Органой туда?

Энакин ударил кого-то наотмашь; закрутился в пируэте, подсекая ноги еще троим. Им явно не прорваться к посадочной площадке, если в Лунной крепости столько желающих их убить. Сейчас бы скрыться куда-то в тоннели, но в этом старом дворце таких развесистых коммуникаций, как в новом, нет.

Его осенило.

— За мной! — крикнул он, вырубая последнего нападавшего. В анфиладе справа уже слышался топот ног, обещая, если они не поторопятся, продолжение драки.

Они побежали в другую сторону. Темные залы и коридор, поворот и еще один — Энакин не столько восстанавливал дорогу по памяти, сколько его вела Сила. Знакомая комната с истлевшими занавесями...

— Стойте!

Энакин обернулся на крик.

— Нам туда нельзя! Лунный зал священен! — аранийка застыла на

месте, на ее лице был ужас. Под взглядом Энакина она попятилась.

— Можно, — твёрдо сказал он. — Если вы не хотите, чтобы нас убили. Это наш единственный шанс спрятаться и переждать.

— Но вы туда даже не попадете! Двери не откроются! — ее губы дрожали, то ли от страха, то ли от гнева.

— Спорим? — Энакин усмехнулся.

— Не упрямитесь, Ваше Высочество, — вступил Органа. Он, нахмурившись, оглянулся на выход из зала, откуда они прибежали. — Генерал Скайуокер прав, нам нужно где-то спрятаться. Если у вас нет других вариантов, предлагаю немного нарушить традиции. Тем более, что у вас уже явно есть подобный опыт, — по лицу Органы скользнула тень улыбки.

Энакин просто не собирался с ней спорить и, не дожидаясь ответа, пошел дальше. Конечно же, девушка, поколебавшись, двинулась за ними.

За уже знакомой решеткой было светло от лун. Постамент пустовал, но прямо у них на глазах на нем начала проявляться очередная лунная фигура, на сей раз длиннородого старца.

— Красиво. Что это за зал? — Органа с интересом посмотрел на лунный памятник.

— Я случайно вломился сюда прошлой ночью. Шуа сказал, это какое-то сакральное место, куда может войти лишь представитель королевского рода. Но на самом деле эти двери просто реагируют на чувствительность в Силе, — Энакин приложил ладонь к ажурной решетке, и замок, как и в прошлый раз, щелкнул, открываясь. Аранийка громко вздохнула.

— Укроемся за постаментом, чтобы нас не увидели от входа, — велел Энакин.

Стояла тишина; сквозь ажурный купол вниз смотрели равнодушные луны. Они быстро пересекли пустой зал и уселись за постаментом, прислонясь к холодному мрамору. Опускаясь на пол, Органа едва слышно зашипел; Энакин протянул руку к его бедру и накрыл ладонью ожог, однако Органа перехватил его запястье:

— Энакин. Это пустяк. А вот как ты?

Он перевернул ладонь Энакина и потянул рукав вниз, и тот увидел на собственной коже следы ожогов от разрядов. Это словно выпустило заблокированную боль, и он резко вздохнул. Ощущения было такое, словно по нему шагоход прошелся. Ныл недолеченный живот; он знал, что под одеждой у него сейчас тоже ожоги.

— Я в порядке. А вы, миледи? — он перевел взгляд на сжавшуюся в комок под памятником аранийку. Ей явно было не по себе, а щеки снова были мокрыми от слез. — Или Ваше Высочество?.. Кто вы вообще такая?

Он наконец внимательно рассмотрел девушку. Та была совсем молода; золотые волосы выбились из-под капюшона, а светло-серые глаза отливали серебром. Третий глаз был прикрыт массивным налобным украшением, и его цвет был неясен.

— Я полагаю, вы — супруга Его Величества Анвара? — мягко включился Органа. Он отпустил Энакина, и тот едва подавил пробравшую его дрожь — казалось, прикосновение горячей ладони облегчает боль, хотя это было абсурдно.

Аранийка длинно вздохнула и подтянула колени ближе к груди. Она явно не горела желанием говорить. Энакин раздраженно подумал, что вообще ничего уже не понимает. Почему вообще все это случилось? Шуа сказал: «У него Ярим». У кого? Старейшина Зафар взял Ярима в заложники и вынудил Шуа убить халифа? Но при чем тут неймодианцы? И при чем тут девушка? Впрочем, если она супруга халифа — в целом, можно понять, почему она сбежала из столицы и

пробралась в Лунную крепость вслед за любимым, и это объясняет, куда она испарилась — Анвар просто спрятал ее за балдахином и соврал. Но что она все же делала в Западном дворце перед взрывом? И что, крифф, произошло здесь? Почему Шуа заманил их в ловушку и убил халифа и себя его мечом? Судя по истерике аранийки, та явно к этому непричастна...

Энакин помотал тяжелой головой. Та была словно ватная и отказывалась думать.

— Вы можете доверять нам, Ваше Высочество, — успокаивающим тоном сказал Органа. — Не бойтесь, мы вас защитим. И я соболезную вашей утрате. Потерять супруга вот так...

Девушка спрятала лицо в ладони; звякнула подвеска на лбу. Органа молчал, ожидая; ждал и Энакин.

— Меня зовут Ильсиар, — наконец глухо сказала она и медленно выпрямилась. В серебристых глазах стояли слезы. — И я не супруга Его Величества Анвара. Я дочь старейшины Зафара, и мой муж — Его Светлость Гиас.

(13)

Энакин изумленно приоткрыл рот. Что? Гиас?..

Органа хмыкнул.

— Кажется, нас ожидает чуть более долгий рассказ, чем мы думали, — он потер бороду.

Ильсиар кивнула и резковато вытерла щеки тыльной стороной ладони. И почему она плачет? Если Анвар не ее муж... Энакин моргнул. Они что, были любовниками?..

— Да, были. Вы все правильно поняли, генерал Скайуокер, — Ильсиар посмотрела на него, и Энакин увидел, что налобное украшение

сдвинулось вверх, открывая третий глаз. Под его взглядом он снова почувствовал легкое прикосновение к сознанию и понял, что все же не проговорился — просто растерялся, и она уловила его слишком громкую мысль.

— Наверное, надо начать с начала... — Ильсиар вздохнула и отвела глаза, собираясь с мыслями. Энакин встретился взглядом с Органой, и тот едва заметно кивнул: дай ей время.

На зал опустилась тишина. Поначалу их здесь не найдут, но вот что дальше? Энакин прикусил губу. Из-за его ошибки их теперь обвиняют в убийстве халифа. Нельзя было уходить отдыхать. Сила ведь предупреждала...

Было жалко Анвара. Было жалко Шуа. Привязанности, все дело ведь в этом. Шуа пошел на предательство и убийство собственного сюзерена ради возлюбленного. Энакин не хотел думать, что он сделал бы, если бы его поставили перед подобным выбором. Он и так утратил внимательность, испугавшись за Органу, и это стоило им двух жизней, да и вся миссия теперь повисла на волоске.

Голос Ильсиар вырвал его из мрачных мыслей.

— Мне было шестнадцать, когда меня выдали за Гиаса, — сказала она. — Вы наверняка уже познакомились с нашими традициями и знаете, что женщины на Арании ничего не решают, — в ее голосе проскользнуло отвращение. — Нас растят взаперти и передают от мужчины к мужчине: с одной женской половины на другую. Мир мы видим один раз: из-за решетки свадебного паланкина. Но мне одного раза было достаточно. Я... не любила Гиаса и не хотела всю жизнь провести в золотой клетке. Нет, он был хорошим мужем — уважительным, деликатным, бережным. Но он берег свою вещь и не видел меня.

Она рвано вздохнула.

— В общем, однажды я уронила серьгу в решетку возле фонтана и,

когда полезла за ней, обнаружила служебные тоннели. И я начала сбегать из женской половины и бродить по дворцу. За территорию мне было не выбраться, но это все равно был уже другой мир. Мужской мир.

Энакина осенило. Так вот что за цветной клочок он видел на трубах в тоннеле рядом с замком! Аранийцы позаботились о защите женской половины от вторжения извне — но им не пришло в голову, что женщина может сбежать наружу!

— Как-то ночью я наткнулась в саду на Анвара, — Ильсиар улыбнулась. — Он понял, кто я. Я ужасно испугалась, но он неожиданно отнесся ко мне с пониманием и обещал сохранить мою тайну. Потом я узнала, что он и сам нередко чувствовал себя в золотой клетке в этом дворце... Мы встретились еще несколько раз — признаться, это я искала встреч, ведь он был единственным, кто не ужаснулся тому, что женщина позволяет себе подобное. Мы... полюбили друг друга, — она замолчала, уйдя в собственные мысли, и Энакин сглотнул пересохшим ртом. Мысль о том, что эти двое нарушили табу и вступили в запретные отношения, отозвалась в его душе волнением и тоской.

— Мы стали любовниками, — продолжила Ильсиар, — Все было хорошо, пока Гиас не узнал. Это случилось незадолго до того, как Республика и Конфедерация обратили взгляды на Аранию. К тому времени мой отец уже открыл Гиасу тайну его происхождения — он питал честолюбивые надежды стать тестем не просто эмира, а халифа. Но Гиас отказывался выступать против собственного брата и свергать его, тем более, что они хорошо ладили — точнее, Анвар многое оставлял Гиасу на откуп, — Ильсиар прикусила губу. — Это я во всем виновата. Если бы я не сбегала с женской половины, если бы не поддавалась чувствам, Анвар был бы жив...

Она едва сдерживалась, чтобы снова не заплакать. Органа осторожно погладил ее по плечу:

— Вы не виноваты в своих чувствах, Ваше Высочество. Люди не

властны над любовью, — их с Энакином взгляды случайно пересеклись, и Энакин вспыхнул и поспешно отвел глаза.

— Как я могу себя не винить? Ведь это я помогла Гиасу, — с тоской откликнулась Ильсиар. — Наше общество... Вы не поймете. Женщины здесь — это предметы, но предметы священные. Гиас многое мог простить брату — что тот занял его законное по праву рождения место, что сваливал на него слишком многое... Но не то, что тот спутался с его супругой у него за спиной. Это... Я боюсь, это сломало его. Да еще и мой отец подливал масла в огонь.

Она сделала глубокий вдох.

— Когда Гиас все узнал, он вышел из себя. Он едва не убил меня, и несколько дней я провела взаперти в ожидании смерти. Однако затем Гиас неожиданно выпустил меня. Он сказал, что оставит мне жизнь, но за мою провинность я должна делать как он скажет. И он велел мне настроить Анвара, что нужно принимать собственные решения, нужно пойти наперекор... Я подчинилась — и уничтожила их обоих, — она тяжело сглотнула.

Энакин потер лоб. Получается, за всем стоял Гиас?.. Он даже не знал, что думать. С одной стороны, Ильсиар было очень жалко. Родившись женщиной на Арании, она оказалась обречена быть вещью, а нарушив запрет, невольно принесла беду. С другой стороны, и она, и Анвар предали самого близкого человека, мужа и брата... Но никакое предательство не дает Гиасу права мстить, да еще столь изощренно и жестоко, впутывая множество людей и ставя собственный мир на грань войны.

Кое-что еще Энакину было неясно.

— А взрыв? — спросил он. — Я уверен, что видел вас в Западном дворце перед тем, как тот взлетел на воздух.

Ильсиар кивнула.

— Это действительно была я. В тот вечер я подслушала, как отец и Гиас обсуждали, что сепаратистского дроида успешно удалось перепрограммировать, и его отправили в Западный дворец. Я хотела разобраться, что Гиас задумал. Вас не было, и я пробралась в покои, однако никакого дроида не нашла. Тут вы вернулись и погнались за мной. Я испугалась, — Ильсиар прикусила губу. — Простите. Мне стоило остановиться и рассказать, но... Я даже не могла помыслить, что Гиас пойдет настолько далеко!

Так вот как все было. Энакин посмотрел на нее внимательно, испытующе, но, похоже, Ильсиар не лгала — несмотря на ее слабенькие способности, закрыться она не пыталась, и ее чувства были для него как на ладони. Ей правда было больно и стыдно. Он покачал головой:

— Не тревожьтесь, Ваше Высочество. Мы живы, и это главное.

А ведь Гиас казался таким искренним, таким честным, подумал он. И чуть не поджарил их походя, ради своей мести. Неужели это он приказал Шуа убить собственного брата-близнеца? По спине Энакина пробежал холодок.

— Но как вам удалось выбраться из дворца, Ваше Высочество? — спросил Органа.

— После того, как отец раскрыл тайну происхождения Гиаса и поднял вопрос о передаче титула, в столице поднялась неразбериха. Гвардия... многие из них уже не знают, кого должны защищать. Несогласные с моим отцом бегут в Лунную крепость. Я не могла усидеть на женской половине и снова выбралась, прокралась в покои Гиаса, чтобы понять, что происходит. И услышала, как Гиас обсуждает с моим отцом план послать в крепость своих людей под видом сторонников Анвара. Я поняла, что он задумал что-то дурное, и спряталась в транспорте с его слугами. Войти вместе с ними во дворец днем было невозможно — я слишком заметна полностью в черном, поэтому я дождалась ночи. Мне чудом удалось проскользнуть через защитный купол — признаться, я подозвала охранника у шлюза, сняла капюшон, а когда тот остолбенел,

внушила ему, что он должен меня впустить.

— Внушили? — удивленно спросил Органа. Ильсиар кивнула.

— Женщины Арании обладают особым даром — мы можем дурманить разум других людей, немного, по мелочи. Это строго запрещено — мы вообще не имеем права открывать свой третий глаз, но мне было уже все равно. Я никогда не пользовалась этим и не была уверена, что у меня получится, но охранник впустил меня. И тут вы снова меня заметили!

— Я почувствовал неладное. Это, как и ваше внушение, проявление Силы. Похоже, аранийцы в какой-то мере наделены чувствительностью к ней, а третий глаз помогает ее фокусировать?.. — предположил Энакин. — Вы ведь не знали, куда бежать?

— Понятия не имела, — покачала головой Ильсиар. — Но все же попала в спальню Анвара. Он едва успел спрятать меня за балдахин, когда вы ворвались.

Энакин покачал головой. С языка так и рвалось отчитать ее за то, что она не открылась ему сразу, но чему это теперь поможет? К тому же он понимал, что ей, никогда не показывавшейся ни одному мужчине кроме своего супруга и любовника, было не так-то просто решиться на это.

— Что произошло дальше?

— Я рассказала Анвару, что Гиас послал в Лунную крепость своих людей, и они уже во дворце под видом лояльных сторонников. Я долго уговаривала его бежать вместе — добраться до космопорта и улететь, но он не хотел оставлять Аранию... Я плакала — и потом задремала, а когда проснулась, в спальне уже были Его Светлость Органа и Шуа. Шуа держал Анвара на прицеле. Он заставил его установить что-то на полу, а потом забрал у Его Светлости Органы комм-линк и вызвал вас, посреди передачи растоптав комм-линк каблуком. Я не знала, что делать! Если бы я набросилась на Шуа, тот мог бы застрелить

Анвара... — она снова заплакала. — Как я могла знать, что он собирается его убить?

— Вы не могли, — успокаивающе сказал Органа. — Даже я не ожидал, что Шуа поступит таким образом. Он принес мне и охранникам чай, но я не стал пить — не хотелось после кафа. Через несколько минут гвардейцы вдруг упали; я сразу же вбежал в спальню, чтобы вывести Его Величество, но Шуа был уже там и держал его на прицеле. Я был вынужден отдать ему бластер и комм-линк — стрелять, рискуя жизнью Его Величества, я не осмелился, — он поморщился. — Возможно, стоило.

Энакин положил ладонь ему на плечо:

— Вы все правильно сделали. Риск был слишком велик.

— Я не знаю, как Гиас на это решился, но, боюсь, он больше не тот добрый человек, которого я знала, — прошептала Илсьиар. — Бедные Ярим и Шуа стали для него разменными фишками. Мне не хочется верить, что Гиас приказал убить Анвара, но... Возможно, когда я сбежала, он окончательно потерял разум, — в ее глазах плескалась глубокая боль.

— Нет, — с отвращением возразил Энакин. — Все это было спланировано. Прошлой ночью я видел, как Шуа выходит из покоев неймодианцев — но не придавал этому значения. А, похоже, именно через Шуа неймодианцы и Гиас договорились — очень уж вовремя посол Марр оказался у покоев Анвара и начал призывать к нашему убийству. Кажется, все это было продумано заранее. Может быть, они договорились еще до всех событий.

Органа покачал головой.

— Нет. Выглядит так, будто Гиас изначально действительно хотел союза с Республикой — и пытался подставить брата и неймодианцев при помощи перепрограммированного дроида и нашего убийства. Но мы выжили, а Анвар сбежал из-под ареста, и все вышло из-под

контроля. Совет раскололся, как и народ, и рано или поздно мы докопались бы до правды о взрыве. Так что Гиас, видимо, решил поменять сторону на ходу.

— И он взял в заложники Ярима и заставил Шуа отправиться сюда, — Энакин потер переносицу. — Я ведь еще удивился, почему Ярим остался в столице, тогда как Шуа здесь.

Органа кивнул.

— Похоже, через Шуа Гиас связался с неймодианцами и предложил им сделку. Он решил подставить нас, создав видимость, что мы убили халифа — благодаря этому он не только устранит брата и займет трон уже по праву, но и сможет отказаться от союза с Республикой и призвать на помощь сепаратистов. Главное, потом быстро устранить и нас — и вот зачем в Лунную крепость прибыли его замаскированные сторонники. Полагаю, неймодианцев это вполне устроило — посол Марр и правда был в ударе, призывая нас убить. Не арестовать — именно убить. Потом сказали бы, что мы оказали сопротивление при аресте.

— Но почему Шуа убил себя вместе с Его Величеством? — с горечью спросил Энакин. — Неужели и это ему приказал Гиас?

— Ни один араниец не смог бы жить дальше, убив своего халифа, — тихо сказала Ильсиар. Она была совсем бледна, но слезы высохли. — Гиасу даже не нужно было приказывать.

— Впечатляющая интрига, — Органа вздохнул. — Но они не учли одного. Со мной один из лучших джедаев Ордена, и уничтожить нас не так-то просто.

Энакин прикусил губу. Это ведь неправда. Из-за того, что он ушел отдыхать, из-за того, что затем испугался, позволил привязанности взять над собой верх, все и случилось. К тому же, если бы Органа не взял его меч и не прикрыл их, давая ему время, чтобы разорвать сеть, его и правда бы убили — легкую неподвижную мишень. Он ничего не

сделал. Анвар и Шуа умерли, Арания в руках Гиаса и сепаратистов, а Органа его еще и хвалит.

Тот, заметив, по-видимому, его изменившееся выражение, сжал пальцы на его предплечье.

— Энакин?

Это моя вина, хотел сказать Энакин. Я вовсе не лучший джедай Ордена.

Но один урок он все же выучил хорошо: сначала дело.

— Нужно узнать, что происходит снаружи, — сказал он. — Ваш датапад с вами?

Органа вытащил из-за пазухи датапад и стал листать местный голонет. Одна из лун выглянула из-за тучи, и призрачный свет стал ярче. Энакин запрокинул голову, взглянув на постамент — там снова начал проявляться эфемерный образ. Ого, да это та женщина...

Рядом громко ахнула Ильсиар.

— Знаете ее? — спросил Энакин, и Ильсиар медленно кивнула:

— Я думала, это легенда... Я не раз пробиралась в дворцовую библиотеку и читала все подряд, и однажды в очень старом голокрене мне попало упоминание о женщине-правительнице. Ее звали Дария, она была ученой... Видите этот свиток? Это ее атрибут. Невероятно... Неужели когда-то женщины Арании были не просто красивыми вещами?

— Мне жаль отвлекать вас от исторических изысканий, но новости не очень хорошие, — сказал Органа. — Гиас объявил о том, что мы убили халифа, и что он порывает с «вероломной Республикой». Боюсь, как только генерал Пло Кун прибудет сюда, сепаратисты вступят в бой, а их флота тут уже немало. Ну и, вероятно, нас скоро найдут — и снова

попытаются убить. Нужно отсюда выбираться.

— Так мы ситуацию не исправим, — возразил Энакин. — Нам нужен живой участник заговора, который будет свидетельствовать против Гиаса. Только так мы сможем уберечь Аранию от владычества сепаратистов. В этом ведь наша миссия.

Органа перевел изучающий взгляд на Ильсиар, и та слегка втянула голову в плечи.

— Боюсь, на Арании мне будет трудно свидетельствовать... Мои слова не имеют никакой силы. Даже если я расскажу правду, мне не поверят. Это в лучшем случае. В худшем никто не будет меня слушать.

— У меня есть план получше, — Энакин оскалился. — Возьмем в плен Марра и заставим его признаться во всем и отвести войска. Думаю, я смогу его захватить. Здесь вы будете в безопасности — сейчас в крепости не осталось никого из королевского рода, с достаточно сильной чувствительностью к Силе, чтобы открыть дверь.

— Ничто не мешает им кинуть гранату через решетку, — возразил Органа.

— В священный зал? Вряд ли, — Ильсиар покачала головой. — По крайней мере, они не сразу на это решатся.

— Я успею, — Энакин поднялся.

Органа потянулся снизу вверх и взял его за руку, останавливая:

— Ты уверен? Не лучше будет все-таки попытаться прорваться к какому-нибудь транспорту?

— Уверен. Разве не вы сказали, что я один из лучших джедаев Ордена? Вот и верьте в меня, — Энакин криво усмехнулся. Он должен все исправить.

Органа несколько мгновений молчал, просто глядя на Энакина снизу вверх, и у того глухо застучало в висках.

— Хорошо, — сказал Органа наконец. — Сделай это и возвращайся. Без тебя мы точно отсюда не выберемся, так что постарайся не попасть в очередную электромагнитную ловушку, — он добродушно усмехнулся.

Энакин фыркнул в ответ — и, коротко сжав его ладонь, вышел.

(14)

Снова оказавшись в темном зале, где, по счастью, до сих пор было пусто, Энакин на мгновение прислонился к стене. Все тело ломило, боль от ожогов теплилась на краю восприятия, словно тлеющие угли. Энакин сосредоточился и сделал несколько глубоких вдохов, с каждым из них прогоняя Силу через себя — через каждый меридиан, по кругу. Это была болезненная, но эффективная техника быстрого восстановления. Ей пользовались редко — она давала приток энергии, но при этом чистая Сила как будто выжигала изнутри. Через несколько часов он свалится. Но пока — пока нормально.

Закончив, Энакин коротко выдохнул через нос и открыл глаза. Бесшумно и быстро он двинулся обратно к покоям халифа.

Их явно продолжали искать, однако людей Гиаса было уже меньше. Похоже, довольно многих Энакину удалось вывести из строя при первом нападении, когда они вломились в покои Анвара толпой. Он старался не убивать — отражая выстрелы, метил в ноги и в руки, но и этого было достаточно, чтобы охладить пыл у тех, кому прилетело. Впрочем, пару раз он все же наткнулся на вооруженные отрядики из нескольких аранийцев, прочесывающие дворец. Спрятаться с его чутьем труда не составило. Он вообще не понимал, на что они рассчитывают. Если убить его, спеленутого электромагнитной сетью и в силовых наручниках, у них еще был шанс — то вот так...

Успешно избегнув ненужных встреч, Энакин добрался до покоев

халифа, однако там никого не оказалось. В том числе не было и тел Анвара и Шуа. Где же Марр? Прикрыв глаза и сосредоточившись, Энакин вскоре ощутил, что множество людей сейчас находится в приемном зале. Однако уловить в этом сонме волнующейся Живой силы образы неймодианцев не представлялось возможным.

Откуда вообще так много людей? Неужели во дворец запустили всех, кто прибыл в Лунную крепость поддержать Анвара? Неплохо, с неудовольствием подумал Энакин. Когда во дворце столько людей, знающих, кто убил халифа — «убийцам» куда сложнее спрятаться. На удивление умная стратегия, посол Марр, не ожидал...

По дороге к приемному залу людей и правда становилось все больше. Лишь Сила помогала Энакину вовремя укрыться от попадающих по дороге аранийцев. То и дело прячась в простенках и за драпировками, он мало-помалу подобрался к приемному залу и юркнул в скрытый в стене коридор для слуг.

Выглянув из-за истрепанной занавеси, он увидел, что в зале собралась целая толпа. Стояла почти полная тишина. Редкие приглушенные голоса были полны горя.

Перед тронным возвышением на постаменте лежало убранное под белую вуаль тело халифа.

Сердце Энакина болезненно сжалось, и он поспешно ушел в тень пыльной драпировки. Простите, Анвар... Я не смог спасти вас, но Аранию я спасу. Он сжал зубы.

Неймодианцев в зале не было. Возможно, Марр устал руководить поимкой «убийц» и отправился восстановить силы в свои покои?

Тем же манером Энакин добрался до знакомой двери. Ах, если бы он сразу поинтересовался, откуда выходит Шуа! Если бы он понял...

Судя по количеству охраны в коридоре догадка оказалась верной, посол был внутри. Энакин, немного поразмыслив, сделал круг через

заброшенную анфиладу, которую заметил прошлой ночью, и оказался с другой стороны покоев. Как он и думал, здесь тоже был вход для слуг. Возле него скучал один из людей Гиаса, однако Энакин вырубил его без всякого труда.

Крадучись, он проскользнул за низкую дверцу, прошел по узкому коридорчику и выглянул из-за драпировок. За ними был полутемный кабинет. Эти покои были явно богаче, чем предоставили им с Органой.

Занимался рассвет, и в блеклых лучах поднимающихся к горизонту солнц кружилась пыль. Кабинет был пуст; зато из приоткрытой двери спальни падал сноп света и доносились голоса.

— ...Мы все еще не нашли их, Ваша Светлость, — это определенно был посол Марр. Голос ответившего был тих и искажен передатчиком, но Энакин тоже его узнал: Гиас. Только речь изменилась — из спокойной стала резкой и рубленой:

— Что ж, раз вы не можете их найти, обо всем позабочусь я. Вы должны...

Марр подошел изнутри к двери и закрыл ее; Энакин прикусил губу — слова теперь было не разобрать. Впрочем, неважно, что там Гиас командует своему сообщнику — все равно тот сейчас будет пойман.

Дождавшись конца беседы, чтобы не давать Гиасу сразу понять, что Марр попался, Энакин снял с пояса меч — и толкнул дверь в спальню.

Ему хватило мгновения, чтобы оценить обстановку: вот широкое ложе, вот пара кресел у закрытого занавесями окна, дверь во френчер. Посол Марр был один и как раз убирал в складки своих длинных одеяний голопередатчик. На звук распахивающейся двери он обернулся, и на зеленоватом лице проступило изумление. Уже в следующий момент Энакин был рядом с ним. Приставив яркий клинок к морщинистому горлу, он сказал:

— Пикнете — и останетесь без головы. Где наручники? Уверен, они у

вас где-то есть, вы же не были столь глупы, чтобы заpastись лишь одними...

— Ви! Стойте... Ви не понимаете...

Энакин поднес меч ближе, так, чтобы неймодианец почувствовал жар.

Марр, спав с лица, замолчал и трясущейся рукой указал на большой металлический кейс за кроватью. Энакин сразу узнал его — в таких сепаратисты перевозили оружие. Удерживая Марра перед собой, Энакин подошел к кейсу и велел:

— Доставайте и надевайте. И без фокусов!

Марр очень убедительно сглотнул, и Энакин опустил меч — готовый, впрочем, в любую секунду им воспользоваться. Испуганно косясь на него, Марр осторожно наклонился и открыл кейс. В гнезде на мягкой подложке действительно лежали еще одни силовые наручники; о, сепаратисты хорошо подготовились к борьбе с джедаями, создали много специального оружия. Остальные гнезда, круглые, были сейчас пусты.

Когда Марр отдал ему ключ и защелкнул на себе браслеты, Энакин кивнул на выход:

— Вперед.

Они прошли через темный кабинет быстро и молча. У скрытой двери Энакин подтолкнул неймодианца вперед. Они прошли мимо лежащего в отключке охранника; больше в этой анфиладе пока никого не было. Энакин шел сзади с зажженным мечом.

Он молил Силу, чтобы им никто не встретился — прятаться с высоченным неуклюжим неймодианцем было неудобно. Однако это было бы слишком большой удачей. Из бокового коридора на них вышли двое мужчин — уже знакомый Энакину старик и какой-то мужчина помоложе.

Увидев его, старик распахнул глаза. Энакин знал, что может молниеносно приблизиться и вырубить его — но в последний момент пожалел.

Конечно же, тот закричал.

— Эй! Это он! Убийца халифа! Стража!

Из-за угла высыпали люди с оружием; Энакин отступил к стене, прижав к себе замешкавшегося Марра.

— Нье стрелять! — жалко проблеял тот, вздергивая голову подальше от меча. — Сложьте оружие! Я посол союзной Арании Конфедерации! Нье стрелять! Бросьте! Бросьте их!

Аранийцы переглянулись — и нехотя сложили бластеры на пол.

— Не смейте нас преследовать, или я отрежу ему башку, — пригрозил Энакин, отступая в свободную часть коридора. Он, конечно, блефовал, но его единственный шанс сейчас был — добраться до Лунного зала, и, желательно, без сопровождения. Чем дольше никто не узнает, где они прячутся, тем лучше.

Он сделал несколько шагов назад, все еще прикрываясь Марром.

Предчувствие кольнуло взглядом в спину. Энакин, отпустив Марра, развернулся и отмахнул выстрел. Подобравшийся сзади гвардеец из свиты Анвара выронил бластер и осел на пол, зажимая плечо.

Энакин оглянулся — Марр с поразительной скоростью улепетывал от него на карачках. Аранийцы с другой стороны коридора подобрали свои бластеры и тоже начали палить. Энакин, сцепив зубы, отбил все выстрелы, стараясь хотя бы не попасть в разбегающихся как вампкрысы гражданских.

Не прошло и нескольких мгновений, как на полу лежали все, кроме

них с Марром. За это время тот, впрочем, успел переместиться довольно далеко и вот-вот скрылся бы за поворотом. Энакин вскинул руку и ухватил его за шиворот Силой.

Марр захрипел, цепляясь за впившийся в горло ворот. Энакин рывком подтащил его себе — и, по-видимому, переборщил: Марр обмяк, лишившись сознания. Энакин выругался и наклонился над ним, щупая пульс. Тот был. Решив, что произошедшее и к лучшему, Энакин прихватил неймодианца за шиворот и просто поволок его за собой. Так будет быстрее.

До запустелого центрального сектора дворца вокруг Лунного зала им удалось добраться уже без приключений. Почти: один раз Энакин все же едва не наткнулся на аранийцев и едва успел затолкать Марра за драпировку. Неймодианец дышал, но в себя приходит не спешил. Энакин волок его так быстро, как только мог, молясь, чтобы аранийцы все еще не обнаружили, где они прячутся.

Им повезло — вокруг Лунного зала пока было тихо. Похоже, никому еще не пришло в голову, что они могут настолько обнаглеть, чтобы забраться в запретную часть дворца. Энакин прикоснулся к решетке и, когда та открылась, втащил Марра внутрь.

— Энакин! — Органа выбежал навстречу и помог отволочь Марра за постамент. — Что с ним? Он жив?

— Да. Я немного переборщил с захватом, — Энакин поморщился. Он никогда раньше так не делал — не хватал Силой людей, но какой у него был выбор? Еще мгновение, и тот бы скрылся.

Он наклонился над Марром и похлопал того по серым щекам:

— Посол! Просыпайтесь!

Как он и думал, обморок был не слишком глубоким — Марр закашлялся и, приоткрыв глаза, осоловело поглядел по сторонам. Встретившись взглядом с Энакином, он резко распахнул глаза и

дернулся, попытавшись отползти, но Органа удержал его за плечо на месте.

— Не так быстро, посл.

— Что, что вы со мной сделали? Гдье... Гдье ми?

На его лице вдруг отразился искренний ужас, он резко сел и вцепился в руку Энакина:

— Мы все еще во дворце? Немедленно! Надо бежать!

— Что вы несёте? — Энакин с отвращением стряхнул с себя его цепкую ладонь.

— Сколько прошло времени? Надо улетать, надо улетать отсюда немедленно... — в выпуклых оранжевых глазах светилась настоящая паника.

— Да в чем дело? — рыкнул Органа, и Марр повернулся к нему.

— Его Светлость приказал установить заряды! С таймером на час! Скоро тут все взлетит на воздух!

Тут отшатнулся уже Энакин.

— Вот же криффов сын! — он поглядел на хроно — прошло минут двадцать с разговора Марра с Гиасом. Нужно немедленно что-то делать. — Вызывайте его! Наверняка у зарядов есть дистанционное управление. Вы должны заставить Гиаса отключить таймеры!

Марр трясущимися руками зашарил в складках своей мантии и, когда терпение Энакина было уже на исходе, наконец достал голопередатчик. Соединение устанавливалось долго, Энакин успел десять раз покрыться холодным потом. Что, если Гиас не ответит? Однако через пару минут тот все же показался над пластиной голопроектора.

— Ваша Светлость! — запричитал Марр. — Вы должны отменить план! Джьедай взял меня в плен! Мы не успеем вылететь...

Повисла пауза. Гиас просто смотрел на Марра, а Марр, трясясь, смотрел на него в ответ. Наконец Гиас сказал:

— Мне очень жаль, посол, но вы сами виноваты. Я предупредил вас заранее, чтобы вы могли эвакуироваться. Я не буду отменять план.

— Ч-что?.. Вы нье смейете! — Марр явственно потерял дар речи. — Вы лишитесь поддержки Конфедерации...

— Не лишусь — это ведь будет несчастный случай. Взрыв райдония под крепостью... Это очень нестабильный элемент. Такое случается. К тому же, наверняка многие ваши соотечественники будут только рады занять ваше место в Торговой Федерации. Ведь судя по легенде, что вы рассказывали нам в день прибытия, подсадить кого-то — это у вас главный спорт. Я найду, с кем вести дела.

— Я сообщью нашему флоту!..

— Не сообщите. В Лунной крепости нет передатчиков дальнего действия, способных послать сигнал на орбиту, а от общей голосети мои люди крепость уже отключили. Остался только этот канал.

Марр беспомощно открыл и закрыл рот. Он выглядел по-настоящему шокированным.

Ильсиар вдруг шагнула к нему и выхватила голопередатчик из скованных рук.

— Гиас! Не делай этого! Здесь множество невинных людей! Как ты можешь?! — выкрикнула она.

— А, и ты там, Ильсиар, — в голосе Гиаса не прозвучало никаких эмоций, кроме равнодушия. — Уже не стесняешься никаких мужчин?

Что же. Отвечу тебе так: очень даже могу. Один взрыв — и у меня больше нет ни неверной жены, ни лояльных моему брату подданных, ни говорливых республиканских свидетелей.

— Гиас! — Ильсиар едва не плакала. — Не делай этого! Накажи только меня, это я виновата! Не они!

Гиас на голограмме вдруг обернулся и что-то кому-то ответил; Энакин уловил:

— Да, она там... Да какая разница теперь?

Затем Гиас снова повернулся к проектору.

— Прощай, Ильсиар. Прощайте, сенатор Органа, генерал Скайуокер, — он равнодушно поклонился. — У вас осталось примерно полчаса жизни, и вы точно не успеете выбраться из Лунной крепости. Так что советую вам не пытаться мне помешать, а наконец заняться тем, чего вы на самом деле хотите.

Связь прервалась.

Энакин прикрыл глаза. Он припомнил пустые гнезда в оружейном ящике. Прихватив Марра за шиворот, он слегка потрянул его:

— Это ваши бомбы установили люди Гиаса? Какие именно? Сколько их было?

— ФТ-725! Четыре! — Марр лязгнул зубами, когда Энакин еще раз потрянул его, чтобы быстрее соображал.

— Скорее всего, мы и правда не успеем эвакуировать людей, но попытаться надо. Марр, идите и выгоняйте всех к посадочным площадкам! Бейл, заберите Ее Высочество и поспешите к ближайшему транспорту. Я постараюсь при помощи Силы найти и обезвредить заряды. Я уже имел с такими дело.

Органа резко покачал головой:

— Когда мы приехали, мы добирались сюда от посадочной площадки больше часа. Никакого наземного транспорта во дворце нет. Даже если мы удалимся от дворца, под нами целая жила райдония! Взрыв затронет огромную площадь. Бежать бессмысленно, Энакин. Лучше мы поможем тебе искать взрывчатку.

— Да. Я помогу, — сказала Ильсиар. Она была очень бледна после разговора с Гиасом, но очень сосредоточенна. — Если вы объясните мне, как — думаю, я смогу попытаться почувствовать, где их искать...

Энакин прикусил губу. Органа был прав, но как же хочется отправить его подальше... Нет, сказал он себе. Один раз я уже пошел на поводу у чувств, как не подобает джедаю. Хватит.

Он нехотя кивнул и отдал Органе ключ от наручников.

— Выпустите Марра, пока я покажу Ильсиар образ, — велел он. — Только заберите у него передатчик.

Он перевел на Марра злой взгляд.

— Эвакуируйте людей, посол Марр. И не вздумайте бежать.

Когда Органа занялся наручниками неймодианца, Энакин взял Ильсиар за руки.

— Закройте глаза и расслабьтесь.

Она рвано вздохнула. Энакин снова почувствовал ее присутствие в Силе, зацепился за него — и впустил ее в свой разум, словно в парной медитации. Вот. Образ ФТ-725: круглые небольшие заряды с таймером обратного отсчета. Они... Он сконцентрировался, пытаясь уловить отсчитывающую мгновения смерть Силой. Они... внизу. Темное пустынное помещение... Подвал!

— Поняла, — выдохнула Ильсиар, хмурясь. И в этот момент Энакин почувствовал кое-что еще. Его глаза распахнулись.

Второе сердцебиение.

— Ильсиар. Вы что, беременны? — спросил он и осекся, когда она подняла на него больные и отчаянные глаза. «Это ребёнок Анвара?» — молча спросил Энакин. Ильсиар чуть сомкнула ресницы, без слов отвечая: да.

Вернулся Бейл, прервав их.

— Мы готовы?

— Да, — Энакин вернулся к реальности. Если они не поторопятся, этому ребенку точно не выжить. — Слушайте меня внимательно, Бейл. Чтобы отключить бомбы, нужно открыть кожух, и, не трогая пластинку взрывателя, осторожно отсоединить левую клемму. Ту, которая на черном проводе. Справитесь?

Бейл кивнул.

— Тогда вперед.

В подвал они спустились, никого не встретив — Энакин чувствовал кипение Живой силы где-то в жилых частях дворца: по-видимому, Марр все-таки не ослушался, и велел аранийцам бежать.

Спустившись вниз, они разделились. Ильсиар и Бейл побежали направо, Энакин налево. Ориентируясь по чутью, он вскоре нашел первую бомбу: она была примагничена к колонне. Таймер показывал 19 минут 37 секунд.

Сосредоточившись, Энакин подцепил кожух; внутри было ровно так, как он помнил: черный провод вел к пластинке взрывателя. Осторожно, почти не дыша, Энакин взялся за клемму — и отсоединил ее. Таймер остановился. Энакин перевел дух. Он молился, чтобы

Ильсиар хватило способностей, а Бейлу — осторожности. Если тот дернет взрыватель...

Энакин сглотнул, отмечая страшный образ. Впрочем, умрут они в этом случае все вместе — стоит хоть одной бомбе сработать, и нестабильный райдоний под ними тоже сдетонирует.

Усилием воли выкинув мрачные мысли из головы, Энакин побежал дальше. Те, кто устанавливал бомбы, не могли установить их слишком далеко друг от друга — они экономили бы время, чтобы точно успеть добраться до кораблей и улететь, подумал он. Вскоре он действительно нашел и обезвредил еще одну заряд. И взял правее, туда, куда ушли Ильсиар и Бейл.

Подземные коридоры змеились перед ним, раздваивались и ответвлялись. Воздух был затхлым, на каждом шагу поднималась пыль. Стены вдруг мотнуло перед глазами, и Энакин запнулся; резко навалилась боль.

Вот и подходит к концу завод.

Иди, приказал себе Энакин. Он вдруг почувствовал, что еще одна угроза перестала существовать. Бейл и Ильсиар справились с третьим зарядом!

Энакин бежал и чувствовал, как утекают мгновения. Осталось так мало времени... Ужас поднимался из глубины души, но он успешно его давил.

Они с Органой выскочили к последней бомбе одновременно.

Вот она — мигающий красный глаз в переплетении труб. Таймер показывает: шесть секунд... Пять...

Не успеть. Энакин рванулся к бомбе, уже зная, что это зря.

Бейл вдруг заступил ему дорогу, закрывая собой. И обнял.

Три... Два.

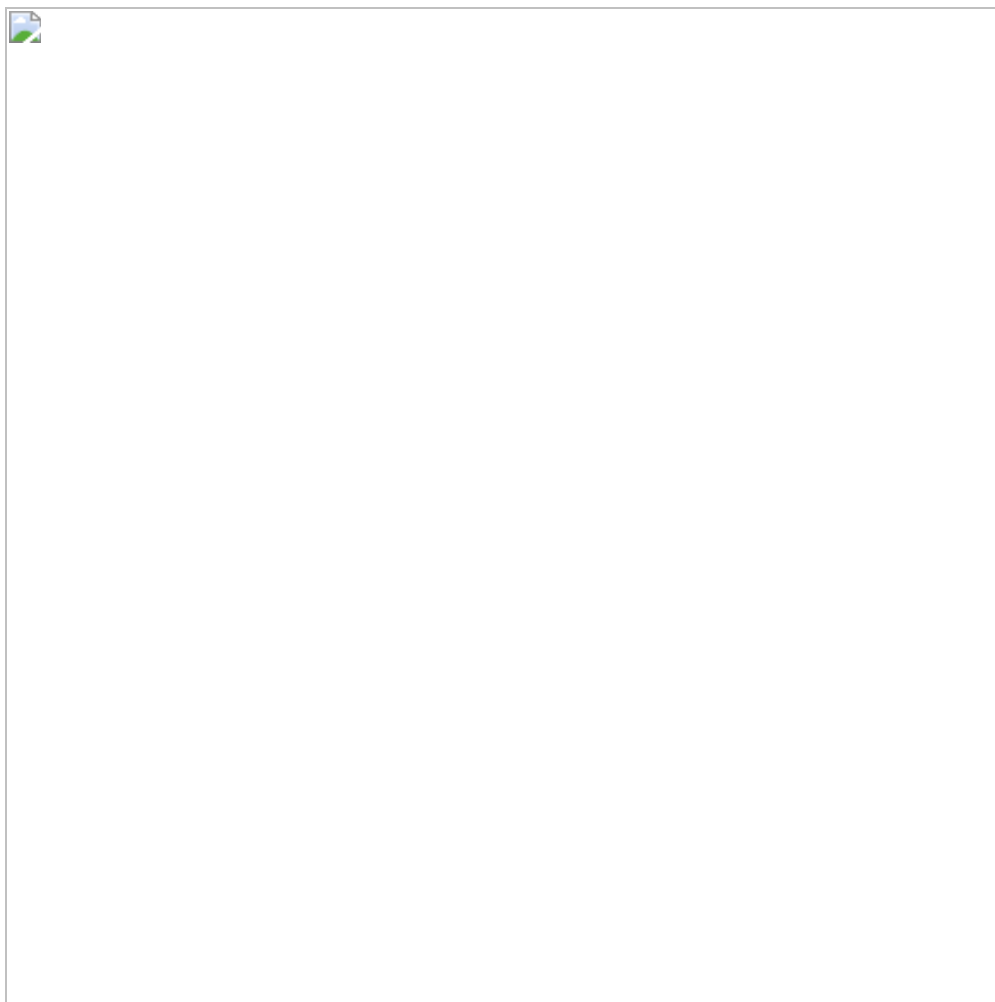
Их взгляды встретились. В темных глазах Бейла светились тепло и печаль. Где-то позади всхлипнула Ильсиар.

«...Чего на самом деле хотите», — прозвучало в голове эхом.

Энакин резко развернулся вокруг своей оси, меняя их с Органой местами — и закрывая его собой уже сам.

А потом прикрыл глаза и поцеловал.

...Один.

(15)

Поцелуй все длился и длился, и на миг Энакину показалось, что он просто не заметил, как умер, и это посмертие: горячие губы, нежные и властные, то навязывающие свой ритм, то уступающие. Руки: ласковые ладони на загривке, на щеке, подушечка большого пальца гладит скулу. Борода жестко касается кожи...

Резкий сигнал передатчика вырвал из наваждения. Энакин отпрянул; Органа тоже сделал шаг назад. Не отрывая темного взгляда, зашарил за пазухой.

Энакин, все еще слабо соображая, оглянулся на бомбу — таймер так и мигал на последней секунде.

Органа наконец достал передатчик, и над пластиной заколебалась голограмма: это был старейшина Зафар.

— Сенатор Органа! Слава Небу. Ильсиар, она в порядке?

Энакин перевел взгляд на аранийку — та все еще стояла, прижавшись к стене и закрывая руками живот. Услышав голос отца, она моргнула.

— Ильсиар в порядке, — ответил Органа, бросив на девушку краткий взгляд. — Что произошло? Где Его Светлость Гиас?

Изображение дернулось, пошло помехами, но затем снова выровнялось.

— Его Светлость застрелился, — скорбно сказал Зафар. — Перед смертью он отменил удар по Лунной крепости.

Ильсиар придушенно вскрикнула.

Энакин поморщился. Какое откровенное вранье. Он представлял себе,

как это было — видел такое уже не раз. Вот Гиас разговаривает с Ильсиар по голосвязи; в покои заходит старейшина Зафар. Вот он видит на голограмме дочь и спрашивает о ней — и Гиас говорит, что ему все равно, что с ней будет. Зафар стоит за его спиной; взгляд мечется с голопередатчика на Гиаса и обратно. И когда Гиас отключает связь и разворачивается к Зафару, на него уже смотрит дуло бластера. Вспышка...

Энакин шагнул к бомбе, вскрыл ее и осторожно отсоединил взрыватель. Теперь они точно в безопасности.

По-видимому, увидев что-то в выражении лица Органы, Зафар с нажимом повторил:

— Его Светлость не вынес гибели брата. Также стало известно, что это посол Марр стоял за покушением на уважаемых послов и убийством Его Величества Анвара. Он подкупил дворцового слугу, обеспечил его оружием, и тот заманил уважаемых послов в ловушку и подставил. Мне очень жаль, что на вас обрушились несправедливые обвинения. Теперь, когда нечистоплотность Конфедерации подтвердилась, Арания, конечно же, заключит союз с Республикой.

Уму непостижимо, подумал Энакин. Этот человек участвовал в попытке убить их, потом подставить, потом снова убить; он погубил и халифа Арании, и эмира — и сейчас как ни в чем не бывало делает вид, что ни к чему не причастен. Конечно, он спас их шкуры от гибели во взрыве, и он пойдет на все условия Республики, лишь бы они с Органой не вмешались и не раскрыли правду, но...

Ильсиар вдруг издала полный ненависти звук и шагнула к Органе, в видимость передатчика.

— Ты! Ты ведь с Гиасом заодно! А теперь убил его и решил сделать вид, что не участвовал в заговоре?

— Ильсиар! Как ты смеешь... — Зафар повысил голос, но Ильсиар только оскалилась.

— Это ты во всем виноват! — выкрикнула она. — Анвар умер из-за тебя! А теперь ты погубил еще и Гиаса! Все из-за твоей жадности, из-за твоих козней...

— Заткнись сейчас же, девчонка! — выкрикнул Зафар. — Убив Гиаса и отменив взрыв, я спас твою жизнь! Ему было все равно, что ты взлетишь на воздух вместе с Лунной крепостью! И ты еще и смеешь меня обвинять? Ты вернешься во дворец и будешь сидеть тихо! Лекарь все сказал мне! Твой ребенок теперь — законный правитель Арании, и я не позволю тебе ему навредить!

— Ах, так вот в чем дело, — Ильсиар засмеялась. — Прознал о младенце и хочешь стать регентом? Правильно, ведь в отличие от Гиаса, мой сын не будет тебе перечить еще двадцать лет... Но вот что я тебе скажу: этому не бывать! — она вдруг выбила передатчик из руки Органы; тот шваркнулся об пол и разлетелся на части.

Органа даже бровью не повел. Энакин, вздохнув, наклонился, чтобы поднять детали — починить он сможет практически что угодно, а связь им все же не помешает.

Ильсиар тяжело дышала и кусала губы, очевидно силясь не заплакать.

— И каков план, Ваше Высочество? — мягко поинтересовался Органа.

— Вы можете забрать меня с Арании?

Органа вздохнул.

— Теоретически можем, но на практике это приведет к большим осложнениям, — ответил он честно. — Союз с Аранией очень важен Республике, Ваше Высочество.

Энакин просто потерял дар речи.

— Ну уж нет. Мы не должны это так оставлять! Нужно прижать

старейшину Зафара, заставить его признаться в участии в заговоре. Вынудим Марра свидетельствовать.

— Боюсь, посол Марр уже на полпути к своему кораблю, и обратно мы его не вернем, — Органа покачал головой. — Именно поэтому старейшина Зафар так легко все на него свалил.

— Крифф. Ильсиар?

— Мы ведь уже говорили об этом — Ильсиар просто не имеет права голоса. Боюсь, свидетельствовать теперь некому, Энакин. Убив Гиаса, Зафар основательно спрятал в воду все концы. У нас с тобой нет доказательств.

— То есть, Зафар станет регентом при ребенке Ильсиар, и мы просто с этим согласимся? — с возмущением спросил Энакин.

— Ну... — Органа потер переносицу. — Возможно, есть один способ. На некоторых планетах будущая мать правителя получает все связанные с его положением полномочия и может править от его имени до его фактического рождения. Скажите, Ваше Высочество — вы сможете взять на себя эту роль, если мы поможем добиться такого исхода?

Ильсиар посмотрела на него поражённо:

— Не думаю, что у вас получится это сделать, сенатор. На Арании никогда не правили женщины.

Органа внимательно посмотрел на нее.

— Но ведь это не так, — мягко поправил он. — Вы сами видели лунный памятник. И сами читали легенду о Дарии.

Лицо Ильсиар сделалось растерянным.

— Возможно, что-то о Дарии есть в архивах Лунной крепости, —

предположил Энакин. — Скорее всего, все уже эвакуировались, и мы сможем спокойно добраться до инфоцентра и скопировать данные.

— Что скажете, Ваше Высочество? Решайтесь, — Органа улыбнулся. Энакин вдруг понял, что, вопреки всякому здравому смыслу и цели миссии, сенатора увлекает предполагаемая авантюра.

Ильсиар обернулась к Энакину.

— Тот пир в честь вашего прибытия... Я тайно пробралась в зал и слушала ваши легенды. Ваша легенда, генерал Скайуокер, оказалась пророческой, — сказала она с глубокой тоской. — Но нельзя допустить, чтобы из-за раздора между братьями Арания тоже погрузилась во тьму. Мой отец — дурной человек, он не заслуживает быть регентом. Мы вряд ли сможем что-то поменять, хотя женщины Арании и достойны большего, чем быть вещами наших отцов и мужей. Но... давайте попробуем.

Энакин опасался, что у них могут возникнуть проблемы, когда они поднимутся из подвала — для всех в Лунной крепости они все еще были убийцами халифа. Однако во дворце уже никого не было — по-видимому, Марр навел достаточно паники, чтобы его послушали.

Некоторое время ушло на поиски управляющего центра; потом Энакину пришлось повозиться с подключением датапада Органы к главной консоли — все здесь было очень древним. Благодаря этому программа подбора кодов доступа сработала очень быстро, и вскоре копия дворцового архива была у них. Исследовать ее решили на обратной дороге.

Путь до шаттла дался Энакину нелегко — солнца уже почти поднялись к зениту, и пекло немилосердно, а он и так уже был на пределе. К тому же Сила тревожила его, касалась невидимыми ладонями разума, но не было никакой возможности сосредоточиться и понять, в чем дело.

Широкий и длинный выжженный солнцем проспект был пуст. Вдали с

посадочных площадок все еще взлетали запоздавшие шаттлы. Энакин прищурился, глядя на небо — что-то в выморочной белизне было не так, но что?

— Вон тот шаттл садится, — сказал Органа. — Думаю, это люди Гиаса, которые были в Лунной крепости. Зафар развернул их, чтобы они забрали Ильсиар.

Энакин облизнул пересохшие губы.

— Прижмемся к домам и будем надеяться, что нас не заметят.

У подножий небоскребов нанесло песка. Идти стало тяжелее; Органа вел Ильсиар под руку, и Энакин подумал, что тоже не отказался бы сейчас на ком-то повиснуть. Все болело, и вперед он шел, кажется, на одном только чистом упрямстве.

Увы, на посадочной площадке их уже ждали. Несколько аранийцев с бластерами на поясе, целомудренно отведя глаза, поклонились:

— Ваше Высочество, старейшина Зафар послал нас за вами. Уважаемые послы также могут отправиться с нами в столицу.

Энакин поймал взгляд Органы и положил ладонь на рукоять меча.

— Спасибо за щедрое предложение, но мы долетим сами, — сказал он; голос охрип, и на зубах скрипели крупинки песка. А потом все вокруг поплыло в жаркой дымке, и Энакин понял, что заваливается набок. Колени коснулись белого камня, вскрикнула Ильсиар...

...Он пришел в себя в шаттле — знакомая вибрация полета была первым, что он почувствовал. Вторым ощущением было тепло под щекой. Плавные подъемы грудной клетки — дыхание. Знакомый аромат смолы и амбры.

Он отстранился — слишком поспешно, снова закружилась голова.

— Спокойно, — Органа придержал его. — Все относительно в порядке. Мы летим в столицу. Как ты себя чувствуешь?

Запястье утонуло в горячей ладони, большой палец лег на пульс, и Энакин почувствовал заполненное биение своего сердца. Мелькнул в воспоминании поцелуй. Крифф...

— Энакин, — в голосе Органы слышалась встревоженность.

— Я в порядке. Простите, что я отключился и не смог нас защитить, — Энакин поморщился.

Органа отмахнулся.

— Скорее всего, нам не удастся помешать Зафару забрать Ильсиар, но это не сильно усложнит наши планы. Я уже сверился — традиция требует, чтобы при назначении регента ребенок-правитель присутствовал на Совете, значит, Ильсиар будет там. Нужно только организовать ей возможность говорить.

Энакин нашел глазами Ильсиар — та сидела напротив, бледная, с сомкнутыми губами. Встретив его взгляд, она оглянулась на охрану — и немного отвела в сторону лобное украшение.

Энакин сосредоточился. На второй раз контакт удалось установить легко.

«Не бойтесь, — постарался передать ей он. — Мы сделаем все необходимое. Ждите и будьте готовы действовать в любой момент».

Ильсиар медленно кивнула и прикрыла глаза.

Остаток полета Энакин пытался медитировать — нужно было собраться с силами, он и так позорнейше расклеился. А что, если бы на Органу напали, пока он валялся в обмороке? Отвратительно. Но тепло, исходящее от сидящего рядом сенатора, мешало сосредоточиться. В итоге Энакин снова задремал и пришел в себя

только к посадке.

Старейшина Зафар встретил их на посадочной площадке. За его плечом наготове стоял закрытый паланкин на гравиплатформе.

Ильсиар, снова в глубоко натянутом капюшоне, спустилась по рампе в сопровождении охраны. Когда она поравнялась с отцом, Энакину на мгновение показалось, что сейчас она ему врежет, однако Ильсиар прошла мимо и забралась в паланкин. Зафар закрыл задвижку и обернулся к послам.

— Пожалуйста, уважаемые послы, примите приглашение отдохнуть во дворце. Для вас уже приготовлены Восточные покои.

— Благодарю вас, старейшина Зафар. Но сначала мы заглянем на свой корабль, нужно связаться с флотом, — спокойно откликнулся Органа.

— О, последние сводки такие: флот Торговой Федерации отступил вскоре после начала боя. Я обратился к генералу-джедаю Пло Куну с просьбой остаться в пространстве Арании до подписания договора.

— Прекрасно, вот и поговорю с ним, — Органа поклонился. Энакин пошел за ним, спиной чувствуя недовольство Зафара, но удерживать послов тот все же не осмелился.

Первым, кого они увидели на корабле, был, конечно же, протокольный дроид.

— Ваша Светлость! Как же я рад вашему возвращению! Я так волновался! — дроид всплеснул руками. Похоже, эмоциональность и у старых, и у новых моделей одинаковая, подумал Энакин.

— Спасибо, Энти. Будь так добр, пришли медицинского дрoида в каюту генерала Скайуокера, — на ходу распорядился Органа. — И загрузи вот это в базу корабля, — он отдал дроиду дата-кристалл. — И распорядись об обеде...

— Меддроид не нужен, сенатор, — попытался воспротивиться Энакин, но Органа уже открыл дверь его каюты и неумолимо указал внутрь:

— Это для меня, генерал. Чтобы, когда я вас раздену, меня не хватил удар при виде ожогов от электромагнитной ловушки.

Энакин только моргнул. Раздену?..

Ты ведь сам его поцеловал, сказал внутренний голос. А теперь сдаешь назад? Энакин послал его к сарлакку и вошел.

Следом влетел подоспевший меддроид.

Вопреки обещанию, раздевать его Органа не стал — просто присел у стола, достал датапад и спокойно поглядел на Энакина. Выжидательно пискнул дроид.

Закатив глаза, Энакин начал расстегивать пояс. Настойчивость Органы одновременно раздражала и была приятна. Они оба знали, что не останься сенатор здесь, Энакин отказался бы от осмотра.

Раздевшись до белья — одежду нужно было привести в порядок, сменной-то нет, — Энакин наконец позволил жестянке себя осмотреть. Органа тактично смотрел в датапад, дроид оклеивал Энакина повязками с бактой и колол иглами, впрыскивая какие-то лекарства. Потом дверь открылась, и показался Энти.

— Одежда, Ваша Светлость.

Он положил на койку стопку одежды и собрал ту, что снял Энакин.

— Я попросил Энти принести кое-что из моих вещей, чтобы ты не сидел голым, пока твои приводят в порядок, — пояснил Органа, на мгновение подняв взгляд. — Не то чтобы я отказался посмотреть, но надо же соблюсти приличия, — по его лицу мелькнула усмешка.

Энакин прикусил губу. Меддроид финально пискнул и отлетел.

— Я же говорил, что здоров, — Энакин проводил его взглядом и взял рубашку из принесенной стопки. Она была слегка велика, как и штаны.

— У меня тут отчет, в котором говорится, что у тебя 30% поверхности тела в довольно тяжелых ожогах, и истощение, близкое к критическому, — возразил Органа и наконец поднялся. — Отдохни. Встретимся через три стандартных часа: думаю, к этому времени у нас появится достаточно информации, чтобы строить дальнейшие планы.

Когда он вышел, Энакин ненадолго растянулся на койке — и сам не заметил, как уснул. Его разбудил Энти, принесший его чистую одежду и вежливо передавший приглашение в кают-компанию. Энакин наскоро принял душ и переоделся. Вещи Органы он аккуратно сложил у себя на койке.

В кают-компании Органа уже сидел за голопроекторным столом. Он выглядел посвежевшим и хищным.

— В базе нашлось немало упоминаний Дарии. Энти что-нибудь из этого изобразит, — сказал он. — Час назад старейшина Зафар выпустил официальное обращение, посмотри.

Он включил голозапись.

«С огромной скорбью вынужден сообщить, что Его Величество Анвар стал жертвой заговора Конфедерации Независимых Систем и был подло убит, — старейшина Зафар стоял в кругу ораторов. — Сепаратисты пытались выставить это делом рук послов от Республики, а именно, генерала Скайуокера, однако Совет старейшин раскрыл заговор. К несчастью, Его Величество Гиас не вынес смерти своего венценосного брата-близнеца и последовал за ним, — Зафар склонил голову и немного помолчал. Потом поднял взгляд: — Однако Арания не осиротела — супруга Его Величества Гиаса ждет наследника. До достижения им совершеннолетия полномочия по управлению Аранией

будут переданы выбранному Советом Старейшин регенту завтра на рассвете. В этот же тяжелый день мы скорбим. Однако я призываю народ Арании забыть о предыдущих разногласиях — все они были результатом подлого заговора сепаратистов. Сейчас мы должны сплотиться, чтобы помочь наследнику вырасти достойным правителем и чтобы сохранить для него государство в процветании».

— Прекрасная речь, — Энакин не смог скрыть отвращения. — И что народ Арании?

— Все в замешательстве. И сторонники Гиаса, и сторонники Анвара остались не у дел. Правительство обезглавлено, и только железная хватка Зафара не дает подняться неразберихе.

— Нас пустят на Совет?

— Да, мне уже прислали приглашение. Думаю, Зафар хочет подтвердить легитимность своей власти и перед Республикой. Он уверен, что, получив обещанный союз с Аранией, мы будем молчать обо всем, что знаем.

— Что ж, его ждет большой сюрприз, — Энакин фыркнул.

Они встретились взглядами, и вокруг как будто повисло напряжение. Органа смотрел прямо, не отводя глаз, и Энакин понял, что сейчас тот протянет руку и коснется его лица, и тогда...

Он резко поднялся.

— Мне нужно помедитировать, простите.

И ушел, чувствуя, как лопатки жжет чужой взгляд.

Конечно же, никакой медитации не получилось. Энакин с раздраженным вздохом открыл глаза. Сейчас бы что-нибудь починить... Он вспомнил о разбитом голопередатчике Марра.

Вызвав Энти и попросив принести набор инструментов, он погрузился в починку, стараясь не думать об Органе и об ужине. Вскоре, впрочем, Энти пришел снова и принес поднос с едой. Прекрасный альдераанский стейк не лез в горло; Энакину хотелось выйти в кают-компанию и сесть за стол, поесть вместе с Органой, как они делали по дороге сюда.

Он знал, что если выйдет, наделает глупостей.

Последняя плата встала на место, и Энакин на пробу включил передатчик. Тот издал зажеванный писк; что-то заело, подумал Энакин, и потянулся выключить, но тут над пластиной возникло изображение, и вместе с ним звук.

Досмотрев запись до конца, Энакин победно улыбнулся — и с чистой душой отправился спать.

(16)

За время пребывания на Арании Энакин успел повидать Зал Совета с разных ракурсов. Со скамьи, куда их с Органой усадили на первом собрании. Из-за вентиляционной решетки у пола. По головидео.

Сейчас он смотрел на него с почетного места, где еще несколькими днями ранее сидели неймодианцы. Вот только теперь ни халифа, ни эмира на своей скамье больше не было, да и ряды старейшин зияли дырой, где ранее сидел Зафар.

Сейчас тот был в круге ораторов. Рядом с ним стоял резной паланкин; Энакин чувствовал присутствие Ильсиар, нервное и решительное одновременно. Розовые рассветные лучи падали в зал сквозь прозрачный купол; аранийцы на скамьях тревожно перешептывались, поглядывая на пустующие места правителей. Сбоку от скамьи старейшин среди прочих слуг Энакин вдруг увидел Ярима. Лицо юноши было словно отлито из бронзы и ничего не выражало. Энакина кольнула острая жалость.

Тихий гул стих, когда луч света дополз до круга ораторов. Зафар заговорил.

— Братья мои. Война пришла к нам на порог и принесла с собой скорбные утраты. Из-за чужой жадности и подлости Арания в одночасье лишилась сразу двух возлюбленных правителей и едва не была повергнута в пучину раздора. Однако за ночью всегда приходит рассвет. Небеса подарили Арании наследника Его Величества Гиаса, и именно к нему по достижении совершеннолетия по праву перейдет аранийский престол. Мы же должны помочь ему вырасти достойным правителем, избрав регента. На регента падет ответственность поддерживать и развивать государство, покуда мальчик не возмужает.

Гиас не успел стать полноправным халифом, однако Зафар титуловал его Его Величеством, а не Его Светлостью. Никто не возразил. Много же власти собрал вокруг себя старый интриган...

Со скамьи поднялся один из старейшин. Насколько Энакин помнил, его звали Нияз, и он был вторым по старшинству в Совете после Зафара.

— Все мы знаем, что старейшина Зафар все эти годы был верной опорой сначала для Его Величества Деала, а затем и для его сыновей — Его Величества Анвара и Его Светлости Гиаса, — неторопливо и весомо произнес он. — Старейшина Зафар более двадцати лет воплощал в себе мудрость Совета Старейшин, хранил традиции и законы Арании и служил ее процветанию. У Совета Старейшин нет сомнений, что регентом должен стать старейшина Зафар. Ко всему прочему, он еще и дед наследника, а семейные узы прочнее любых других.

Зафар приложил ладонь к сердцу и поклонился.

— Я недостойн этой высочайшей чести. Но если долг призывает меня к ней, я приму возложенные на меня обязанности с покорностью.

Красиво отрепетировано, подумал Энакин. Сейчас будет финальный

аккорд — ну, как они думают.

— Старейшины Арании! Высокородные князья! Есть ли среди вас кто-то, кто возразит? Кто предложит кандидатуру лучше? — спросил старейшина Нияз. Он обвел взглядом зал. Энакин видел на лицах аранийцев в основном согласие.

Пора.

Он повел ладонью в сторону паланкина, и задвижка отошла в сторону, а резная дверца распахнулась.

— Я возражу! — чистый и ясный женский голос разнесся по залу. Ильсиар шагнула вперед, покидая резную клетку, и выпрямилась, оглядывая зал. Ее лицо было открыто, волосы уложены сложной короной. Светло-голубое, как полуденное небо, платье струилось до самого пола; тонкие открытые руки были унизаны браслетами.

По залу Совета пронесся вздох ужаса. Кто-то побледнел до цвета светлой стали, кто-то отворачивался, кто-то закрывал глаза ладонями. Даже Зафар остолбенел — потянулся к Ильсиар, да так и замер.

Та звонко повторила:

— Я возражу! Мой отец, старейшина Зафар — предатель и убийца! Все это был его план — подставить Анвара, убив послов Республики, чтобы посадить на трон Гиаса, своего тестя. А когда выяснилось, что я жду наследника, что есть младенец, куда более удобный, чем Гиас, старейшина Зафар убил и его. Этому несправедливому человеку не бывать регентом!

— Девчонка! Что ты несешь?! — заорал Зафар. — Как ты смеешь обвинять собственного отца в таких ужасных вещах? Ты сошла с ума? Скройся немедленно с глаз! — он попытался схватить ее, но она отступила, неожиданно ловко увернувшись.

Совершенно потеряв контроль, Зафар крикнул:

— Стража!

Стражники, немного замявшись, все же двинулись к Ильсиар, и Энакин легко перескочил цепочку-ограждение, приземлился в кругу ораторов и заслонил девушку собой. Он поймал взгляд Органы, и тот слегка кивнул. Они обсудили, что будут делать, утром.

— Вы говорите, что сказанное Ее Высочеством — ложь, старейшина?
— с ухмылкой спросил Энакин. — А как вы объясните это?

Он поднял ладонь с голопроектором — тем самым, посла Марра, который он починил, и в воздухе развернулась запись.

«...Это ты во всем виноват! Анвар умер из-за тебя! А теперь ты погубил еще и Гиаса! Все из-за твоей жадности, из-за твоих козней...»
— раздался голос Ильсиар. Над залом задрожало изображение Зафара:

«Заткнись сейчас же, девчонка! Убив Гиаса и отменив взрыв, я спас твою жизнь! Ему было все равно, что ты взлетишь на воздух вместе с Лунной крепостью! И ты еще и смеешь меня обвинять? Ты вернешься во дворец и будешь сидеть тихо! Лекарь все сказал мне! Твой ребенок теперь — законный правитель Арании, и я не позволю тебе ему навредить!»

Зал разразился криками. Аранийцы повскакивали с мест, на лицах отражались недоверие, гнев, ярость, изумление, страх... Зафар хватал ртом воздух, держась за грудь; Энакину не было его жалко.

— Что это значит? — перекрыл вопли голос старейшины Нияза. — Откуда эта запись? О каком взрыве речь?

Органа неспешно поднялся со своего места и тоже вышел в круг ораторов.

— Позвольте, я расскажу уважаемым старейшинам и благородным князьям Арании, что к чему, — спокойно сказал он. Его голос

окончательно подавил гомон; теперь все напряженно смотрели вниз.

— Как вы уже знаете, Его Светлость Гиас и в самом деле был старшим сыном халифа Деала, — сказал Органа. — Однако правда в том, что Гиас узнал об этом не от Зафара на недавнем совете. Он знал об этом давно: перед смертью Его Величество открыл ему эту тайну. На тот момент юный эмир смирился с выбором отца, однако, женившись на дочери старейшины Зафара, он постепенно попал под его влияние. Зафар убеждал его занять трон — ему мало было быть тестем эмира, он хотел большего, хотел власти. Именно он побудил Его Светлость Гиаса к заговору против халифа Анвара.

— Ложь! — слабо выкрикнул Зафар, все еще держась за грудь, но на его слова отреагировали лишь редкими взглядами.

— Как и сказала Ее Высочество, целью заговора было подставить Его Величество Анвара, — продолжил Органа. — Купленного на черном рынке сепаратистского дроида перепрограммировали и провезли во дворец, чтобы установить взрывчатку в наших покоях — как будто это дело рук неймодианцев и благоволящего к ним халифа. После взрыва под предлогом подозрений Анвар был помещен под домашний арест — и науськан людьми Гиаса и перепуганными неймодианцами бежать и восстать против брата. Вместе со вскрывшейся историей о первенстве это дало бы повод для отстранения от власти Анвара — и так и произошло, старейшина Зафар не промедлил. Однако к этому моменту в Арании уже назрел раскол — на стороне Анвара оказалось много подданных. Да еще и мы выжили и настояли на том, чтобы отправиться на переговоры в Лунную крепость, — Органа усмехнулся. — И тогда старейшина Зафар и Гиас, по-видимому, решили, что нужно избавиться от двух угроз одним ударом. Они связались с неймодианцами и сговорились, что если те помогут устранить Анвара и послов, Арания заключит союз с Конфедерацией. Гиас отправил в Лунную крепость своих людей под видом сторонников Анвара, и одного из дворцовых слуг, Шуа, взяв в заложники его возлюбленного. Под страхом смерти Ярима Шуа было приказано убить Его Величество, подставив генерала Скайуокера. К несчастью, мы не смогли предотвратить столь ужасный исход, — он с горечью вздохнул.

— Шуа заманил нас в апартаменты Его Величества, а затем убил Анвара и покончил с собой. Посол Марр караулил рядом и поднял крик, и охрана Анвара, а вместе с ними люди Гиаса попытались убить нас — чтобы окончательно замести следы. Однако нам удалось скрыться. А по дороге мы наткнулись на Ее Высочество Ильсиар, которая и рассказала нам об истинных зачинщиках заговора, — Органа слегка поклонился в ее сторону.

Ильсиар кивнула:

— Я узнала о бесчестных планах моего отца и супруга и бежала в Лунную крепость, чтобы предупредить Его Величество Анвара об опасности, но... Я не успела, — она прикусила губу.

Энакин перевел дух — у них не было возможности поговорить с Ильсиар до Совета, однако аранийка оказалась достаточно умна, чтобы подыграть Органе, виртуозно скрывшему правду о связи Ильсиар с Анваром. Лгать Энакину не слишком нравилось, но он понимал, что правда бы очень плохо сказалась и на вопросе престолонаследия, и на судьбе Ильсиар, и поставила бы под удар их миссию.

— Когда неймодианцы сообщили Гиасу, что мы ускользнули, он, доведенный до крайности, принял чудовищное решение — решил взорвать Лунную крепость вместе со всеми, кто там оставался. Семье правителя было известно, что Лунная крепость была покинута из-за жилы райдония под ней. Достаточно лишь малого взрыва, чтобы все взлетело на воздух — но при этом выглядело естественной катастрофой, наказанием за проникновение в запретное место. Однако в момент переговоров Гиаса с посланцем Марром по голосвязи вошел старейшина Зафар и понял, что Гиас зашел слишком далеко и готов пожертвовать даже собственной супругой и нерожденным ребенком. И Зафар застрелил Гиаса. Спасти свою дочь, носящую наследника, и стать регентом — что может быть удобнее? — Органа развел руками. — Вы сами видели последующий разговор старейшины Зафара с Ее Высочеством Ильсиар.

— Подделка! Ложь! — прохрипел Зафар. — Вы не можете верить

женщине и инопланетникам! Взять ее!

Снова поднялся шум. Часть стражи, колеблясь, осталась на месте, но несколько воинов все же двинулись вперед. Энакин положил ладонь на рукоять меча, однако Ильсиар вдруг отодвинула его с дороги и вскинула голову:

— Посмеете тронуть ту, что носит истинного правителя Арании?!
Именем законного халифа я приказываю взять под стражу старейшину Зафара!

Стражники снова заколебались, но несколько все же двинулись к Зафару. Люди на скамьях трясли кулаками и кричали — кто-то в поддержку Зафара, кто-то — Ильсиар. В этой неразберихе Энакин вдруг почувствовал странное движение Силы — и, повернувшись, увидел, как Ярим подскакивает к стражнику, выхватывает у него из кобуры бластер и...

— За Шуа!

Яркая алая вспышка ударила в грудь Зафара. Всплеснув руками, старейшина упал с пробитым сердцем; Ярим улыбнулся, молниеносно поднес бластер к собственному виску и нажал на спуск.

Зал впал в неистовство. Кто-то бежал вниз, кто-то ломился к дверям; Ильсиар стояла посреди всего этого неподвижно, вся из голубого света, сама как лунное изваяние, что Энакин видел в крепости.

— Довольно, — не так уж громко сказала она, но ее услышали. На зал постепенно опустилась ошеломленная тишина. — Судьба решает лучше нас. Мой отец поплатился за свои злодеяния — как поплатился и Гиас. Все кончено. Кроме одного — мы ведь собрались здесь, чтобы выбрать регента.

Она набрала воздуха в грудь.

— Нет нужды выбирать. Регентом буду я. По крайней мере, пока

наследник не родится. Мы с ним — одно целое. И он будет говорить через меня, — с этими словами она сбросила с головы лобное украшение, и ее третий глаз засиял словно бы собственным светом. Аранийцы ахнули, многие снова отвернулись.

Однако кто-то из зала выкрикнул:

— Невозможно! Женщина не может править Аранией!

Энакин повернулся на голос и увидел, что это тот самый князек, что мучил его за приветственным ужином. Князька поддержали одобрительные голоса, но Ильсиар лишь усмехнулась.

— Еще одна ложь. Старейшина Нияз, не хотите рассказать народу о Дарии? — обратилась она к старейшине. Тот заметно побледнел и промолчал. Тогда Органа включил голопроектор снова. Над кругом ораторов возникла голограмма с лунным памятником — на ней в ускоренной съемке сменялись образы правителей, и вот наконец появилась Дария; голопроекция замерла.

По залу пронесся нестройный вздох. О существовании сакрального Лунного зала всем было известно, но никто не знал, что именно за статуи в нем показываются. Информация была тщательно скрыта и подтерта за прошедшие сотни лет.

— Вы не ошибаетесь, — подтвердила Ильсиар. — Это памятник, что находится в сердце Лунной крепости. В нем запечатлены фигуры государей Арании, правивших до исхода из Лунной крепости. И Дария — одна из них. Женщины правили Аранией, пока мужчины не заперли их по домам, как ценный скот, как инкубаторы! — она возвысила голос. — Вот только мы ничем не хуже вас! Услышьте меня, сестры, и покиньте женские половины. Хватит! Я дам вам то, что вы заслуживаете! Уважение и почет! В конце концов, без нас ни один мужчина Арании не появился бы на свет, — она усмехнулась и крикнула: — Признайте меня — или убейте, но подумайте, сколько из моих сестер последуют за мной!

Угроза была весомой. Женщин и так мало, и сколько из них и в самом деле несчастны? Сколько убьют себя в знак солидарности со своей правительницей? Энакин крепко сжал рукоять меча, в любой момент готовый отбивать выстрелы.

Прошло несколько долгих секунд — а потом один из стражников опустился на колени. За ним последовали еще несколько; то же движение началось и на скамьях — аранийцы склоняли головы, признавая право Ильсиар. Немного помедлив, поклонился и старейшина Нияз. Однако Энакин видел, что некоторые пробираются между рядами, чтобы уйти. Как бы там ни было, вскоре весь зал застыл в поклоне, и Ильсиар кивнула.

— Вы приняли меня, я принимаю вас, — сказала она. Должно быть, это была ритуальная фраза, потому что по залу пронесся слаженный вздох. — Поднимитесь! Нам многое нужно сделать и о многом позаботиться.

Старейшина Нияз спустился со своего места, подал Ильсиар руку и самолично проводил ее на скамью правителей. Пока они поднимались, стражники поспешно убрали тела. Органа и Энакин вернулись на свою скамью тоже.

Ильсиар уселась, расправила струящееся платье. Наверное, для большинства аранийцев она смотрелась на этом месте чужеродно — женщина, светловолосая, без традиционной расшитой мантии-воротника, — но Энакину она показалась в этот момент прекрасной.

Напомнила Падме — светло, без боли.

— Я начну с главного, — сказала она и перевела на них взгляд; светло-серые глаза отливали серебром. — Сенатор Органа, генерал Скайуокер, уважаемые послы Республики. Именно вы спасли Аранию — ваша помощь в раскрытии заговора неоценима, мне очень жаль, что ваши жизни подверглись здесь опасности. Благодаря вам и я, и все мы воочию увидели правду о Республике — государство, которому служат такие смелые, честные, добрые и самоотверженные люди, не может

быть дурным союзником. Его частью хочется быть, — она перевела взгляд на старейшину Нияза.

Тот моргнул. Потом на его лице проступило понимание.

— Сенатор Органа, если я верно помню, Галактическая Республика выражала готовность принять Аранийскую систему в свой состав и тем самым улучшить условия союза? — откашлявшись, осведомился он.

Энакин, опешив, посмотрел на Органу. Кто мог подумать, что исход миссии будет настолько удачным?!

Тот весело и совершенно по-мальчишески ему подмигнул. И ответил советнику:

— Все верно.

(17)

Оказалось, что Восточный дворец ничем не отличается от Западного — разве что, может, чуть богаче была отделка и обстановка. Энакин провел ладонью по парчовой обивке дивана — и со вздохом удовлетворения откинулся на мягкую спинку. Они сидели в такой же гостиной, как в день их прибытия, и затылок Органы точно так же отражался в зеркальной стене за его спиной. Только жара уже не мучила так сильно, солнца скрылись за горизонтом, и зной пошел на спад.

Весь день они провели подле Её Высочества. Сначала Совет долго не мог прийти к согласию насчет вхождения Арании в состав Республики; кто-то из князей снова начал орать, что девчонка не может быть правителем, что она очарована инопланетниками и не имеет права диктовать волю от имени нерожденного правителя. Во время этих прений зал покинуло еще несколько аристократов.

Старейшины трижды удалялись на совещание; Ильсиар сохраняла

внешнее спокойствие, но Энакин чувствовал, как ей тяжело и тревожно. Постепенно солнца вошли в зенит, превращая зал в огромный залитый светом шар — и лишь когда они покатались вниз, старейшина Нияз наконец объявил волю Совета: Арания присоединится к Республике на предложенных ранее условиях.

Победа, подумал Энакин. Цена ее оказалась высока, и он был по-прежнему недоволен собой на этой миссии; слишком много ошибок, слишком много... посторонних переживаний, которые к этим ошибкам привели. Однако дело было сделано, и Органа улыбался, словно сытый лот-кот.

Затем они сопровождали Её Высочество на встрече с генералом Пло Куном — по совету Органы Ильсиар дала республиканскому флоту право на проход через планетарный щит и пригласила генерала-джедая познакомиться. Это должно помочь, если будут попытки неповиновения среди князей. Когда на стороне Её Высочества не только малочисленная аранийская стража, но и магистр-джедай и несколько тысяч клонов, которые могут высадиться в течение часа — много раз подумаешь, прежде чем бунтовать.

— И все же Её Высочеству будет тяжело, — сказал Органа, словно в продолжение мыслей Энакина. Тот на мгновение даже решил, что Органа каким-то образом их услышал — как слышал иногда Оби-Ван, когда между ними еще была ученическая связь. Но это была, конечно, чушь. — Ильсиар так и будут пытаться сместить или хотя бы бойкотировать. Особенно после того, как родится ребенок. Попытаются выбрать нового регента. Никому не под силу перестроить так быстро целый мир.

— Если другие аранийки поддержат Ильсиар и дадут отпор отцам и мужьям, возможно, все будет не так уж плохо. В конце концов, им достаточно лишь снять налобное украшение — и мужчины ничего не смогут им сделать. Им придется смириться, когда женщины лишат их того, что им так отчаянно нужно — продолжения рода.

— Да, это, конечно, поразительно, как долго, обладая таким мощным

инструментом, как воздействие на разум, женщины Арании все равно слепо подчинялись традиции. Впрочем, возможно, Ильсиар на самом деле не единственная аранийка, которой все это опостылело, — Органа улыбнулся. — Поглядим. Может быть, ей и удастся удержать власть. Ярим, как бы мне ни было его жаль, оказал Арании большую услугу, убив старейшину Зафара. Полагаю, тот нашел бы способ и из темницы управлять своими марионетками, и быстро бы оттуда выбрался.

— Да. Мне жаль и Ярима, и Шуа, и Анвара, — Энакин вздохнул. — И Ильсиар тоже жаль. Каждый из них пошел на поводу у чувств, и чем все закончилось?

— Трагедией, — не стал спорить Органа. Однако мягко добавил: — И все же чувства — это не всегда плохо, Энакин. Кстати. Я ведь так и не поблагодарил тебя за то, что ты сделал в подвалах Лунной крепости.

Энакин сглотнул. Все мысли разом вылетели из головы. За что его благодарят? За поцелуй?..

— За то, что закрыл меня собой, — с улыбкой пояснил Органа, снова будто услышав мысль. Энакин догадывался, впрочем, что у него все написано на лице, и соорил бесстрастное выражение.

— Не стоит. Это моя работа, — резковато откликнулся он. Он снова не понимал, разочарован он или чувствует облегчение от того, что Органа не обмолвился о поцелуе. Как бы там ни было, это уже неважно. Завтра они покинут Аранию и через пару дней расстанутся — возможно, что и навсегда.

Эта мысль внезапно отдалась болью.

— Да, — ответил Органа. — Но в тот момент закрывать меня собой было бессмысленно — мы все взлетели бы на воздух. Но ты все же это сделал, — он чуть склонил голову набок, и Энакин не выдержал, отвел взгляд.

Нужно помедитировать и выкинуть все это из головы. Он поднялся.

— Вам нужно отдохнуть. Приключение все же было утомительным. Доброй ночи, Бейл.

— Энакин... — Органа сделал движение, словно хотел потянуться к нему и остановиться, но потом снова расслабился и откинулся обратно на спинку дивана. По его лицу ничего нельзя было прочесть, когда он сказал: — Доброй ночи.

Энакин кивнул и вышел.

Луны всходили над Аранией одна за другой, заливая спальню призрачным светом. Сев на пол, Энакин некоторое время тупо смотрел на узорные квадратики плитки перед собой.

Все будто бы повторялось. Он уже сидел так, пытаясь медитировать — и тщетно. Занавеси на дверях террасы колыхались, отбрасывая изменчивые тени.

Энакин закрыл глаза. Почему все так? Почему он снова должен с собой бороться?

Вспомнилось множество прикосновений, что случились между ними за эти дни. Тепло чужого тела под руками. Улыбка — то мягкая, то коварная. Темный блеск глаз...

Да к крифффу все. Они с огромной вероятностью больше не увидятся, а одноразовые интрижки никто не запрещал.

Энакин поднялся.

Он вышел на террасу с бьющимся в горле сердцем. Тот же путь; снова. Пригласил ли Органа к себе слуг?.. И что делать, если да?

Вот и знакомые двери; открыто, сквозь колышущиеся занавеси мерцает свет. Энакин задержал дыхание и отвел в сторону прозрачный

шелк.

Органа был один. Стоя спиной к Энакину, он раздевался. Вот поползла рубашка с широких плеч...

Энакин шагнул вперед. Органа обернулся на звук, но Энакин не дал ему сказать ни слова — взяв за затылок, притянул к себе и вовлек в поцелуй.

Спустя мгновение Органа крепко обнял его в ответ и притиснул к себе, вжав пахом в бедро. Энакин ахнул — так пробрало жаром, — и сразу же получил укус за губу, не больный, но чувствительный.

Теперь Органа вел в этом неозвученном поединке; его руки, кажется, были везде — гладили, сжимали, расстегивали пояс, тянули с плеч одежду. Энакин застонал, когда их голые торсы соприкоснулись. Укусив Органу в ответ, он толкнул его на край ложа и уселся к нему на колени.

Как тот слуга. Мысль мелькнула, пробрав огнем, и растворилась, когда Органа впился губами в его шею. А потом и вовсе прихватил под лопатки и уронил на постель рядом с собой. Отстранившись, он в два счета раздергал застежку на штанах Энакина и наклонился, приласкав губами сосок, ребра, живот. Энакин вздрогнул и вцепился пальцами в короткие волосы, то ли желая отстранить — то ли вжать в себя сильнее, но Органа уже сам опустился ниже и, не медля, взял его член в рот.

Энакин прикусил предплечье, чтобы не вскрикнуть. Бедрa рефлекторно дернулись навстречу, и он успел испугаться, но Органа не оттолкнул его — только принял глубже, обхватил губами плотнее. Энакин запрокинул голову и придушенно застонал.

Так хорошо, так сладко, почти невыносимо!.. Он забыл, что хотел молчать; выгибался дугой, комкая в пальцах простыни. Жар накатывал все сильнее с каждым умелым движением Органы, и у Энакина не было сил этому сопротивляться. Не прошло и пары минут, как он

забился почти в агонии; зрение застлало белым, и пришла разрядка — он кончил так ярко и мощно, как никогда раньше.

Все исчезло на пару мгновений. Затем Энакин почувствовал, что его переключают выше. Ощутил тяжесть чужого тела и прикосновение большого и очень твердого члена к бедру. Органа поцеловал его в шею, и Энакина снова пробило дрожью — отголоском оргазма.

— Ты позволишь?.. — низкий шепот приласкал ухо.

— Да!.. — Энакин все не открывал глаз — будто боялся, что ослепнет. Не говоря больше ни слова, он сам перевернулся на живот. Органа хмыкнул и, заставив приподняться, подсунул ему под бедра подушку.

А потом Энакин почувствовал горячий и сильный язык прямо между ягодиц.

Он изумленно вскрикнул; Органа прихватил его за задницу, не давая отстраниться, и развел ягодицы в стороны, проникая лишь глубже.

Разум совершенно покинул Энакина. Вскоре он уже стонал, вскидывая бедра навстречу чужому языку. Потом тот исчез, и стало иначе — он ощутил в себе скользкие пальцы. Это было странно, но неожиданно возбуждающе. Энакин никогда, ни перед кем не чувствовал себя таким раскрытым и уязвимым, и в этом было какое-то особенное, немного постыдное удовольствие.

Словно в ответ на ласки Сила сгустилась вокруг него, подобная слабо наэлектризованному облаку; Органа ахнул, но не испуганно, а с восторгом. Ох, ему же нравится. Энакин прикрыл глаза и, сосредоточившись, коснулся сенатора Силой — погладил по спине невидимым плотным прикосновением.

Органа издал низкий довольный стон, от которого у Энакина мурашки прокатились по телу. Он слегка двинул бедрами, подаваясь навстречу пальцам, и Органа погладил его изнутри, продвинулся еще глубже, надавил — и Энакина вдруг пробрало сладкой судорогой. Он тихо

изумленно вскрикнул и дернулся вперед уже сам, повторяя движение.

Ах!..

Он вскидывал бедра еще и еще. Увлечшийся собственным удовольствием, он почти не заметил, как пальцев стало больше — но протестующе застонал, когда те вдруг исчезли.

Органа налег на него сверху, выдохнул на ухо:

— Расслабься, — и прикусил плечо. Одновременно с этим Энакин почувствовал, как в него вторгается что-то очень большое, намного больше, чем когда Органа его готовил.

Он закаменел, не в силах справиться с ощущением жжения; Органа замер, поцеловал его в плечо:

— Ш-ш. Не зажимайся. Все хорошо. Расслабься. Вот так...

Энакин закрыл глаза, пытаясь приспособиться. Органа почти не двигался, ждал, хотя его дыхание было тяжелым, а все тело подрагивало от напряжения. Энакин сделал глубокий вдох.

Постепенно становилось легче. Он на пробу шевельнулся, и Органа резко вздохнул над ним, сильно сжав пальцами бедро.

— Давай же, — шепнул Энакин, и Органа медленно и плавно вошел глубже.

Это не было больно, но и приятно тоже не было. Энакин расслабился, принимая мягкие размеренные толчки; потом Органа слегка отстранился, просунул руку ему под живот и обхватил обмякший член.

Теперь каждое движение его бедер вталкивало Энакина в скользкий сжатый кулак; по телу мало-помалу снова покатались мурашки возбуждения.

Они вместе. Органа трахает его, плавно, почти что нежно. Сама мысль об этом распалила сильнее снова зародившийся внутри жар. На следующем толчке Энакин уже сам подался назад — и снова вперед, в сжатые пальцы в поисках наслаждения.

Органа снова укусил его за плечо. Поцеловал, лизнул шею. Энакин, понемногу теряясь в удовольствии, двигался все размашистей, сбивая Органу с дыхания. Вскоре их движения сделались совсем рваными и беспорядочными, стоны смешались, а потом Органа вдруг резко отстранился, заставив Энакина вскрикнуть от ощущения пустоты, одним движением перевернул его на спину, склонился и, обхватив оба члена ладонью, задвигал рукой быстро и безжалостно, потирая их друг о друга и глядя Энакину в глаза потемневшим взглядом.

Энакин застонал, словно этот взгляд был еще одной лаской — и выгнулся, и Органа издал низкий звук, похожий на рычание. Его член дрогнул, и Энакин почувствовал на животе и на своем члене горячее семя. От этого его тоже скрутило и бросило в оргазм.

...Он не знал, сколько времени прошло после; просто почувствовал, как Органа осторожно ложится рядом, вытирает его живот и, рвано вздохнув, целует в висок. Повернувшись, он не глядя нашел чужие губы и поцеловал — расслабленно и лениво.

Органа положил ему руку на грудь — та легла приятной тяжестью. Неудержимо клонило в сон. Мыслей не было, и не было слов, но они были и не нужны им.

Энакина разбудил солнечный луч, скользнувший по векам. Органа спал рядом, закрыв лицо рукой; его дыхание было ровным и глубоким. Энакин приподнялся на локте и некоторое время просто разглядывал его, цепляясь взглядом за шрамы. Потом наклонился и поцеловал тот, что на груди.

Дыхание Органы изменилось, и Энакин почувствовал, как в волосы вплетаются пальцы.

— Доброе утро, генерал, — хрипловато промурлыкал Органа, не открывая лица.

— Доброе утро, сенатор, — откликнулся Энакин и, немного помедлив, коснулся губами темного соска. Органа засмеялся и уронил его на спину, нависая и ловя взгляд.

— Я рад, что вы изменили свое мнение насчет чувств, генерал, — в его глазах плясали смешинки.

У Энакина загорелись щеки.

— Каких еще чувств? — возмутился он. — Не обольщайтесь, сенатор, это был просто секс. Одноразовый.

Органа расхохотался:

— Как скажешь, — и поцеловал Энакина в шею. Энакин задохнулся от накатившего возбуждения и обнял его, притягивая к себе. Да гори оно всем огнем.

И все снова горело.

Над посадочной площадкой здания Сената Энакин заложил плавный вираж, и «Транта» послушно легла на крыло, словно живая. Закатное солнце скользнуло по иллюминатору — непривычно слабое после Арании, едва проступающее сквозь корусантскую дымку.

Шасси коснулось платформы почти незаметно. «Транта» замерла, и Энакин с сожалением отстегнул ремень. Органа сделал так же и развернулся к нему вместе с креслом.

Они были одни в рубке — после выхода из гиперпространства Органа выгнал команду в кают-компанию, и они заняли пилотские кресла

сами.

— Что ж. Поздравляю с успешным окончанием миссии, генерал, — сказал Органа с улыбкой.

— И я вас, сенатор, — Энакин сверкнул зубами в ответ. На душе было муторно из-за предстоящего расставания, но он не собирался этого показывать.

Органа вдруг наклонился и поцеловал его.

— До встречи на следующих переговорах, — слегка отстранившись, шепнул он с довольной усмешкой.

— Я больше с вами на «мирные миссии» не полечу, — возмутился Энакин деланно.

— Что? Вы хотите, чтобы в следующий раз я погиб в каком-нибудь взрыве без своего джедая-телохранителя? — Органа комично вскинул брови.

Энакин взял его за руку, прикрыл глаза и на мгновение прижал теплую ладонь к щеке.

— Конечно же, нет, — пробормотал он. И в нарушение всех доводов разума и постулатов Кодекса шепнул: — Зовите.

Он знал, что, скорее всего, они еще долго не увидятся — и когда пройдет время, Органа вряд ли вспомнит его, всего лишь одно из множества любовных приключений. Но почему бы хотя бы не помечтать.

Органа вдруг взял его за подбородок, приподнимая голову, отчего Энакин открыл глаза, и серьезно сказал:

— И позову.

И Энакин против своей воли счастливо улыбнулся.